

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

А.Л. Корзинин — Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстания 1530—1540-х гг. 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Н.А. Власов — Альфред фон Вальдерзее 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев — Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.) 43

СООБЩЕНИЯ

В.А. Ипполитов, А.А. Слезин — Восприятие в комсомоле статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» ... 52

М.Р. Гасанов — Каспийский поход Петра I 1722—1724 гг. — важный этап в развитии российско-дагестанских взаимоотношений 61

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Э.М. Аббасов — Неизвестные страницы истории Бакинского государственного университета	70
Чжун вз Чжо — Реорганизация советских профсоюзов в 1928—1931 гг.	87

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

И.С. Рыбачёнок — Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса	100
--	-----

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Советско-германский пакт о ненападении 1939 г.: узловые моменты дискуссий	123
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Е.В. Воейков — Борьба лесной охраны с хищениями леса в Поволжье в годы нэпа	140
С.А. Репинецкий — Принятие революции: как российские либералы стали ее сторонниками	151

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

С.Г. Кцова — Некоторые аспекты трансформации этнической религии осетин во второй половине XIX — начале XX в.	162
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

К.В. Минкова, С.Л. Ткаченко — Дж.П. Гасанлы. Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939—1945)	172
Возвращаясь к напечатанному	175

Хроника Великой Победы (1941–1945 гг.)

Накануне...

Аннотация. Документы, представленные в настоящей подборке, охватывают период с мая по июнь 1941 г. — канун и самое начало Великой Отечественной войны. Один из них — «Соображения Генерального штаба Красной Армии по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» — был подготовлен не ранее 15 мая 1941 года. Второй — «Боевой приказ Народного Комиссара Обороны № 2» — датирован 22 июня 1941 года.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная Армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Румыния, Венгрия, Финляндия, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Н.Ф. Ватутин, А.М. Василевский, Г.М. Маленков, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. The documents under examination are related to May-June 1941. The first one — «Considerations of the Red Army General Staff on the strategic deployment plan of the armed forces of the Soviet Union in case of war with Germany and its allies» — was issued not earlier than May 15, 1941. The second one — «Military order of the People's Commissar of Defense № 2» — dated June 22, 1941.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Romania, Hungary, Finland, S. Timoshenko, G. Zhukov, N. Vatutin, A. Vasilevski, G. Malenkov, Ministry of Defense of Russian Federation.

Нападение нацистской Германии на СССР на рассвете 22 июня 1941 г. стало неожиданностью для подавляющего большинства солдат и офицеров Красной Армии, не говоря уже о простых гражданах страны. Однако политическое и особенно военное руководство Советского Союза не только заранее обладало информацией, позволявшей предполагать подобное развитие событий, но еще за месяц до начала Великой Отечественной войны обсуждало возможные превентивные военные меры против Германии и ее сателлитов. Документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации свидетельствуют о том, что уже во второй половине мая Генеральный штаб Красной Армии подготовил свои соображения касательно развертывания вооруженных сил «на случай войны с Германией и ее

Публикацию подготовил П.А. Искендеров.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2018, № 5, 6, 7.

союзниками». Документ был составлен в единственном экземпляре и предназначен исключительно для личного ознакомления И.В. Сталина без использования телефонной и других технических видов связи. На бланке документа отсутствует указание на точную дату (в соответствующую строку вписан лишь месяц — май 1941 г.). По его содержанию и датировке приложенных карт можно сделать вывод, что он был подготовлен не ранее 15 мая. В документе, в частности, говорилось:

«Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталину.

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

I. В настоящее время Германия по данным разведывательного Управления Красной Армии имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийские дивизий, а всего около 284 дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.5.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до 120 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня, Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас — до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий.

Остальные 104 дивизии вероятно будут находиться... в резерве.

Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест — Демблин для нанесения главного удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Одновременно надо ожидать удара на севере из Восточной Пруссии на Вильно, Витебск и Ригу, а также коротких, концентрических ударов со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — надо ожидать ударов

а) в направлении Жмеринки, — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями;

б) в направлении Мункач, Львов и

в) Санок, Львов.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пд [пехотных дивизий], Румыния до 25 пд [пехотных дивизий].

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее

линии Брест — Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном, или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона...

Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. Произвести скрытое от мобилизации войск под видом учебных сборов запаса.

2. Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного Командования.

3. Скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать разворачивать авиационный тыл.

4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений разворачивать тыл и госпитальную базу...

VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того, чтобы обеспечить себя от возможного, внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе.

2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6.41 г. ...

Одновременно необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов,... предусмотреть строительство укрепрайонов в 1942 г. на границе с Венгрией, а также продолжить строительство укрепрайонов по линии старой госграницы».

Документ был выполнен на бланке: «НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР» рукой А.М. Василевского (занимавшего

тогда должность заместителя начальника оперативного управления Генерального штаба). Его подписали Народный комиссар обороны С.К. Тимошенко, член Главного Военного Совета Красной Армии Г.М. Маленков и начальник Генерального штаба Красной армии Г.К. Жуков.

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1—15.

Реализация предложенных Генеральным штабом Красной Армии мер требовала значительных материально-технических и организационных усилий и объективно вряд ли могла быть осуществлена в соответствующие сроки. Кроме того, советское партийно-государственное руководство во главе со Сталиным недооценивало предупреждения о намерении гитлеровской Германии уже в текущем году начать войну против СССР, что также сдерживало осуществление превентивных мер. В результате комплекс разработанных мероприятий в целом так и не был осуществлен.

Тем не менее, даже в первые часы после нападения нацистской Германии на СССР советское руководство рассчитывало при помощи серии мощных и стремительных контрударов переломить ситуацию. В 7 час. 15 мин. утра 22 июня 1941 г. был обнародован «Боевой приказ Народного Комиссара Обороны № 2», в котором авиации предписывалось разбомбить города Кенигсберг (современный Калининград) и Мемель (ныне — Клайпеда, Литва), а также нанести удары по объектам в глубине вражеской территории. Документ гласил:

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили Советскую границу.

Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Приказ был подписан Тимошенко, Маленковым и Жуковым.

При этом на обороте последнего листа данного документа стоит приписка Жукова с его подписью: «Т. Ватутину. Румынию бомбить» (Н.Ф. Ватутин занимал в то время должность первого заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии).

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941–1945)

On the Eve...

The attack of Nazi Germany on the Soviet Union at the dawn of June 22 1941 was a surprise for the vast majority of soldiers and officers of the Red Army — not to mention the ordinary citizens of the country. However, the political and especially the military leadership of the Soviet Union not only had in advance information that allowed to assume such a development, but a month before the beginning of the Great Patriotic War discussed possible preventive military measures against Germany and its satellites. According to the documents from Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, by the second half of May 1941 General Staff of the Red Army has prepared its vision on the deployment of the army forces “in case of war with Germany and its allies”. The document was drawn up in a single copy and was intended solely for personal acquaintance of Joseph Stalin without the use of telephone and other technical means of communication. On the form of the document there is no indication of the exact date (in the corresponding line is written only a month — May 1941). According to its content and the dating of the attached maps, it can be concluded that it was prepared not earlier than on May 15. The document, in particular, said:

«To Chairman of the Council of People’s Commissars of the USSR Com[rade] Stalin.

I am reporting to You on the strategic deployment plan of the Soviet armed forces in case of war with Germany and its allies.

I. Currently Germany according to the intelligence Directorate of the Red Army has deployed about 230 infantry, 22 tank, 20 motorized, 8 air and 4 cavalry divisions, and a total of about 284 divisions.

Of these, on the borders of the Soviet Union, as of 15.5.41, up to 86 infantry, 13 tank, 12 motorized and 1 cavalry divisions, and a total of 120 divisions are concentrated.

It is assumed that in the political situation of today, Germany, in the case of an attack on the USSR, will be able to put against us — up to 137 infantry, 19 tank, 15 motorized, 4 cavalry and 5 airborne divisions, and totally up to 180 divisions.

The other 104 divisions will probably be... in reserve.

Most likely the main forces of the German army, consisting of 76 infantry, 11 tank, 8 motorized, 2 cavalry and 5 air divisions, totally up to 100 divisions, will be deployed to the south of Brest-Demblin line for the main attack in the direction of Kovel, Rovno, Kiev.

At the same time, we should expect a strike in the North from East Prussia on Wilno, Vitebsk and Riga, as well as short, concentric blows from Suwalki and Brest to Volkovysk, Baranovichi.

In the South — we should expect strikes

a) in the direction of Zhmerinka-Romanian army, supported by German divisions;

b) in the direction of Munkacz, Lviv and

c) Sanok, Lviv.

Likely allies of Germany can put up against the USSR: Finland up to 20 infantry divisions, Hungary — 15 infantry divisions, Romania for up to 25 infantry divisions.

In total, Germany and its allies can deploy up to 240 divisions against the USSR.

Given that Germany at present keeps its army mobilized, deployed with the rear, it has the ability to alert us to deploy and strike a sudden blow.

To prevent this, I think it is necessary in any case not to give initiatives of action to the German Command, to pre-empt the enemy in the deployment and attack the German army at a time when it will be in the deployment stage and will not have time to organize the front and the interaction of the armed forces.

II. To put the first strategic goal of the Red Army — to defeat main forces of the German army deployed south of the Brest-Demblin line, and to exit to the 30th day of the operation to the front of Ostrolenka, the Narev River, Lovich, Lodz, Kreuzburg, Oppeln, Olomouc. The subsequent strategic goal is to have the offensive from the Katowice area in the north or north-west direction to defeat the large forces of the center and the northern wing of the German front and to seize the territory of the former Poland and East Prussia. The nearest task is to defeat the German army to the east of the Vistula River and in the Krakow direction, to reach the Narev River, Vistula and master the area of Katowice, for what:

a) to make the main strike by the forces of the South-Western front in the direction of Krakow, Katowice, cutting off Germany from its southern allies;

b) to make auxiliary blow by the left wing of the Western front in the direction of Sedlec, Demblin, for the purpose of constraint of the Warsaw group and mastering Warsaw, and also of assistance to the South-Western front in defeat of the Lublin group of the opponent;

c) to conduct an active defense against Finland, East Prussia, Hungary and Romania and to be ready to strike against Romania in a favorable environment.

Thus, the Red Army begins offensive operations from the front of Cijev, Liutovysko with the forces of 152 divisions against 100 German divisions. In other parts of the state border active defense is planned...

In order to ensure the implementation of the above-mentioned plan, it is necessary to carry out the following activities in advance, without which it is impossible to cause a sudden blow to the enemy from the air and on the ground:

1. To make a hidden mobilization of troops under the guise of training fees stock.

2. Under the guise of going to the camp to make the hidden concentration of troops near the Western border in the first place to concentrate all reserve armies of Main Command.

3. To focus covertly the aviation from remote districts on the field airfields and now begin to deploy aviation rear.

4. Gradually, under the guise of training camps and rear exercises, to deploy rear and hospital base...

VI. Cover the concentration and deployment.

In order to secure ourselves from a possible, sudden enemy attack, to cover the concentration and deployment of our troops and to prepare them for the transition to the offensive, you need to:

1. Organize a solid defense and cover the state border, using all the troops of border districts and almost all the aircraft designated for deployment in the West.

2. Develop a detailed plan of air defense of the country and bring air defense to full readiness.

On these issues, I have given orders and development of plans for the defense of the state border and air defense completely ends by 1.6.41...

At the same time, it is necessary to force the construction and armament of fortified areas in every possible way,... provide for the construction of fortified areas in 1942 on the border with Hungary, and continue the construction of fortified areas along the line of the old state border”.

The document was executed on the form entitled “PEOPLE’S COMMISSAR OF DEFENSE OF THE USSR” by Aleksandr Vasilevski (who then held the position of Deputy Chief of operations of the General Staff). It was signed by People’s Commissar of Defense Semyon Tymoshenko, member of the Main Military Council of the Red Army Georgy Malenkov and Chief of the General Staff of the Red Army Georgy Zhukov.

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 16, op. 2951, d. 237, l. 1—15.

The implementation of the measures proposed by the General Staff of the Red Army required significant logistical and organizational efforts and could hardly be carried out objectively within the appropriate time frame. In addition, the Soviet party and state leadership led by Joseph Stalin underestimated the warning of the intention of Nazi Germany to start a war against the USSR in 1941. That also hampered the implementation of preventive measures. As a result, the set of measures developed has not been implemented in general.

Nevertheless, even in the first hours after the attack of Nazi Germany on the Soviet Union, the Soviet leadership expected to turn the situation around with a series of powerful and rapid counterattacks. At 7 hours 15 minutes of the morning on June 22, 1941 “Battle Order of the People’s Commissar of Defense № 2”, was published, in which the aircraft was ordered to bomb the city of Koenigsberg (today’s Kaliningrad) and Memel (today’s Klaipeda, Lithuania), as well as to strike at objects in the depths of enemy territory:

“June 22 1941 04 a.m. the German air force without provocation attacked our airfields and cities along the western border and subjected them to bombardment. At the same time, German troops opened artillery fire in different places and crossed our border.

In connection with the unprecedented brazen attack by Germany on the Soviet Union I order:

Troops by all means should to attack enemy forces and destroy them in areas where they violated the Soviet border.

Not to cross the border by the ground troops without special order.

To establish the place of concentration of enemy aircraft and the grouping of its ground troops by reconnaissance and combat aircraft.

To destroy aircraft at the enemy's airfields and bomb the main groups of its ground troops by powerful strikes of bomber and assault aircraft. To inflict air strikes on the depth of German territory up to 100—150 km and to bomb Koenigsberg and Memel.

Not to make raids on the territory of Finland and Romania without special indications”.

The order was signed by S. Timoshenko, G. Malenkov and G. Zhukov.

On the back of the last sheet of this document there is postscript by Zhukov with at that time his signature: “C[omrade] Vatutin. To bomb Romania” (Nikolai Vatutin held the position of First Deputy Chief of the General Staff of the Red Army).

* * *

Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстания 1530—1540-х гг.

А.Л. Корзинин

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы персонального состава, особенности развития и преобразования Государева двора в период боярского правления (1533—1547 гг.). Автор заостряет внимание на результатах поместного верстания дворян в конце 1530-х — начале 1540-х гг., пожалованиях земель представителям придворной элиты в 1539—1540 годах. Для доказательности выводов привлечены сведения из писцовых книг Новгородской земли 1530-х гг., Тверской писцовой книги 1539/1540 г., фрагмента описания поместных и вотчинных земель Московского уезда 1542/1543 г., данные разрядных и вкладной книг, синодиков.

Ключевые слова: боярское правление, историография, дворянство, земельные пожалования, придворная элита.

Abstract. The questions of membership, features of development and reforms of the Monarch Court in the period of the Boyar rulling (1533—1547) are considered in the article. The author focuses attention on results of land imposition of noblemen in 1530—1540th, grants of lands to representatives of court elite in 1539—1540. Data from the cadastral books of Novgorod of the 1530th and Tver of 1539/1540, a fragment of the description of estate and private lands of the Moscow state of 1542/1543, information from military and monastery books, *sinodiki* are attracted to substantiality of conclusions.

Key words: Boyar rulling, historiography, nobility, land grants, court elite.

Тема исследования персонального состава Государева двора в период боярского правления принадлежит к числу слабо изученных сюжетов в отечественной историографии. Хотя события боярского правления издавна привлекали к себе внимание историков, наиболее притягательными для изучения были перипетии политической борьбы того времени.

В XIX — начале XX в. российские ученые свои оценки боярского правления черпали в основном из официального летописания, произведений Ивана Грозного, твердо отстаивая принцип монархического государственного управления, в свете которого господство

Корзинин Александр Леонидович — доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.korzinin@spbu.ru.

Korzinin Alexander L. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University, History Institute. E-mail: a.korzinin@spbu.ru.

знати в 30—40-х гг. XVI в. воспринималось исключительно негативно ¹.

Советская историография, подходившая к истории России с классовых позиций, предложила свою схему для изучения периода боярского правления. Восприняв один из тезисов «государственной школы» С.М. Соловьёва — К.Д. Кавелина о борьбе самодержавия с боярством, многие советские историки наполнили его новым содержанием. Носителем идеи национального единства стало выступать формировавшееся самодержавие, опиравшееся на дворянство, а противовесом этих национальных устремлений, поборником староудельных тенденций — крупная феодальная знать — княжата и боярство, захватившие все государственные отрасли управления ². То, что в интерпретации С.Ф. Платонова выглядело как простая случайность, в глазах И.И. Смирнова «в действительности являлось формой политической борьбы». Исследователь считал, что «политическая реакция 30—40-х гг. XVI в., направленная против самодержавия московских государей, закономерно проявила себя в разрушении государственного аппарата власти в направлении восстановления феодальной раздробленности удельных времен» ³. Смирнов был категоричен в своей итоговой оценке: «Усиление феодальной эксплуатации, которое несли с собой захватившие власть княжата и бояре, позволяет характеризовать боярское правление как реакцию не только политическую, но и социальную» ⁴.

Подобный взгляд разделял А.А. Зимин, считавший, что князья Шуйские олицетворяли собой реакционную княжеско-боярскую оппозицию, а Бельские и Захарьины выступали последовательными сторонниками централизованного государства ⁵.

Противоположная мнению Смирнова и Зиминова точка зрения на устремления аристократии впервые была высказана Н.Е. Носовым. Исследуя местное управление в России в годы боярского правления, начало важнейшей губной реформы и деятельность И.Г. Морозова, историк пришел к выводу, что «в лице его мы имеем отнюдь не представителя оппозиционного боярства, а активного сторонника продолжения политического курса Василия III, лишь временно примкнувшего в годы боярского правления, в силу тех или иных причин к боярской группировке Бельских» ⁶.

Г.В. Абрамович обосновал прогрессивную направленность помещичьей политики в годы правления Шуйских и выступил апологетом данного боярского титулованного рода ⁷.

Сущность нового подхода реабилитации периода боярского правления в дальнейшем выразил Р.Г. Скрынников: «Борьба за власть между боярскими кланами и придворными группировками носила ожесточенный характер, но она не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями. Жертвами их стали немногие лица. Время так называемой боярской реакции стало временем экономического процветания страны» ⁸.

Исследованием иммунитетной политики в 1530—1540-е гг. занимался С.М. Каштанов, который доказывал широкое распространение монастырского иммунитета и выдачу тарханских грамот во время «боярской реакции» в связи с непрочными позициями боярских правительств и их стремлением заручиться поддержкой духовных феодалов ⁹.

Политическую борьбу в годы боярского правления поставил в центр своего исследования А.Л. Юрганов. Историк пришел к выводу, что в период правления Елены Глинской преобладающей формой борьбы бояр за власть были личные противоречия между опекунами, а не соперничество боярских группировок, как считал Смирнов ¹⁰.

Советские историки предложили различные оценки политики боярских правительств: Зимин, Смирнов считали, что эта политика являлась антидворянской и антигосударственной, а Носов, Абрамович — что она была направлена в целом на утверждение самодержавных порядков и укрепление экономических основ государства ¹¹.

Новейшие исследования М.М. Крома показывают жизнеспособность и перспективы точки зрения на период боярского правления, предложенной Носовым и Абрамовичем ¹². Перу Крома принадлежат исследования по отдельным вопросам периода боярского правления, а также недавно вышедшая монография, в которой автор подвел итоги многолетнего изучения эпохи «дворских бурь» и аккумулировал свои главные выводы по важнейшим вопросам политического кризиса в России в 30—40-х гг. XVI века ¹³. Значимой представляется точка зрения ученого, заключающаяся в том, что в период боярского правления не произошло полного обновления правящей элиты. Боярская дума превратилась в центральное государственное учреждение, возросло ее значение как коллективного органа принятия решений в политической и судебно-административной сферах ¹⁴.

В работах В.Д. Назарова и В.А. Аракчеева акцент делается на злоупотреблениях при боярах со стороны наместников и волостелей, на анархии и беспорядках в обществе, хищническом захвате представителями правящих группировок дворцовых и черносошных земель ¹⁵.

В.В. Шапошник рассмотрел взаимоотношения руководства Русской православной церкви с соперничавшими боярскими группировками и сделал оригинальные наблюдения, касающиеся политической борьбы ¹⁶. Исследователь не согласен с мнением Крома о замене отдельных лиц в правящей элите вследствие дворцовых переворотов и о неправомерности отождествления боярских группировок с правительствами, полагая, что происходила смена боярских правительств, «ведь правительство и состоит из отдельных лиц» ¹⁷.

Ряд публикаций об удельных дворах князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, а также о поместном обеспечении, окладах дворянства в 1533—1547 гг. принадлежит М.М. Бенцианову ¹⁸. Институт местничества, местническая борьба, думские назначения во время правления бояр нашли отражение в работах Ю.М. Эскина и А.М. Клеймолы ¹⁹. Отдельные стороны боярского правления раскрывают исследования зарубежных авторов: Н.Ш. Коллман, С.Н. Богатырёва, Ч. Гальперина и других ²⁰.

Однако многие проблемы периода боярского правления к настоящему моменту не изучены. В частности, это относится к вопросам о составе, эволюции, изменениях в организационной структуре Государева двора. Споры идут о направленности поместной политики боярских группировок. Исследование данных сюжетов, возможно, позволит не только пролить свет на сущность периода правления бояр, но и лучше понять вектор развития двора накануне преобразований 1550-х годов.

Один из дискуссионных вопросов затрагивает поместное верстание, проведенное в конце 1530-х — начале 1540-х гг., и его последствия для земельного обеспечения дворян. Земельная политика в период боярского правления изучалась Абрамовичем, опиравшимся на данные писцовых книг Новгородской земли и Твери, а также дворянские челобитные первой половины 1550-х годов²¹. Установив, что валовая перепись новгородских и тверских земель пришлась на 1538—1541 гг. и совпала по времени с «большим» поместным верстанием дворян 1538—1539 гг. (когда у власти находилась боярская группировка во главе с Шуйскими), исследователь сосредоточил внимание на анализе сохранившейся писцовой книги Тверской половины Бежецкой пятины Новгорода 1545 года²². По подсчетам Абрамовича, в данной части пятины «154 помещика из 360 получили прибавки, в результате чего средний размер их поместий увеличился с 17,5 до 21 обжи»²³. На основании уцелевшей переписки новгородских дьяков с московским правительством в 1550-е гг., зафиксировавшей многочисленные дворянские челобитные с просьбами о прирезке земель, автор установил, что «из 9 случаев упоминания о верстании лишь в одном помещику было отказано в прирезке земли и приказано служить со старого поместья без придачи», а «в остальных случаях к имевшимся 123,5 обжи было прибавлено еще 97 обож, или 79%»²⁴. По мнению историка, в поместном верстании за образец была взята норма в 11—13 обож на человека, что явилось важнейшим шагом на пути подготовки Уложения о службе 1556 года. В целом поместная политика князей Шуйских в 1538—1542 гг. «полностью соответствовала интересам широких масс поместного дворянства»²⁵. С критикой концепции Абрамовича в недавнее время выступили Е.И. Кольчева, Кром и Бенцианов. Историки поставили под сомнение минимальную норму обеспечения служилого человека в 10 обож (100 четвертей доброй земли), сославшись на многочисленные случаи ее несоблюдения и придачи гораздо меньших по объему наделов²⁶. Кром привлек дополнительно несколько царских грамот новгородским дьякам 1555/1556 г. (не использованных Абрамовичем) и обратил внимание на частое невыполнение дьяками решений правительства о прирезке помещикам земли: из 11 разбирательств только в пяти случаях помещики получили прибавку²⁷. Кроме того, исследователь проанализировал другие источники, сообщавшие о реализации на практике поместного верстания 1538/1539 г. — писцовую книгу Деревской пятины 1538/1539 г., половину писцовой книги Водской пятины 1539 года. В них реальные факты прирезки помещикам земель немногочисленны и составляют около 23% всех случаев²⁸.

Действительно, если рассмотреть данные писцовой книги Торопецкого уезда 1539—1541 гг., письма А.Д. Ульянина и Т.С. Бибикова, то и здесь можно найти сходную картину²⁹. Из 43 описанных поместий придача земли наблюдалась лишь в 12 случаях³⁰. Следовательно, итоги поместного верстания конца 1530-х гг., проведенного боярами, не следует оценивать исключительно в позитивном ключе. Лишь четверть дворян получила земельную прибавку.

Кром допускает, что поместное верстание должно было коснуться и других уездов, писцовые описания которых до нас не дошли: Владимирского, Кашинского, Каширского, Коломенского, Москов-

ского и др., поэтому «поместная политика эпохи “боярского правления” затронула, вероятно, более широкие слои провинциального служилого люда, чем можно судить по немногим сохранившимся писцовым книгам»³¹.

Существует любопытный источник, свидетельствующий о вотчинном и поместном землевладении в Подмосковье в начале 1540-х годов. В сборнике актов, дозорных и межевых записей Троице-Сергиева монастыря конца XVI — начала XVII в. под № 637 на листах 284об.—297 помещен фрагмент платежной книги поместных, вотчинных и монастырских земель Московского уезда — волостей Шеренка, Воря и Корзенева, Радонеж и Бели³². Фрагмент не имеет заголовка, кроме как «Волость Шеренка. В ней села и деревни [за детьми] за боярскими в поместье». С.Б. Веселовский при подготовке к изданию актов Троице-Сергиева монастыря дал копии документа следующий заголовок: «Около 1543 г. Роспись сошных окладов поместных, вотчинных и монастырских земель в волостях Шеренке, Воре, Корзенева и Радонеже». В примечании к источнику он отметил: «Список сошных окладов, вероятно, по писцовым книгам князя Романа Дашкова с товарищами 7054 [1545/1546] г. хранился в троицком архиве»³³. Л.И. Ивина убедительно доказала, что первая часть росписи (л. 283—294об.) появилась не позднее 1542/1543 г., а вторая (л. 295—298), содержащая роспись черных земель, отданных в волости Шерене в поместье детям боярским, была составлена не ранее 1547 года³⁴. Всего в первой части росписи сошных окладов упомянуто не менее 140 помещиков и вотчинников. Большинство из них происходило из малоизвестных фамилий: Борзецовых, Верхоглядых, Дворянковых, Желтухиных, Княжнинных, Мошнинных, Рогатиных, Стоговых, Царевых, Шулеповых и других. Обычный размер поместья составлял полполполтрети и полполполчети сохи (25—35 четвертей доброй земли), реже — полполтрети и полполчети сохи (50—65 четвертей доброй земли). Преобладали мелкие поместные владения представителей мелких и средних фамилий. В росписи не найдено фактов прирезки земель помещикам в Московском уезде несмотря на наличие у них довольно скромных владений. Вероятно, поместное верстание коснулось не всех уездов, а преимущественно Северо-Запада, Новгородской земли и соседнего Тверского уезда, в первую очередь районов поместного землевладения.

Абрамович прослеживал испомещение многих служилых людей на материалах Тверской писцовой книги 1539/1540 г., где земли, пожалованные в период между 1538 и 1540 гг., были записаны в категории «великого князя села и деревни дворцовые, а розданы помещикам»³⁵. В вопросе о составе помещиков и итогах испомещений в Тверском уезде в научной литературе возникли разногласия. В.Б. Кобрин, в целом поддерживавший точку зрения о продворянской политике Шуйских, иначе, чем Абрамович, классифицировал состав землевладельцев Тверского уезда, взяв за основу материал писцовой книги 1539/1540 года. Он расширил число помещиков, которых относил к «служилой мелкоте» (они держали в руках около 30% земель), отделив их от представителей старых вотчинных и княжеских родов (70% поместий)³⁶. Против классификации, предложенной Кобриным, выступил Кром, отметивший ее неполноту и нивелирующий характер.

Вместе с тем, историк поддержал выводы Кобриня о том, что свыше 41% поместных земель в Тверском уезде к 1539/1540 г. принадлежали вотчинникам из других уездов, и что среди лиц, получивших поместья около 1539/1540 г., было много бывших слуг князя Юрия Ивановича Дмитровского, переселенных в центр страны и безболезненно перешедших на великокняжескую службу³⁷. Однако Бенцианов, специально изучивший двор дмитровского князя Юрия Ивановича, признал несостоятельность отнесения Кобриним землевладельцев, имевших владения в уездах, входивших в Дмитровский удел (Дмитровском, Рузском, Звенигородском и Кашинском), во двор этого князя. Далеко не все феодалы этих уездов служили Юрию Дмитровскому, некоторые из них находились на великокняжеской службе³⁸.

Вызывает возражение сама методика, применяемая Кобриним, в отношении установления земельной принадлежности служилого человека. На основании кропотливо собранных и занесенных в специальную картотеку сведений из актов, писцовых книг о наличии у того или иного феодала земель, послушестве в различных сделках, он причислял служилого землевладельца к корпорации конкретного уезда, забывая, что добытая по крупицам информация не является полной. Произведенная ученым выборка сведений из исторических документов вряд ли может считаться репрезентативной, хотя и поражает своим масштабом и объемом проделанной работы.

Наибольший интерес для целей настоящего исследования представляют поместные пожалования лицам, входившим в Государев двор и получившим наиболее крупные участки земли³⁹. Смирнов не сомневался, что в период боярского правления происходило расхищение государственных земель, самовольное распоряжение земельной собственностью в корыстных интересах⁴⁰. Историк опирался на сообщения Степенной книги царского родословия, речи Ивана Грозного в преддверии Стоглавого собора, его переписку с Андреем Курбским, другие свидетельства⁴¹. Зимин, как и Смирнов, писал о придворной «борьбе за перераспределение земли внутри класса феодалов»⁴². Абрамович первым попытался опровергнуть этот тезис, сосредоточив внимание на поместной политике боярской группировки Шуйских в Тверском уезде. По подсчетам ученого, из 22 515 четвертей дворцовых земель, розданных здесь помещикам, 7738 пришлось на 14 поместий знати. Большая же часть (14 777 четвертей, распределенных среди 114 поместий) была роздана рядовым детям боярским, поэтому политика князей Шуйских, по его мнению, «была сознательно ориентирована на защиту интересов поместного дворянства»⁴³.

Точку зрения Абрамовича поддержал Кром. Согласно его расчетам, придворная знать получила не менее 10 500 четвертей поместной земли, в то время как «рядовые дети боярские» — 12 584 четверти⁴⁴. В отличие от Абрамовича Кром не включил в список первостатейной знати князей Елецких и Мышецких, мотивируя это тем, что «у них не было высоких покровителей при дворе». С наблюдением историка можно согласиться лишь отчасти. Кажется непонятным, за какие заслуги Елецкие в отличие от В.И. и А.И. Мышецких (им было дано 107 четвертей земли) получили в общей сложности 1195 четвертей поместной земли. Князья Василий Иванович и Семён Иванович Елецкие известны только службой на воеводских должностях и боль-

ше никак себя не проявили ⁴⁵. При ближайшем рассмотрении этого вопроса выяснилось, что дочь князя Семёна Ивановича Елецкого Ирина приходилась второй женой князю Андрею Васильевичу Ногтеву, однородцу могущественных князей Шуйских ⁴⁶. Следовательно, князья Елецкие тоже примыкали к придворной знати. Видимо, не случайно имена князей Елецких в тексте писцовой книги стоят сразу за именем князя П.И. Шуйского.

Чтобы попытаться разрешить спор о направленности земельных раздач в Тверском уезде необходимо привести список крупнейших тверских помещиков и определить объем пожалованных земель, попутно раскрыв семейные и родственные связи тверских землевладельцев в 1539/1540 г. с лицами, находившимися в тот момент на вершине власти. Среди владельцев тверских поместий из придворной элиты были:

— князь Пётр Иванович Шуйский (младший сын временщика, боярина Ивана Васильевича Шуйского) имел в Горицком стане волости Хорвач село и 71 деревню (1306 четвертей земли в одном поле) ⁴⁷;

— князь Семён Иванович Глинский (сын князя Ивана Семёновича Глинского, троюродный брат князя М.Л. Глинского, двоюродный дядя Юрия, Ивана и Михаила Васильевичей Глинских) — за ним в волости Захожье находилось село, 65 деревень и 61 починок (1117 четвертей земли) ⁴⁸;

— князь Александр Борисович Горбатый (сын боярина, князя Б.И. Горбатого, однородец князей Шуйских) получил в Микулинском стане в поместье часть выморочной вотчины князя В.А. Микулинского (умершего до 19 сентября 1540 г.), 54 деревни (1072 четверти) ⁴⁹;

— князь Дмитрий Иванович Пунков-Микулинский (происходил из рода Тверских князей, представители которого сохранили родовые земли в Микулине) в Микулинском уезде имел сельцо и 42 деревни (821 четверть), его младший брат князь Иван Иванович Пунков-Микулинский владел селом с 26 деревнями (634 четверти) ⁵⁰, княгиня Анна, вдова князя В.А. Микулинского, после смерти мужа получила в поместье часть его бывшей вотчины в Микулинском стане, 2 села, волостку и 94 деревни (1887 четвертей), ее дочь Александра Васильевна Микулинская, жена Ф.И. Беззубцева, распорядилась селом с деревнями (неполный итог 314 четвертей) ⁵¹;

— князь Борис Дмитриевич Щепин-Оболенский (сын князя Дмитрия Щепы Семёновича, родной брат дворецкого и боярина великого князя Василия III С.Д. Серебряного ⁵², родственник боярина и конюшего князя И.Ф. Овчины Телепнева-Оболенского) в волости Воловичи владел селом, 2 сельцами, 37 деревнями (800 четвертей) ⁵³, его младший брат князь Дмитрий Дмитриевич Щепин в Горицком стане в волости Хорвач — селом и 8 деревнями (324 четверти) ⁵⁴, племянник Бориса и Дмитрия Щепиных, князь Андрей Иванович Золотой-Оболенский в Юрьевском стане волости Хорвач — тремя сельцами, 12 деревнями и тремя пустошами (458 четвертей), княгиня Арина, вдова князя Ф.Д. Шевыря-Щепина-Оболенского с сыновьями Дмитрием и Иваном получила в Микулинском стане два села и 23 деревни (456 четвертей) ⁵⁵;

— Григорий Васильевич Морозов (сын боярина В.Г. Поплевина-Морозова и племянник боярина И.Г. Морозова) получил в Мику-

линском стане в поместье часть выморочной вотчины князя В.А. Микулинского, село и 40 деревень (791 четверть) ⁵⁶;

— князя Семён Иванович Кокорев и его троюродные братья Андрей и Василий Ивановичи Слезкины-Елецкие (находившиеся в родственных отношениях с князьями Ногтевыми и Шуйскими) в волости Хорвач в Горицком стане имели 4 сельца с 36 деревнями и в Микулинском стане 10 деревень (всего 1195 четвертей земли) ⁵⁷;

— князь Семён Васильевич Ростовский (племянник боярина князя А.Д. Ростовского) получил в Микулинском стане в поместье часть выморочной вотчины князя В.А. Микулинского, а также сельцо с 28 деревнями (588 четвертей) ⁵⁸;

— князь Юрий Михайлович Булгаков (из рода великого князя Литовского Гедимина, родственник и сторонник князей Д.Ф. и И.Ф. Бельских, с апреля 1540 г. боярин) ⁵⁹ в Юрьевском стане в волости Хорвач имел село и 10 деревень с пустошью и в Микулинском стане 8 деревень (533 четверти) ⁶⁰;

— князя Фёдор и Иван Фёдоровичи Гундоровы (дети Фёдора Пестрого Гундора Палецкого) — имели в волости Каве село, 37 деревень и 5 починков (549 четвертей), их племянник князь Семён Иванович Гундоров в Юрьевском стане получил село, 9 деревень и 2 пустоши (269 четвертей), княгиня Домна, вдова Ивана Татя Фёдоровича Хрипунова-Ряполовского (двоюродного брата окольного князя И.Ф. Стригина-Ряполовского), с детьми Андреем и Фёдором владела в Микулинском стане селом и 17 деревнями (350 четвертей) ⁶¹;

— Нагой Фёдор Михайлов сын (с 1533 г. великокняжеский ловчий, сын ловчего М.И. Нагого ⁶², состоял в родственных отношениях с близкими к великой княгине князьями Оболенскими: дочь Ф.М. Нагого Екатерина Фёдоровна вышла замуж за князя Ивана Пуговку Александровича Стригина-Оболенского ⁶³), имел в Микулинском стане село и 22 деревни (486 четвертей), а его брат А.М. Нагой в том же стане — село и три деревни (240 четвертей) ⁶⁴.

Не отставали от первостатейной знати в деле обогащения в годы боярского правления и великокняжеские дьяки со своими родственниками:

— Фёдор Посник и Яков Губины дети Моклоковы имели в волости Шестка село и 21 деревню (433 четверти земли) ⁶⁵;

— Бакака, Третьяк, Василий Митрофановы дети Карачаровы владели в волости Шейского уезда сельцом и 34 деревнями (552 четверти) ⁶⁶.

В количественном отношении объем полученных земель представителями знатных родов можно выразить в виде таблицы (см. стр. 19).

В приведенной таблице хорошо видно, кто извлек наибольшую выгоду из боярского правления и приобрел больше всего земель под Тверью. Если не считать князей Микулинских, издревле владевших землями в Микулинском стане, то недвижимость в Тверском уезде к 1540 г. досталась следующим лицам: представителям рода Суздальских князей (2378 ч.), находившимся с ними в родстве Елецким князьям (1195 ч.), родственникам фаворита княгини Елены Глинской князя И.Ф. Овчины Телепнева князьям Щепиным-Оболенским (2038 ч.), родственникам великого князя по матери, князьям Глинс-

№	Роды	Общее кол-во поместной земли по данным писцовой книги Тверского уезда (в четвертях)	Средняя норма на человека (в четвертях)
1.	Микулинские князья (4 чел.)	3656	914
2.	Суздальские князья (2 чел.)	2378	1189
3.	Щепины-Оболенские князья (6 чел.)	2038	339
4.	Елецкие князья (3 чел.)	1195	398
5.	Стародубские князья (6 чел.)	1168	194
6.	Глинские князья (1 чел.)	1117	1117
7.	Морозовы (1 чел.)	791	791
8.	Нагие (2 чел.)	726	363
9.	Ростовские князья (1 чел.)	588	588
10.	Гедиминовичи (1 чел.)	533	533
	Итого	14190	

ким (1117 ч.), а также фамилиям, представители которых находились в 1534—1540 гг. в Боярской думе: князьям Стародубским (1168 ч.), Морозовым (791 ч.), Ростовским (588 ч.), Гедиминовичам (533 ч.). В дозорной книге Тверского уезда 1551—1554 гг. упоминается поместье в волости Суземье князя И.М. Шуйского в 743 четверти, приобретенное им после 1540 г. (в книге 1540 г., по наблюдениям Абрамовича, эти деревни числились еще чернососными) ⁶⁷. В документе отмечены факты насильственного захвата князем Шуйским, Г.В. Морозовым помещичьих земель ⁶⁸.

Странным представляется отсутствие упоминаний о поместных владениях у влиятельных братьев, князей М.И. и И.И. Кубенских, из которых князь М.И. Кубенский к 1539 г. был боярином, а его брат Иван дворецким. Несмотря на их пребывание у кормила власти, земель в Тверском уезде они не получили. Вероятно, их позиции не были прочными, как и положение при дворе И.С. Воронцова (окольного с 1538 г.) и его брата дворецкого угличского и галицкого Ф.С. Воронцова. Из других высокопоставленных лиц поместные пожалования в Твери не достались М.Ю. Захарьину (умер к октябрю 1539 г.), М.В. Тучкову (скончался к июню 1540 г.), тверскому дворецкому И.Ю. Шигоне-Поджогину (умер к 1541 г.), дьяку Г.Н. Путьяину (умер к началу 1542 г.) ⁶⁹. Можно предположить, что пик поместных раздач в Тверском уезде пришелся на лето-осень 1540 г. (после кончины князя В.А. Микулинского к началу сентября 1540 г.). Это было беспокойное время, отмеченное всплеском острого внутриполитического кризиса. На июль 1540 г. падает самое большое количество местнических челобитий и судов чести — 9 случаев, которые относятся преимущественно ко времени разряда полков на Берегу. Статистика показывает, что в 1539 г. было 3 случая местнических столкновений, в 1541 — 2, в 1542 — 2, в 1543 — 5, в 1544 — 8, в 1545 — 2, в 1546 г. — 0 ⁷⁰. Новоиспеченный боярин князь Ю.М. Булгаков (получил думный чин в декабре 1539 г.) в июле 1540 г. во Владимире бил челом о местах на князя В.А. Микулинского, предводителя войска, и когда в августе Микулинский тяжело заболел, вместо тверского князя возглавил полки ⁷¹. Рост влияния Булгакова был закреплен и стяжанием крупного поместья в Тверском уезде.

Любопытно, что владения в период боярского правления приобретались как правило не самими временщиками (исключение составляет князь И.М. Шуйский), а их родственниками, очевидно, не без протекции членов семьи. Общий объем пожалованных 27 представителям титулованной и нетитулованной аристократии земель в 14 190 четвертей (не считая 985 четвертей поместной земли, доставшихся Моклоковым и Карачаровым) из 22 500 четвертей, пущенных в поместную раздачу, свидетельствует о преобладании в Тверском уезде владений придворной верхушки над поместьями дворовых и городских детей боярских. Данные факты красноречиво свидетельствуют о правоте слов царя Ивана Васильевича о корыстных поступках бояр, обращенных к князю Андрею Курбскому: «Вся восхитища лукавым умышлением, будто детем боярским жалование, а все себе у них поимаша во мздоимание, а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству»⁷². Известна еще одна реплика юного государя в укор боярам, вырвавшаяся у него в 1550 г.: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а иньде больши»⁷³. В январе 1565 г. накануне введения опричнины Иван IV вновь вспомнил, как в годы его малолетства «бояре его и воеводы земли его государьские себе разоимали, и другом своим и племяни его государьские земли роздавали. И держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалования государьския кормленые емлючи, и собрав себе великие богатства, и о государстве и о всем православном христианстве не хотя радети»⁷⁴. Царь, очевидно, сильно преувеличивал масштабы расхищения боярами и их родичами государевых земель, но все же в словах монарха была значительная доля правды.

На важные реформы двора, проведенные в конце 1530-х гг., было обращено внимание Бенцианова. Ученый, вслед за Н.П. Лихачёвым, пришел к выводу, что около 1537 г. была составлена боярская книга, следы которой можно обнаружить в дворянских родословных росписях конца XVII в., Тысячной книге 1550 г., заголовках ряда списков Дворовой тетради (7045 год)⁷⁵. Скорее всего, в 1536/1537 г. был составлен один из ранних, не дошедших до нас боярских списков.

Также при боярах имело место привлечение новгородцев и рязанцев к службе при дворе. По наблюдениям Бенцианова, если в 20—30-е гг. XVI в. служба рязанских бояр была связана с Рязанской землей, то первый случай масштабного привлечения наиболее видных рязанских детей боярских к воеводской службе за пределами Рязанской земли произошел в августе 1538 г. и, вероятно, был связан с общим процессом реформ Государева двора конца 1530-х годов⁷⁶. С 1538 г. новгородские дети боярские, как и рязанцы, стали привлекаться к службе «в полках» за пределами Новгородской земли⁷⁷. Привлечение к дворовой службе новгородцев и рязанцев за пределами района их проживания, возможно, было продиктовано кадровым дефицитом, потребностью государственного аппарата располагать опытными воеводами среднего звена для общих, а не только локальных военных задач.

Бенцианов допускает, что во второй половине 1530-х гг. проводились «чистки» состава дворовых детей боярских, что видно на примере дворян Писаревых. Из всех Писаревых, служивших при дворе в

первой трети XVI в., в Дворовой тетради находим лишь одного — И.Л. Писарева. По жалованным грамотам заметно, что падение остальных Писаревых произошло где-то в 30-е гг. XVI века. По мнению историка, в ходе пересмотра личного состава Государева двора большая часть Писаревых оказалась исключенной из его состава. Скорее всего, это событие имело место в 30-е гг. XVI в. и было приурочено к мероприятиям, сопутствовавшим созданию боярской книги 1537 года ⁷⁸.

В период боярского правления не только Писаревы исчезли (были исключены?) из числа дворовых детей боярских. Из нетитулованных детей при дворе перестали упоминаться Александровы, Апраксины, Давыдовы, приезжие из Византии Амины, Ангеловы, Ралева, Ховрины и Траханиотовы, а также Еропкины, Картмазовы, Нелединские, Сарыхозины, Челюсткины. Заметно сократилось число служивших Алферьевых-Нащекиных.

Из княжеской знати со страниц служебных документов исчезли тверские князья Дорогобужские и Чернятинские, белозерские князья Андомские, Вадбальские, Кемские, Шелешпанские, князья Голенины-Ростовские, князья Дябринские, Кропоткины, Пожарские, Львовы-Зубатые, Ярославские. Значительно уменьшилось количество княжат из фамилий Стригиных-Оболенских, Ушатых-Ярославских, Холмских, Щетининых-Оболенских.

Прекращение придворной службы при боярах для некоторых родов было связано с естественными причинами (например, пресечением ветвей рода, малолетством родичей), но для большинства фамилий за этим стояли, видимо, конкретные меры, предпринятые правительством, — прямые или косвенные. Например, греки Траханиотовы попали в опалу в конце правления Василия Ивановича — их перестали привлекать к государственным делам ⁷⁹. Другие выехавшие из Византии иноземцы, закрепившиеся при московском дворе при жизни Софьи Палеолог, а затем ее сына, великого князя Василия III, в боярское правление были вытеснены из элиты. Тогда же среди придворной знати значительно уменьшилось число служивших землевладельцев из княжеских родов. В 1533—1547 гг. на время прекратилась служба князей Бабичевых, Вяземских, Збаражских (Збарецких), Козловских, Кривоборских, Мосальских, Нагих-Оболенских, Пужбольских, Юхотских. Зато среди дворовых появились роды, ранее не известные своей службой: Адашевы, князья Дашковы, Милославские и другие.

Реконструкция персонального состава Государева двора периода боярского правления (с помощью ранее разработанной авторской методики) показала, что его численность стремительно выросла по сравнению с предшествующим временем ⁸⁰. За тринадцать лет боярского правления в 1533—1546 гг. дворовую службу несло не менее 612 чел. и 68 дьяков. При великом князе Иване III в 1462—1505 гг. служило около 856 дворовых и 63 дьяка, а при его преемнике Василии III в 1505—1533 гг. — 858 дворовых и 89 дьяков.

227 чел. из двора Василия III перешли в штат двора периода правления бояр (37% от состава последнего). К ним примыкали их дети и однородцы в количестве 280 человек (46%). То есть 83% состава двора эпохи «дворских бурь» были представлены детьми бояр-

скими предшествующего правления и их близкими родственниками. Лишь 105 чел. (17%) из новых фамилий добавились в состав двора в 1533—1547 годах. Таким образом, Государев двор в период боярского правления обновился менее чем на 20%, и отличался консерватизмом. 222 чел. из великокняжеского двора Василия III не попали в новый двор (по причине смерти, прекращения службы по старости, другим причинам).

Подводя итог настоящего исследования, следует отметить непосредственность и незавершенность поместного верстания дворян в конце 1530-х — начале 1540-х гг., невыполнение на практике декларируемых принципов упорядочивания поместных окладов и увеличения средней нормы земли, хищнического захвата придворной знатью крупных поместных владений в Твери и, вероятно, в других уездах страны в ущерб среднему и нижнему слою землевладельцев, испытывавшему сильный земельный голод. Однако в целом правительственная политика в период боярского правления отвечала нуждам Русского государства, потребностям в увеличении численности и кадрового потенциала служилых землевладельцев, оформлению в более четких границах Государева двора, фиксации представителей служилой элиты в специальном делопроизводственном документе, близком по содержанию к боярским спискам второй половины 1540-х годов. Нерешенные задачи с новой силой встали на повестку дня к 1550 году. Их выполнение вылилось в Тысячную реформу, отмену кормленной системы, Уложение о службе, смотр всех войск в Серпухове в июне 1556 года.

Примечания

Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-06-00134а «Правящая элита Русского государства последней четверти XV — первой половины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование».

1. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. 5—8. Калуга. 1995, с. 458—459, 466; СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М. 1993, с. 446—448; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 1. М. 1995, с. 475; ПЛАТОНОВ С.Ф. Собрание сочинений по русской истории. Т. 2. СПб. 1994, с. 24.
2. РОТЕНБЕРГ С.С. Монархия с Боярской думой (к вопросу об установлении самодержавия в России). В кн.: Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Т. 35. Вып. 2. М. 1946, с. 77.
3. СМИРНОВ И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.—Л. 1958, с. 22.
4. Там же, с. 26.
5. ЗИМИН А.А. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, с. 225—227.
6. НОСОВ Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л. 1957, с. 313.
7. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.) — История СССР. 1979, № 4, с. 199; ЕГО ЖЕ. Князья Шуйские и российский трон. Л. 1991, с. 81—99.
8. СКРЫННИКОВ Р.Г. Царство террора. СПб. 1992, с. 89.
9. КАШТАНОВ С.М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М. 1967, с. 275—365, 376.

10. ЮРГАНОВ А.Л. Политическая борьба в годы боярского правления (1533—1538 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1987, с. 18—19.
11. КРОМ М.М. Политический кризис 30—40-х гг. XVI века (постановка проблемы). — Отечественная история. 1998, № 5, с. 3—7.
12. Там же, с. 8—10, 15.
13. ЕГО ЖЕ. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М. 2010.
14. Там же, с. 428—439; ЕГО ЖЕ. Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века (борьба за власть и механизм управления страной): автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб. 2010, с. 11.
15. НАЗАРОВ В.Д. Боярское правление. В кн.: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М. 1994, с. 283; АРАКЧЕВ В.А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII веков. М. 2014, с. 194.
16. ШАПОШНИК В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб. 2006, с. 26—96; ЕГО ЖЕ. Смерть Елены Глинской и придворная борьба в Москве (апрель—октябрь 1538 года). В кн.: Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Ю.Г. Алексева. М. 2016, с. 47—54.
17. ЕГО ЖЕ. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века, с. 37.
18. БЕНЦИАНОВ М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского. — Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010, № 2 (40), с. 41—55; № 3 (41), с. 55—68; ЕГО ЖЕ. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. — Там же. 2012, № 4 (50), с. 64—76; № 5 (51), с. 17—26; ЕГО ЖЕ. «Как бы службу нам устроить»: военно-организационные преобразования середины XVI в. — *Quaestio Rossica*, т. 2, 2014, № 1, с. 80—93; ЕГО ЖЕ. «Поверстати по достоинству безгрешно...»: система окладов в Русском государстве XV—XVI вв. — Там же, т. 4, 2016, № 1, с. 17—36.
19. ЭСКИН Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М. 1994; ЕГО ЖЕ. Динамика местнических споров в XVI—XVII веках. — Российская история. 2013, № 4, с. 59—82; KLEIMOLA A.M. Status, Place and Politics: The Rise of *Mestnichestvo* during the *Boiarskoe Pravlenie*. In: *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Bd. 27. Berlin. 1980, S. 195—214; EJUSD. Patterns of Duma Recruitment, 1505—1550. In: *Essays in honor of A.A. Zimin*. Ohio. 1985, p. 232—258.
20. KOLLMANN N.S. The Grand Prince in Muscovite Politics: The Problem of Genre in Sources on Ivans Minority. — *Russian History*. 1987, vol. 14, issue 1, p. 293—313; BOGATYREV S.N. Ivan IV (1533—1584). In: *The Cambridge History of Russia*. Vol. I. Cambridge. 2006, p. 240—263; КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 17—19.
21. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Л. 1975, с. 21—23; ЕГО ЖЕ. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 192—199.
22. Новгородские писцовые книги. Т. 6. СПб. 1910, с. 35—564.
23. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 194.
24. Там же.
25. Там же, с. 199.
26. КОЛЫЧЕВА Е.И. Аграрный строй России XVI века. М. 1987, с. 16—17; КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 541; БЕНЦИАНОВ М.М. «Поверстати по достоинству безгрешно...», с. 26.
27. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 541—546.
28. Там же, с. 547—548.
29. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. М. 2004, с. 501—682.
30. Там же, с. 597, 619—622, 633, 641—644, 647, 657, 660—663, 666, 670, 675.
31. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 552.

32. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 303, оп. 1, кн. 637.
33. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (АСПБИИ РАН), ф. 29, оп. 1, д. 8, № 899, л. 870, 879.
34. ИВИНА Л.И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. — Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 27. М. 1965, с. 150—152.
35. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 197.
36. КОБРИН В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М. 1985, с. 119—122.
37. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 549—550; КОБРИН В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.), с. 169—171.
38. БЕНЦИАНОВ М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского, с. 43—44.
39. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 197.
40. СМИРНОВ И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.-Л. 1958, с. 76—78.
41. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Книга Степенная царского родословия. Т. 21. Ч. 2. СПб. 1913, с. 634; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1979, с. 28; Памятники русского права. М. 1956, с. 577.
42. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 271—273.
43. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 197—199.
44. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 551—552.
45. Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М. 1977, с. 246, 262.
46. Сборник князя Хилкова. СПб. 1879, № 57, с. 152; Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 43, л. 123; д. 50, л. 291.
47. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. 2005, с. 90—93.
48. Там же, с. 13—16.
49. Там же, с. 132—134.
50. Там же, с. 106—109.
51. Там же, с. 138—143.
52. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988, с. 54.
53. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 28—30.
54. Там же, с. 93—94.
55. Там же, с. 103—104, 110—111.
56. Там же, с. 136—137.
57. Там же, с. 93—96, 117—118.
58. Там же, с. 134—136.
59. ЗИМИН А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археографический ежегодник за 1957 г. М. 1958, с. 56.
60. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 101—102, 120—121.
61. Там же, с. 53—55, 101, 111—112.
62. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. М. 2000. с. 410.
63. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. 1987, с. 58.
64. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 109—110, 123.
65. Там же, с. 45—46.
66. Там же, с. 64—65.
67. Там же, с. 183; АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 199.
68. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 168.
69. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, с. 60, 82, 98.

70. ЭСКИН Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв., с. 43—46; ЕГО ЖЕ. Динамика местнических споров в XVI—XVII веках, с. 80—82.
71. Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 1966, с. 99—100.
72. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 28.
73. Памятники русского права, с. 577.
74. ПСРЛ. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. Т. 29. М. 2009, с. 342.
75. ЛИХАЧЁВ Н.П. Разрядные дьяки XVI века. М.—СПб. 2007, с. 442—445; БЕНЦИАНОВ М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в.: дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2000, с. 24—26; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.—Л. 1950, с. 60, 66, 68, 205, 208; МИЛЮКОВ П.Н. Тетрадь дворовая. В кн.: Записки русского археологического общества. Т. XII. Вып. I—II. Новая серия. Труды отдела славянской и русской археологии. Кн. V. СПб. 1901, с. 1.
76. БЕНЦИАНОВ М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в., с. 78—79; 115—117; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 95.
77. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 94—96.
78. БЕНЦИАНОВ М.М. Каширская десятина 1556 г. и проблемы формирования «служилого города». В кн.: Проблемы истории России. Сб. научных трудов. Вып. 10. Екатеринбург. 2013, с. 114.
79. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в., с. 274—275.
80. Персональный состав двора боярского правления см.: <http://ruling-elite.spbu.ru>.

Альфред фон Вальдерзее

Н.А. Власов

Аннотация. Исследование причин «немецкой катастрофы» первой половины XX в. не теряет своей актуальности по сегодняшний день. Критически важное значение при этом имеет период после объединения Германии, когда были расставлены многие вехи дальнейшего развития. Одним из наиболее влиятельных действующих лиц на военной и политической арене в этот период являлся граф Альфред фон Вальдерзее (1832—1904). Возглавляя Большой генеральный штаб, он не только определял основы германского стратегического планирования, но и активно вмешивался в политику, настаивая на развязывании превентивной войны. Благодаря близкой дружбе с молодым императором Вильгельмом II неформальное влияние Вальдерзее было огромным: он сыграл активную роль в отставке Отто фон Бисмарка и сам претендовал на пост канцлера. Несмотря на то, что Вальдерзее некоторое время спустя попал в опалу и был снят со своего поста, его влияние на политическое развитие Германской империи нельзя недооценивать. В то же время его биография остается практически неисследованной — пробел, который призвана отчасти заполнить настоящая публикация.

Ключевые слова: Вальдерзее, Большой генеральный штаб, Германская империя, Вильгельм II, прусская армия, Мольтке.

Abstract. Origins of the “German catastrophe” of the XXth century still remain a highly debated issue. During the first decades after the German unification many critical decisions influencing the subsequent development of the country were made. Count Alfred von Waldersee (1832—1904) belonged to the group of men who made these decisions. He was one of the most influential persons in German military and political elite of his time. As the chief of the Great General Staff he developed military plans and interfered into the political realm arguing for a preventive war. Waldersee was also a very close friend of the young emperor William II. Thanks to this friendship he influenced strongly the German politics, playing a big role in dismissal of the “iron chancellor” Otto von Bismarck and striving for chancellorship. Nevertheless his life is clearly understudied by historians; a gap that this publication has to fill.

Key words: Waldersee, Great General Staff, German Empire, William II, Prussian army, Moltke.

Граф Альфред фон Вальдерзее (1832—1904) принадлежал к числу ведущих военных и политических деятелей Германской империи конца

Власов Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: vlasov1874@yandex.ru.

Vlasov Nikolay A. — candidate of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: vlasov1874@yandex.ru.

ХІХ века. На протяжении почти десяти лет он являлся сначала заместителем шефа, а затем шефом Большого генерального штаба — центрального органа стратегического планирования Германской империи. Известен он был, однако, в первую очередь, как мастер придворных интриг. Во второй половине 1880-х гг. он был ближайшим другом и наставником будущего императора Вильгельма II, оказывая на принца, а затем и на молодого монарха огромное влияние. Вальдерзее активно вмешивался во внешнюю и внутреннюю политику и в немалой степени способствовал отставке Отто фон Бисмарка. Сам он не прочь был бы занять пост канцлера и на протяжении ряда лет считался одним из самых вероятных претендентов на эту должность.

В свете всего перечисленного неудивительно, что ни одна работа, посвященная германской внутренней и внешней политике конца ХІХ в., не обходится без упоминания имени Вальдерзее. Удивительно другое — полноценной биографии одного из самых влиятельных людей Германии конца «эпохи Бисмарка» и начала «вильгельмовской эпохи» не существует. За более чем сто лет, прошедших после его смерти, увидела свет только одна работа, посвященная его политическим взглядам ¹, и небольшое количество кратких биографических очерков ². Любопытно, что за это же время вышло четыре книги о жизни и деятельности супруги графа — Мэри фон Вальдерзее — правда, только последняя из них может считаться полноценным научным исследованием ³. В определенной степени это компенсировалось тем, что в 1920-е гг. была предпринята масштабная публикация источников, связанных с жизнью и деятельностью Альфреда фон Вальдерзее: в течение нескольких лет увидели свет три тома его дневников ⁴, собрание писем ⁵ и два тома документов, относящихся к его военной карьере ⁶.

При этом деятельность Вальдерзее в силу ее значимости постоянно оказывалась в фокусе внимания исследователей эпохи. Здесь в первую очередь следует назвать два имени. Первое — Конрад Канис, изучавший на протяжении десятилетий внешнюю политику Германской империи и опубликовавший в 1980 г. монографию «Бисмарк и Вальдерзее», в которой проанализировал взаимоотношения военной элиты и политического руководства монархии Гогенцоллернов в 1882—1890 годах ⁷. Второе — британский историк германского происхождения Джон Рёль, посвятивший всю свою научную карьеру изучению жизни и деятельности императора Вильгельма II и написавший его трехтомную биографию ⁸. Именно Рёль впервые провел тщательное сравнение хранившихся в архиве оригиналов дневников фельдмаршала с вариантом, опубликованным в 1922 г. Г.О. Мейснером, и сделал вывод, что последний сильно искажен и «непригоден для научного использования» ⁹. В отечественной историографии большое внимание деятельности Вальдерзее уделит А.С. Ерусалимский в своей работе «Бисмарк: дипломатия и милитаризм» ¹⁰. Он являлся одним из первых исследователей, работавших с личным архивом фельдмаршала.

И Канис, и Рёль, и Ерусалимский в общем и целом оценивали Вальдерзее примерно одинаково — как честолюбивого и беспринципного интригана, стремившегося стать канцлером и готового развязать превентивную войну: «чистый милитарист, реакционер и антисемит» ¹¹. Именно такой образ фельдмаршала закрепился в исто-

риографии. Попытка оспорить эту точку зрения была предпринята молодым американским историком У. Тросклером, защитившим в 2012 г. магистерскую диссертацию под названием «Альфред фон Вальдерзее, монархист»¹². Согласно Тросклеру, Вальдерзее никогда не имел политических амбиций, был вполне доволен своей военной карьерой и по своей психологии был типичным прусским офицером-монархистом. Необходимо, однако, отметить, что диссертация была написана с использованием, в первую очередь, опубликованных источников — Тросклер осведомлен о мнении Рёля по поводу достоверности публикации Мейснера, однако, полагает, что «неопубликованные записи... не обязательно противоречат опубликованным» и вполне могут служить основанием для выводов¹³.

Кем же на самом деле был Вальдерзее? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть различные стороны его деятельности, оказавшейся достаточно многогранной, а также реконструировать его мировоззрение и систему убеждений. Это, в свою очередь, является важной задачей в контексте изучения сложной и противоречивой эпохи в истории Германии, в которой многое по сегодняшний день представляет собой предмет оживленных дискуссий.

Для достижения поставленной цели необходимо привлечь широкий круг источников. В первую очередь речь идет о личном архиве Вальдерзее, который в настоящий момент образует отдельный большой фонд в Тайном государственном архиве в Берлине¹⁴. К сожалению, подавляющее большинство документов Большого генерального штаба, относящихся к этому времени, оказались утрачены в результате боевых действий в 1945 году. В связи с этим профессиональную деятельность Вальдерзее можно оценивать в первую очередь, опираясь на опубликованные материалы — такие, как планы развертывания 1870—1880-х годов¹⁵. Другими важными источниками являются документы государственных и военных деятелей той эпохи, с которыми взаимодействовал Вальдерзее — Отто фон Бисмарка¹⁶, Гельмута фон Мольтке¹⁷, Филиппа цу Эйленбурга¹⁸, Фридриха фон Гольштейна¹⁹ и многих других.

Граф Альфред фон Вальдерзее родился 8 апреля 1832 г. в Потсдаме. Его дед был незаконнорожденным сыном правителя одного из небольших германских княжеств Леопольда III Ангальт-Дессауского. Отец, Франц Генрих фон Вальдерзее, сделал военную карьеру в Пруссии и дослужился до звания генерала от кавалерии. В XIX в. этот род войск считался в европейских странах элитным. Поскольку Франц Генрих командовал гвардейскими частями, можно сказать, что в его подчинении находились вдвойне элитные подразделения. Завершающими стадиями его военной карьеры стали командование 5-м армейским корпусом и пост военного губернатора Берлина.

Альфред был пятым ребенком в семье. О его детстве нет практически никаких данных, кроме тех, которые приводит он сам в набросках к так и не написанным мемуарам. Семейство Вальдерзее не располагало большим состоянием, однако это отчасти компенсировалось близостью к придворным кругам. Судя по всему, вопрос о сфере деятельности Альфреда даже не стоял — как и все его братья он готовился к военной карьере. После нескольких лет учебы в гимназии он в 1844 г. поступил в кадетский корпус в Берлине. По воспоминаниям

самого Вальдерзее, его здоровье в юные годы оставляло желать лучшего²⁰. В 1850 г. он сдал офицерский экзамен и получил звание секунд-лейтенанта.

Ряд событий того времени оказал определенное влияние на будущего офицера и прежде всего — революция 1848—1849 годов. Как и большинство представителей прусской дворянской элиты, юный Альфред воспринял происходившее резко отрицательно, и это, безусловно, способствовало его ненависти к «красным» в более поздние годы. Кроме того, в

течение некоторого времени он служил лейб-пажом прусского короля, что укрепило его связи с придворным обществом. В дальнейшем Вальдерзее всегда стремился поддерживать тесный контакт с королевским двором, даже находясь на изрядном расстоянии от него.

Первым местом службы молодого офицера стал гвардейский артиллерийский полк, но артиллерия в Пруссии середины XIX в. считалась не особенно престижным родом войск, поэтому в дальнейшем он старался перейти в кавалерийские части. Для этого необходимо было сделать карьеру и находиться на хорошем счету у начальства. Усилия увенчались успехом, и в 1858 г. Альфред был назначен адъютантом 1-й артиллерийской инспекции (орган, подчиненный генеральному инспектору артиллерии прусской армии и в мирное время контролировавший артиллерийские части нескольких армейских корпусов). Как вспоминал сам Вальдерзее, назначение «привлекло внимание артиллеристов, поскольку... было воспринято как оказанное мне предпочтение»²¹. На этой должности молодой офицер постарался установить как можно больше полезных контактов — к примеру, с принцем Фридрихом Карлом (племянником будущего прусского короля Вильгельма I), который в то время командовал дивизией, а впоследствии стал одним из крупнейших прусских военачальников 1860—1870-х годов.

В последующие годы Альфред продолжал двигаться в сторону карьеры «придворного офицера». В 1860 г. он был назначен гувернером молодого принца Саксонии-Альтенбург. В 1862 г. Вальдерзее вернулся в свой полк в звании гауптмана, однако уже три года спустя стал адъютантом принца Карла (младшего брата короля и отца упомянутого выше принца Фридриха Карла), занимавшего пост генерального инспектора артиллерии. В этом качестве Вальдерзее участвовал в Австро-прусской войне 1866 года. Здесь он смог укрепить свои связи с придворными кругами, в том числе с королем. Сам граф в набросках к мемуарам неоднократно утверждал, что «никогда в жизни не получал удовольствия от большого света и никогда не пытался блистать на паркете и в салонах»²². Поверить в это, однако,

весьма сложно, учитывая, как быстро и с какой настойчивостью молодой офицер обзаводился полезными связями в высших эшелонах власти.

После окончания Австро-прусской войны Вальдерзее был направлен в Ганновер, в штаб вновь созданного X армейского корпуса. Ганноверское королевство участвовало в войне на стороне Австрии и было в 1866 г., наряду с несколькими другими малыми германскими государствами, аннексировано Пруссией. Далеко не все жители королевства восприняли это положительно; в новой провинции сформировалась мощная оппозиция, верная прежней династии и получившая название «вельфов». В дальнейшем Ганновер оставался одним из очагов регионализма в Пруссии, а потом и в Германской империи.

В силу этих обстоятельства командование X корпуса играло в Ганновере не только военную, но и очень важную политическую роль. Вальдерзее использовал ситуацию, чтобы сохранить и расширить свои связи в Берлине — в том числе с главой прусского правительства Отто фон Бисмарком, которому он отправлял отчеты о настроениях в провинции. Одновременно Вальдерзее стремился избавиться от своего «артиллерийского прошлого», установив тесные контакты с одним из кавалерийских полков и рассчитывая в случае возвращения на армейскую должность попасть именно туда. Пока же молодой офицер стремился не закрывать для себя ни одну возможность. С 1869 г. активно обсуждалась его отправка в качестве военного атташе в одну из европейских столиц. В начале следующего года назначение состоялось — Альфред фон Вальдерзее был направлен в Париж.

Должность военного атташе предусматривала тесные контакты не только с военным, но и с политическим руководством страны. К тому же спустя несколько месяцев после назначения Вальдерзее начался острый кризис во франко-прусских отношениях, завершившийся войной. В критические недели июля 1870 г. Вальдерзее, находясь на своем посту, докладывал в Берлин о настроениях во французской столице и действиях властей. В силу обстоятельств он вновь оказался объектом пристального внимания Бисмарка, который пока еще признавал, что «мало знает»²³ военного атташе. Деятельность графа на этом посту оценивалась положительно — в частности, составленная им записка об особенностях тактики французской армии была немедленно отпечатана в большом количестве экземпляров и распространена в войсках.

Вернувшись в Берлин уже после начала войны, Вальдерзее немедленно был назначен адъютантом короля и отправился на театр военных действий. Когда после первых блестящих побед война неожиданно перешла в затяжную стадию, прусский король начал терять самообладание. Он подозревал, что его генералы вводят его в заблуждение относительно хода военных действий, и в конце ноября направил Вальдерзее в качестве своего личного представителя во 2-ю армию принца Фридриха Карла, сражавшуюся на Луаре, поручив ему ежедневно докладывать обстановку. Миссия оказалась весьма щекотливой и могла вызвать недовольство как в Большом генеральном штабе, так и у командования 2-й армии. От Вальдерзее потребовалось немалое дипломатическое искусство для того, чтобы не испортить отношения ни с кем из заинтересованных лиц. В конце декабря

он вернулся в Версаль, чтобы практически сразу же получить назначение на пост начальника штаба XIII армейского корпуса. В этой роли он принимал участие в январском сражении при Ле Мане и сумел, таким образом, записать в свой послужной список пусть недолгий, но все же реальный фронтовой опыт.

Однако в течение большей части кампании Вальдерзее находился в свите короля, укрепляя важные для него контакты. Он постепенно входил в роль «политического офицера», одинаково пригодного и для военной службы, и для дипломатических миссий. Неудивительно, что вскоре после окончания войны решением Бисмарка он был назначен на пост временного поверенного в делах в Париже. При этом ему было обещано, что после окончания своей миссии он сможет занять должность командира 13-го уланского полка.

Дипломатическая миссия продлилась всего несколько месяцев — до назначения постоянного посла во Франции. В дальнейшем на повестку дня не раз вставал вопрос о занятии графом внешнеполитического поста; речь шла даже о том, чтобы сделать его статс-секретарем иностранных дел²⁴. Однако дело до этого так и не дошло. Сам Вальдерзее неоднократно подчеркивал, что является «телом и душой солдатом и более никем»²⁵. Однако на деле он вовсе не собирался замыкаться в кругу чисто военных обязанностей, продолжая использовать свою службу в Ганновере для поддержания регулярного диалога с политическим руководством империи.

До 1873 г. Вальдерзее оставался командиром уланского полка, а затем был назначен начальником штаба X корпуса. Командовал корпусом принц Альбрехт — племянник прусского короля, и Вальдерзее удалось установить тесные, доверительные отношения с еще одним представителем правящего дома. Начальник штаба корпуса также регулярно посещал Берлин, при этом старательно нанося визиты всем представителям военно-политического руководства молодой Германской империи начиная с монарха. Ему удавалось поддерживать хорошие отношения практически со всеми влиятельными фигурами, даже с теми, кто находился в конфликте друг с другом. Судя по всему, немалую роль в этом играло умение произвести на окружающих благоприятное впечатление. Помимо этого, на первом плане тогда находились люди, по возрасту годившиеся ему в отцы и не имевшие оснований воспринимать его как соперника или опасного противника, — скорее как многообещающего молодого помощника.

На этот же период жизни пришлось еще одно важное событие в биографии Вальдерзее — его женитьба. Со своей будущей женой он познакомился осенью 1873 г., а бракосочетание состоялось уже в апреле следующего года. Мэри фон Вальдерзее была весьма примечательной личностью. Известный либеральный политик Ойген Рихтер однажды сказал, что она была для своего мужа тем же, чем был Бисмарк для Вильгельма I²⁶.

Это, безусловно, — серьезное преувеличение, однако не подлежит сомнению, что Мэри Ли — именно так звали в девичестве супругу Вальдерзее — сыграла в жизни и карьере своего мужа значительную как положительную, так и отрицательную роль. Сама она была весьма примечательной личностью. Мэри родилась в семье американского предпринимателя; после его смерти вдова с дочерьми пере-

селилась в Париж, проделав путь, характерный для многих преуспевающих семейств из Нового света. Мэри отличалась одновременно набожностью, граничившей с религиозным фанатизмом, и деловой хваткой. Она упорно отказывала всем претендентам на ее руку, пока к ней в 1863 г. не посватался представитель одного из германских монарших домов. Принц Фридрих Эмиль Август Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Аугустенбургский был почти на сорок лет старше своей избранницы, однако Мэри спустя некоторое время дала согласие на брак. Поскольку речь шла об откровенно морганатическом союзе, принц — представитель одной из ветвей древнего северогерманского Ольденбургского дома — отказался от своего титула, получив взамен от австрийского императора специально созданный — князя Нёра.

Естественно, потеря титула не означала разрыва семейных связей, и молодая американка в одночасье стала родственницей одной из самых аристократических семей континентальной Европы. Семейное счастье, правда, оказалось недолгим — супруг скончался во время свадебного путешествия по Святым местам. Естественно, молодая вдова не избежала подозрений в том, что намеренно свела мужа в могилу. Тем не менее отношения с другими представителями монаршего дома, изначально не одобрявшими свадьбу, остались ровными. Помимо титула Мэри унаследовала внушительное состояние и связи.

Ее брак с Вальдерзее был, скорее всего, союзом по любви, которая не исключала элемента расчета с обеих сторон. В дальнейшем Мария (именно так, на немецкий манер, стали называть ее после свадьбы) проявляла немалое рвение на ниве миссионерской и благотворительной деятельности; муж, также отличавшийся набожностью, поддерживал ее в этом. Далеко не случайно одна из посмертных биографий графини Вальдерзее была озаглавлена «Казначей нашего Господа»²⁷. Ее муж старательно отмечал в своем дневнике каждую годовщину свадьбы. «Пять счастливейших лет позади, и пусть Господь подарит нам еще много радости!» — писал он в 1879 году²⁸.

В 1880 г. начался стремительный карьерный взлет Вальдерзее. К этому моменту главе Большого генерального штаба Гельмуту фон Мольтке было почти девяносто лет. Возраст брал свое, при этом было очевидно, что об отставке легендарного полководца не стоит и думать. Идея назначить ему заместителя существовала уже несколько лет, однако сам Мольтке далеко не сразу согласился с ней. В конце концов его выбор пал на Вальдерзее. Существуют различные точки зрения по поводу причины подобного выбора. Противники графа впоследствии считали, что ловкий интриган смог втереться в доверие к состарившемуся и потерявшему чутье полководцу. Мольтке, действительно, далеко не всегда видел людей насквозь. Однако есть все основания предполагать, что в данном случае он сделал вполне рациональный выбор, основанный на оценке военных талантов Вальдерзее. Последний хорошо зарекомендовал себя на посту начальника штаба корпуса и отличался способностями, необходимыми для штабной работы²⁹. Кроме того, взгляды двух офицеров по широкому кругу вопросов совпадали.

В 1880 г. Вальдерзее руководил несколькими военными учениями, в том числе ежегодной учебной поездкой Большого генерального штаба. Со своими задачами он справился успешно, и с 1 января 1882 г.

был назначен генерал-квартирмейстером Большого генерального штаба. Началось его восхождение к высотам власти.

По согласованию с Мольтке Вальдерзее взял на себя руководство всеми текущими делами. Поскольку престарелый шеф много месяцев в году проводил в своем поместье, генерал-квартирмейстер оставался в это время фактическим руководителем Большого генерального штаба. Его деятельность была направлена как на дальнейшее внутреннее развитие этого органа, так и на усиление его позиции в системе военных институтов Германской империи.

В 1883 г. Вальдерзее удалось добиться важного новшества: шеф Большого генерального штаба получил право делать доклад непосредственно монарху без присутствия военного министра. Такого рода правом фактически пользовался и Мольтке, однако оно было основано на его личных отношениях с императором. Вальдерзее создал институциональную основу для еще более независимого и прочного положения генерального штаба, оттеснив военное министерство. В этой борьбе его поддерживал генерал Эмиль фон Альбедилль, руководитель третьего ключевого военного института империи — военного кабинета прусского короля.

По мнению Вальдерзее, именно Большой генеральный штаб как орган стратегического планирования должен нести основную ответственность за военную безопасность страны. Для этого ему нужны соответствующие полномочия как в военной, так и в политической сфере. Успех войны во многом зависит от благоприятных условий ее начала, и именно военные могут судить о том, какой момент является наиболее подходящим. Вальдерзее являлся сторонником превентивной войны. Как и Мольтке, он считал, что Германии предстоит схватка и с западной, и с восточной соседкой одновременно, и одержать победу в ней можно будет только за счет быстрых и энергичных действий. Такая позиция неизбежно должна была привести генерала к столкновению с Бисмарком. Однако в первые годы отношения двух деятелей оставались достаточно хорошими.

В это же время завязались тесные отношения между Вальдерзее и принцем Вильгельмом — внуком императора и будущим наследником престола. Очевидно, начальной точкой их сближения стал визит принца в Петербург в мае 1884 года. По его итогам Вальдерзее записал в своем дневнике, что Вильгельм «дает повод для самых лучших надежд на будущее»³⁰. Это не выглядит удивительным, учитывая консервативные убеждения принца и его любовь к армии. Однако скорость, с которой развивалась дружба двух мужчин, поражает: уже в конце 1884 г. Вальдерзее стал доверенным лицом Вильгельма в тайной любовной интриге. Принц постоянно навещал генерал-квартирмейстера, иногда предупреждая о своем визите буквально за пару часов³¹. Вальдерзее постепенно стал ближайшим другом Вильгельма. Джон Рель достаточно метко охарактеризовал роль генерал-квартирмейстера как «эрзац-отца» юного принца³². Поскольку отношения Вильгельма с родителями были напряженными, принц искал — и нашел — замену в лице Вальдерзее, по возрасту годившегося ему в отцы. Генерал, в свою очередь, поддерживал все начинания Вильгельма. Принц «полон дружбы и привязанности ко мне» — писал он в своем дневнике в декабре 1886 года³³.

Свою роль сыграла и супруга Вальдерзее. Принц Вильгельм был женат на принцессе Аугусте Виктории из рода Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Аугустенбург. Благодаря своему первому браку Мэри фон Вальдерзее считалась родственницей будущей императрицы. По словам современного биографа графини Вальдерзее, принц Вильгельм попросил последнюю выступить в роли своеобразного «ментора» для молодой супруги, которая выросла в провинции и была лишена светского лоска, необходимого в Берлине ³⁴. Трудно оценить, насколько это соответствует действительности. Однако не подлежит сомнению, что Марию до самого конца жизни связывали с Аугустой Викторией дружеские отношения.

Близость супруги генерал-квартирмейстера ко двору дала пищу множеству слухов. Ей приписывали практически безграничную власть над принцем Вильгельмом и его женой. Ходили слухи о любовной связи графини с молодым принцем — впоследствии этой же точки зрения придерживался один из биографов М. фон Вальдерзее, Э. Смит ³⁵. Однако, судя по всему, речь идет об обычных сплетнях, которыми были полны светские салоны европейских столиц.

Дружба Вальдерзее с принцем Вильгельмом вызывала зависть многих из тех, кто делал ставку на будущего наследника престола. К их числу принадлежал, в частности, старший сын Отто фон Бисмарка Герберт. Отношения последнего с Вальдерзее начали стремительно портиться в 1886 году. Генерал считал, что именно Герберт являлся виновником его разлада с «железным канцлером» ³⁶.

На самом же деле, к этому моменту политическая активность Вальдерзее стала всерьез тревожить Бисмарка. В 1886 г. в Европе начался очередной международный кризис, германо-французские и австро-российские отношения стремительно ухудшались. Пресса всех стран была переполнена алармистскими сообщениями о близкой войне. Той же точки зрения придерживались и в Большом генеральном штабе. «Все чувствуют, что мы на пороге больших событий, что война между нами и Францией неизбежна и благодаря вступлению в нее Австрии и России превратится в мировую войну» — писал Вальдерзее в своем дневнике 1 января 1887 года ³⁷. Соответственно, войну следовало начать как можно скорее, чтобы не дать противникам выбрать удобный для них момент.

Генерал развил бурную деятельность, начав переговоры с австрийскими военными о придании союзу более наступательного характера. Это было далеко не первым и не единственным его вторжением в сферу ответственности дипломатов. Вальдерзее, фактически в обход внешнеполитического ведомства, развивал контакты с Османской империей ³⁸. Одновременно он стремился использовать военных атташе в европейских столицах для своей «параллельной дипломатии» ³⁹.

Такое вмешательство в политическую сферу категорически не понравилось «железному канцлеру», который использовал все имевшиеся у него рычаги, чтобы остановить военных. Конфликт закончился к началу 1888 г. победой Бисмарка, выступившего против превентивной войны. Однако к этому моменту уже наметились контуры нового, еще более серьезного кризиса в военно-политическом руководстве Германской империи.

В начале 1887 г. у наследника престола, кронпринца Фридриха Вильгельма, была обнаружена злокачественная опухоль в горле. Шансы принца Вильгельма в обозримом будущем взойти на престол мгновенно выросли. Соответственно, обострилась борьба в его окружении. Для Бисмарка Вальдерзее окончательно превратился из молодого честолюбца, которого можно при случае использовать в своих целях, в опасного конкурента.

В конце 1887 г. канцлеру представилась возможность нанести удар. 28 ноября 1887 г. на квартире Вальдерзее состоялось собрание, посвященное деятельности Берлинской городской миссии — религиозной организации, проповедовавшей среди низших слоев населения столицы и боровшейся с влиянием социал-демократии. Ключевой фигурой был глава миссии, придворный проповедник Адольф Штекер — одна из наиболее одиозных фигур в германской политике того времени. Убежденный антисемит и противник социал-демократии, он в конце 1870-х гг. выступил в роли основателя Христианско-социальной партии, боровшейся против влияния «красных» среди немецкого пролетариата. Антисемитизм и крайняя реакционность Штекера делали его неприемлемой фигурой для многих представителей германского истеблишмента. В течение 1880-х гг. не прекращались попытки отдалить его от двора и положить конец его политической деятельности. Однако у Штекера были весьма могущественные покровители, разделявшие его взгляды. К их числу принадлежала Мария фон Вальдерзее, выступившая в роли организатора вышеупомянутого собрания. Помимо ряда представителей консервативной элиты в квартире Вальдерзее присутствовали и принц Вильгельм с супругой.

Уже сам факт появления принца на собрании в поддержку деятельности одиозного проповедника мог вызвать масштабный скандал. Более того — Вильгельм выступил с короткой речью, в которой полностью одобрил христианско-социальные идеи Штекера. В начале декабря собрание стало предметом активного обсуждения и критики в германской прессе. Штекер вынужден был уйти в тень, Вильгельм — оправдываться перед канцлером за свое участие в подобном мероприятии⁴⁰. Крайне правым был нанесен серьезный удар, однако уже несколько месяцев спустя они смогли взять реванш.

В марте 1888 г. скончался император Вильгельм I. Его сын, с правлением которого многие связывали надежды на начало в Германии «либеральной эры», вступил на престол уже смертельно больным человеком. Он попытался отправить Вальдерзее в отставку, однако Мольтке вступился за своего помощника⁴¹. 15 июня 1888 г. после смерти отца принц Вильгельм стал германским императором.

Вальдерзее достиг пика своего могущества. 10 августа он был назначен шефом Большого генерального штаба вместо Мольтке, который в 87-летнем возрасте предпочел уйти на покой. Молодой император виделся с Вальдерзее практически каждый день и советовался с ним по широкому кругу вопросов⁴².

Генерал немедленно принялся за дальнейшее укрепление своих позиций. По мнению ряда исследователей, в этот период Большой генеральный штаб достиг пика своего влияния в германской истории⁴³. Вальдерзее удалось добиться назначения в апреле 1889 г. военным министром своего старого друга, Юлиуса фон Верди дю Вернуа, ко-

торый согласовывал с ним все свои действия, фактически согласившись на подчиненное положение военного министерства в системе руководящих институтов германской армии. Одновременно шеф Большого генерального штаба продолжил выстраивать систему «параллельной дипломатии» — военные атташе в европейских столицах стали пользоваться практически полной независимостью от дипломатических представителей и могли отправлять в Берлин донесения политического характера. Полученную таким образом информацию шеф Большого генерального штаба докладывал императору, конкурируя с внешнеполитическим ведомством.

Наиболее крупным успехом Вальдерзее стала отставка Бисмарка. После вступления на трон Вильгельма II позиции «железного канцлера» значительно ухудшились. Эту ситуацию нельзя, как зачастую делается, сводить к личному конфликту молодого императора и старого министра. Против Бисмарка фактически сформировалась широкая коалиция самых разных сил — от крайних реакционеров до умеренных либералов. Вальдерзее был одним из ключевых действующих лиц «заговора». Его роль в свержении «железного канцлера» многие впоследствии расценивали как решающую ⁴⁴.

Устранение Бисмарка открывало перед Вальдерзее возможность претендовать на пост канцлера. Наличие подобных амбиций не вызывало сомнений ни у современников, ни у большинства историков. Определенного рода диссонансом звучит вывод С. Тросклера о том, что Вальдерзее «никогда не хотел стать канцлером» ⁴⁵. Американский исследователь основывается на том, что в своем дневнике генерал не раз заявлял о нежелании быть главой правительства. Следует, однако, иметь в виду, что Вальдерзее вообще редко писал о собственных амбициях, часто повторяя, что вполне доволен тем, что у него имеется. Можно вполне обоснованно говорить о том, что генерал был готов занять высший политический пост в государстве, но не любой ценой и не на любых условиях. В феврале 1889 г. он писал в дневнике, комментируя появившиеся в газетах слухи о своем будущем назначении: «Я считаю очень смелым любого, кто решит взять на себя это наследство. Когда один или другой преемник сломает себе шею, тогда, может быть, мы поговорим об этом» ⁴⁶. Возможно, генерал хотел оказаться в том же положении, что и Бисмарк — возглавить правительство в момент кризиса, чтобы получить карт-бланш на свои действия. Вальдерзее позиционировал себя как человека «твердой руки», способного эффективно бороться как с внутренними, так и с внешними врагами.

Однако закат самого Вальдерзее был уже не за горами. После того, как Бисмарк был в начале 1890 г. отправлен в отставку, направленная против него коалиция распалась. В свою очередь оппозиция могущественному и амбициозному шефу Большого генерального штаба стала формироваться сразу на двух уровнях. Первым являлся круг близких друзей императора, где у Вальдерзее появились сильные конкуренты за влияние на молодого монарха (в первую очередь граф цу Эйленбург). Вторым — представители политической элиты, которые были недовольны выросшим влиянием Большого генерального штаба и опасались прихода Вальдерзее на пост канцлера. Среди главных действующих лиц здесь необходимо упомянуть нового главу

правления Лео фон Каприви и «серого кардинала» внешнеполитического ведомства Фридриха фон Гольштейна. Поскольку позиция Вальдерзее зависела, в конечном счете, от расположения императора, оба уровня оказались тесно связаны между собой. Не способствовало укреплению положения генерала и то, что за ним к тому моменту прочно закрепилась репутация прожженного интригана.

Вальдерзее достаточно долгое время не замечал нависшей над ним угрозы. Судя по всему, он считал свое положение весьма прочным. Правда, между императором и его «эрзац-отцом» стали возникать первые разногласия. Уже в 1889 г. Вильгельм II жаловался, что Вальдерзее пытается вмешиваться во все дела ⁴⁷. В марте следующего года, принимая участие в решении ежегодных тактических задач для офицеров Большого генерального штаба, император не смог справиться с ними и во время разбора публично раскритиковал Вальдерзее.

Хотя этот инцидент был довольно быстро улажен, он не прошел мимо внимания германской прессы. В течение года в дневнике Вальдерзее появлялись все более критические высказывания о монархе. «Больше всего меня беспокоит, что у кайзера отсутствуют прочные взгляды, — писал он 24 апреля. — Не радуется также все сильнее и отчетливее проявляющая себя склонность искать популярности» ⁴⁸. Позиции шефа Большого генерального штаба начали ощутимо слабеть. Летом 1890 г. Каприви предпринял первые шаги, направленные на ограничение самостоятельности военных атташе. Новый военный законопроект, подготовленный Верди совместно с Вальдерзее, не был принят. 8 октября военный министр вынужден был уйти в отставку. Многие восприняли это как знак скорого падения самого Вальдерзее. Осенью, во время больших маневров, состоялось очередное столкновение между императором и шефом Большого генерального штаба по военным вопросам. Вильгельм II командовал одной из сторон. Вальдерзее подверг его действия достаточно жесткой критике — в корректной форме, но в присутствии других офицеров. Император был глубоко задет произошедшим. Все это, опять же, не осталось скрытым от глаз общественности; слухи о скорой отставке могущественного генерала начали почти непрерывно циркулировать в немецкой прессе ⁴⁹.

Встает вопрос: почему Вальдерзее, владевший всеми навыками искусного придворного и не скупившийся на похвалы Вильгельму, в том числе военным талантам монарха, вдруг сознательно пошел на обострение отношений, тем самым ускоряя свое падение. По всей видимости, за годы дружбы с принцем он привык к роли наставника, авторитет которого не ставился под сомнение, и не смог своевременно осознать или попросту не был готов к тому, что ситуация изменилась: чтобы остаться в ближайшем окружении кайзера, следовало, подобно Эйленбургу, смотреть на монарха снизу вверх, восхищаться им и воздерживаться от любой критики. Но шеф Большого генерального штаба собирался оставаться самостоятельной, сильной фигурой. Это обрекало его на конфликт с императором, за спиной которого стояла мощная коалиция.

Генерал лишь постепенно стал понимать масштаб угрозы. Только в конце года он осознал, что Каприви является одним из ключевых его противников. В дневнике начали появляться все более пессимистические записи. «Идет ли император правильным путем? Окру-

жают ли его хорошие советники? У меня в этом большие сомнения» — записал Вальдерзее в последний день 1890 г.⁵⁰, а уже в конце января был смещен со своего поста и назначен командиром IX армейского корпуса.

Получив известие об этом из уст императора, генерал заявил о своем желании уйти в отставку. Однако Вильгельму II было выгоднее, чтобы Вальдерзее оставался на службе. Император привел множество доводов, заявив, что речь идет о повышении (должность командира корпуса действительно формально считалась выше должности шефа Большого генерального штаба), что назначение в Гамбург является знаком особого доверия. Однако ни генерал, ни германская общественность, ни сам император не строили никаких иллюзий: речь шла об устранении могущественного игрока в военно-политическом руководстве империи.

«Я считаю его падение необходимым с точки зрения общего интереса, — писал в своем дневнике флигель-адъютант императора граф Ведель, сохранявший определенную дистанцию по отношению к происходившему. — Вальдерзее при всем своем большом даровании был разлагающим элементом. Он вмешивался во все, его честолюбие не знало границ, и, как мне кажется, он не брезговал любой интригой для достижения своей цели»⁵¹.

В конечном счете, Вальдерзее согласился на новую должность. Судя по всему, он надеялся на то, что опала не будет долгой — Вильгельму II потребуется «сильная рука» в руководстве империи. И действительно, на протяжении следующих лет слухи о скором назначении Вальдерзее канцлером возникали с завидной регулярностью. У опального генерала были в этом вопросе достаточно сильные союзники — в частности, Иоганн Микель, один из ведущих национал-либеральных политиков⁵². Вильгельму II эта ситуация была выгодна. Он мог одновременно контролировать амбициозного генерала, внушая ему надежду на возвращение в Берлин, и держать в страхе его противников, в первую очередь Каприви и Гольштейна.

Прибыв в Гамбург, Вальдерзее немедленно приступил к активным действиям, направленным на восстановление своих прежних позиций. Он сохранил тесные связи в берлинских придворных кругах и оставался в курсе всех событий. Проектом, который казался ему наиболее перспективным, было примирение между Вильгельмом II и Бисмарком.

Бисмарк, находившийся после отставки в открытой оппозиции к императору, жил поблизости от Гамбурга в своем имении Фридрихсру. После назначения Вальдерзее у многих, в том числе у императора, возник вопрос о том, не заключат ли два опальных деятеля союз⁵³. Однако у свежее испеченного командира корпуса были совершенно иные планы. Он вовсе не собирался переходить в оппозицию к императору. Его задачей было вернуть себе былое влияние на монарха. Как и многие современники, Вальдерзее видел, что открытый конфликт с Бисмарком подрывает, в первую очередь, репутацию Вильгельма II в глазах немецкой общественности. Генерал хотел примирить «железного канцлера» с императором, рассчитывая на то, что это позволит ему самому вернуть утраченные позиции. Того же опасались и противники Вальдерзее⁵⁴.

Генерал осторожно налаживал контакты с Бисмарком, одновременно стараясь избегать всего, что могло бы послужить основой для подозрений в нелояльности. Каждый свой визит во Фридрихсру он согласовывал с императором. Встречи двух недавних противников проходили внешне в благожелательной атмосфере. Бисмарк, однако, прекрасно понимал намерения Вальдерзее и не строил по поводу генерала никаких иллюзий⁵⁵. Примирение, в конечном счете, все же состоялось в начале 1894 г., однако Вальдерзее не извлек из этого никакой выгоды.

Генерал жадно ловил и заносил в свой дневник как сведения об углублявшемся политическом кризисе в Берлине, так и знаки расположения со стороны императора. В октябре 1894 г. Каприви, наконец, ушел в отставку. Однако на его место был назначен не Вальдерзее, а престарелый князь Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингфюрст. Слухи о том, что это — лишь переходный период, после которого канцлером станет человек с «твердой рукой» (то есть Вальдерзее), циркулировали еще некоторое время⁵⁶. Подобного рода идеи возникали и в политических кругах Берлина⁵⁷. Сам генерал рекомендовал императору вести жесткую борьбу с усиливавшейся социал-демократией, очевидно, рассчитывая на волне внутреннего кризиса вернуться из опалы⁵⁸.

Однако год проходил за годом, и вероятность назначения таяла. Вальдерзее стал все чаще размышлять о своей отставке. «Я невольно думаю о скором уходе со своего поста и о том, что за этим последует» — писал он в дневнике в конце 1896 года⁵⁹. Однако весной 1898 г. он был назначен главой 3-й армейской инспекции — это означало, что в случае войны ему предстояло командовать армией. Фактически в мирное время данная должность считалась высшей точкой и одновременно завершением карьеры. Весной 1900 г. генерал был произведен в фельдмаршалы.

Летом того же года его назначили командующим войсками международной коалиции, подавлявшей Боксерское восстание в Китае. На назначении Вальдерзее настаивал лично Вильгельм II. Для императора это было средством повысить престиж Германской империи в мире. Пресса немедленно дала Вальдерзее ироничное прозвище «мировой маршал». После того, как кандидатура была согласована со всеми заинтересованными сторонами, Вальдерзее в конце августа отправился морем в Восточную Азию. К месту назначения он прибыл месяц спустя, по сути опоздав — Китай к тому моменту был уже взят войсками коалиции, а осажденный восставшими европейский дипломатический квартал освобожден. На долю Вальдерзее не выпало крупных военных операций, однако ему пришлось использовать весь свой дипломатический талант для того, чтобы не допустить конфликта между контингентами семи соперничавших друг с другом великих держав, формально находившихся под его руководством.

Фельдмаршал оставался в Китае до начала июня 1901 года. После его отъезда среди китайцев получила распространение красивая легенда о куртизанке Сай Циньхуа, которая стала любовницей Вальдерзее и смогла благодаря этому добиться более гуманного отношения к жителям Пекина⁶⁰. В реальности фельдмаршал относился к китайцам с характерным для многих европейцев того времени высокомерным презрением.

Непривычный климат Восточной Азии подорвал здоровье Вальдерзее, которое и без того не отличалось крепостью. После возвращения в Европу он вышел в отставку. 5 марта 1904 г. фельдмаршал скончался в Ганновере.

Оценивая личность Вальдерзее, необходимо еще раз подчеркнуть ее многогранность. Генерал выступал сразу в нескольких ипостасях и на каждом поприще добивался определенных успехов. Не лишенный талантов, он умел произвести впечатление на окружающих, расположить к себе собеседника, обзавестись связями с нужными людьми. Он был честолюбив и, похоже, не испытывал ни малейшего сомнения в собственных способностях. Для достижения своих целей он охотно интриговал, однако «мастером интриги» Вальдерзее назвать сложно: его активность в этой сфере привлекала слишком много внимания (соответствующим образом отразившись на репутации), а в борьбе с действительно искусными противниками вроде Гольштейна он потерпел поражение.

Вальдерзее был ярким представителем нового поколения немецких правых. Унаследовав многие взгляды старой прусской консервативной элиты, они, в отличие от нее, приветствовали образование Германской империи, а антисемитизм и ненависть к социал-демократии были ключевыми столпами их мировоззрения. Они критиковали внутреннюю и внешнюю политику Бисмарка, считая ее слишком осторожной и пассивной. Взгляды этого поколения, многие представители которого оказались в конце XIX в. на руководящих постах, наложили свой отпечаток на историю «вильгельмовской эпохи». Большое влияние оказали они и на последнего германского императора, «эрзац-отцом» которого стал Вальдерзее.

Другим характерным для Германии явлением, тесно связанным с жизнью и деятельностью фельдмаршала, был феномен «политического генерала». С середины XIX в. представители прусского офицерского корпуса все чаще и активнее вмешивались как во внутреннюю, так и во внешнюю политику страны. Генералы считали себя главной опорой монархии и заявляли о своей ответственности за внешнюю и внутреннюю безопасность Германской империи. Гражданским политикам было все труднее бороться с их влиянием. Попытка Вальдерзее непосредственно участвовать в решении широкого круга политических вопросов не увенчалась успехом, однако способствовала усилению соответствующих тенденций в германской военной элите.

В тени политической и придворной активности Вальдерзее во многом оказались его прямые и непосредственные обязанности. Между тем, даже критически относившиеся к фельдмаршалу исследователи называли его «человеком больших способностей и специалистом в своей области»⁶¹. В 1880-е гг. деятельность Вальдерзее оказала благотворное влияние на развитие Большого генерального штаба. Он внес заметный вклад в германское стратегическое планирование, предложив в случае войны на два фронта сосредоточить основные силы на западе и тем самым положив начало направлению, итогом которого станет знаменитый «план Шлифена»⁶². Вальдерзее также приложил немало усилий для перевооружения и внедрения новых тактических принципов в германской армии в конце 1880-х годов⁶³. Он был пламенным сторонником превентивной войны и внес немалый вклад в

то, что соответствующие идеи в течение последующих десятилетий имели большую популярность среди германского генералитета.

То, что Вальдерзее попал в опалу вскоре после достижения пика своей карьеры, никак не отменяет того факта, что на протяжении двух десятилетий его имя не сходило со страниц немецких газет, а его влияние на многие происходившие в молодой империи процессы было огромным. Вальдерзее принадлежал к числу ключевых фигур, направивших в конце XIX в. развитие Германии по тому пути, который в конечном счете привел страну к двум мировым войнам и «немецкой катастрофе».

Примечания

Исследование проведено при финансовой поддержке Центра изучения Германии и Европы (Санкт-Петербургский государственный университет — Университет Билефельда).

1. FORNASCHON W. Die politischen Anschauungen des Grafen Alfred von Waldersee und seine Stellungnahme zur deutschen Politik. Berlin. 1935.
2. См., например: CANIS K. Alfred von Waldersee. Aussenpolitik und Präventivkriegsplanung in den achtziger Jahren. In: Gestalten der Bismarckzeit. Bd. 1. Berlin. 1987, S. 404—425.
3. WALDERSEE E. von. Von Klarheit zu Klarheit! Gräfin Marie Esther von Waldersee, verwitwet gewesene Fürstin von Noer geb. Lee, geb. den 3. Oktober 1837, gest. den 4. Juli 1914 ; ein Lebensbild. Stuttgart. 1915; ILGENSTEIN A. Unseres Herrgotts Schatzmeisterin: ein Lebensbild der Gräfin Marie Esther von Waldersee. Berlin. 1938; SMITH A.J. A view of the Spree. N.Y. 1962; HUTTO R.J. The Kaiser's confidante: Mary Lee, the first American-born princess. Jefferson. 2017.
4. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Stuttgart-Berlin. 1922.
5. Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart-Berlin-Leipzig. 1928.
6. General-Feldmarschall Alfred Graf von Waldersee in seinem militärischen Wirken. Berlin. 1929.
7. CANIS K. Bismarck und Waldersee. Die aussenpolitischen Krisenerscheinungen und das Verhalten des Generalstabes 1882—1890. Berlin. 1980.
8. RÖHL J.C.G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859—1888. München. 1993; EJUSD. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888—1900. München. 2001; EJUSD. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900—1914. München. 2008.
9. EJUSD. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859—1888, S. 920.
10. ЕРУСАЛИМСКИЙ А.С. Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М. 1968.
11. RÖHL J.C.G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859—1888, S. 600.
12. TROSCLAIR W.J. Alfred von Waldersee, monarchist: his private life, public image, and the limits of his ambition, 1882—1891. Louisiana State University. 2012. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_theses/2782.
13. Ibid., p. 10.
14. GStA PK, VI. HA Familienarchive und Nachlässe, NL. Waldersee, A.v.
15. Graf MOLTKE. Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890. Berlin. 1929.
16. BISMARCK O. von. Die gesammelten Werke. Berlin. 1924—1935; EJUSD. Werke in Auswahl. Darmstadt. 2001.
17. Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. Berlin. 1892—1893.
18. Eulenburg und Hertefeld P. zu. Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Boppard. 1976—1983.
19. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen. 1956—1961.
20. Denkwürdigkeiten..., Bd. 1, S. 3.

21. *Ibid.*, S. 10.
22. *Ibid.*, S. 16.
23. Bismarck an das Auswärtige Amt. 10.07.1870. In: BISMARCK O. von. Werke in Auswahl, Bd. 4, S. 469.
24. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 12, Bl. 26.
25. Denkwürdigkeiten..., Bd. 1, S. 138.
26. BUCHOLZ A. Moltke and the German wars, 1864—1871. Basingstoke. 2001, p. 69.
27. ILGENSTEIN A. *Op. cit.*
28. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 12, Bl. 5.
29. CECIL L. Wilhelm II. Prince and emperor 1859—1900. Chapel Hill. 1989, p. 63.
30. Denkwürdigkeiten..., Bd. 1, S. 239.
31. Prinz Wilhelm an Waldersee 25.12.1884. — GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., B I Nr. 42, Bl. 2.
32. RÖHL J. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888—1900, S. 464.
33. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 13, Bl. 49.
34. HUTTO R.J. *Op. cit.*, p. 76.
35. SMITH A.J. *Op. cit.*, p. 83.
36. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 13, Bl. 12.
37. Denkwürdigkeiten..., Bd. 1, S. 309.
38. KRETHLOW C.A. Generalfeldmarschall Colmar Freiherr von der Goltz Pascha. Eine Biographie. Paderborn. 2012, S. 165.
39. CRAIG G.A. Military Diplomats in the Prussian and German Service: The Attachés, 1816—1914. — Political Science Quarterly. Vol. 64. 1949, № 1, p. 80.
40. CECIL L. *Op. cit.*, p. 106.
41. KESSEL E. Die Tätigkeit des Grafen Waldersee als Generalquartiermeister und Chef des Generalstabs der Armee. In: Die Welt als Geschichte. Stuttgart. 1954, S. 210.
42. CECIL L. *Op. cit.*, p. 125.
43. KITCHEN M. The German officer corps 1890—1914. Oxford. 1968, p. 2.
44. KRAUSNICK H. Holsteins Geheimpolitik in der Ära Bismarck 1886—1890. Hamburg. 1942, S. 282.
45. TROSCLAIR W.J. *Op. cit.*, p. VII.
46. Denkwürdigkeiten..., Bd. 2, S. 36.
47. RÖHL J. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888—1900, S. 465.
48. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 16, Bl. 54.
49. Hamburger Nachrichten. 04.02.1891. — GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., C I Nr. 5.
50. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 16, Bl. 143.
51. Zwischen Kaiser und Kanzler. Aufzeichnungen des Generaladjutanten Grafen Carl von Wedel aus den Jahren 1890—1894. Leipzig. 1943, S. 140.
52. HERZFELD H. Johannes von Miquel. Sein Anteil am Ausbau des Deutschen Reiches bis zur Jahrhundertwende. Bd. 2. Detmold. 1938, S. 343.
53. Zwischen Kaiser und Kanzler, S. 149.
54. *Ibid.*, S. 167.
55. HANK M. Kanzler ohne Amt. Fürst Bismarck nach seiner Entlassung 1890—1898. München. 1977, S. 204.
56. GStA PK, VI. HA, NL. Waldersee, A.v., A I Nr. 21, Bl. 90.
57. RÖHL J. Deutschland ohne Bismarck. Die Regierungskrise im Zweiten Kaiserreich 1890—1900. Tübingen. 1969, S. 182.
58. Denkwürdigkeiten..., Bd. 2, S. 386.
59. General-Feldmarschall Alfred Graf von Waldersee in seinem militärischen Wirken, Bd. 2, S. 386.
60. McALEVY H. That Chinese Woman. The life of Sai-chin-hua. L. 1959.
61. WERDERMANN J. Die Heeresreform unter Caprivi. Greifswald. 1928, S. 42.
62. ZUBER T. Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871—1914. Oxford. 2002, p. 133.
63. BROSE E.D. The Kaiser's Army. The politics of military technology in Germany during the Machine Age, 1870—1918. N.Y. 2001, p. 58.

Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.)

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев

Аннотация. В публикации дается анализ воспоминаний солдата С. Беляева, прошедшего 10 месяцев в чеченском плену в 40-е гг. XIX в. во время Кавказской войны. Интересный документ, оставленный образованным человеком, расширяет знания о статусе россиян, находившихся в неволе у горцев Северного Кавказа. В то же время необычные обстоятельства плена позволяют трактовать его пребывание в Чечне как своеобразные «культурные приключения», на которые пленный шел сознательно, желая продлить свое нахождение у чеченцев для более близкого знакомства с людьми, природой и культурой края. Это отличает историю Беляева от ситуаций, пережитых другими пленниками. Работа позволяет обогатить современные научные представления о горцах, которые формировались у представителей России в первой половине XIX века.

Ключевые слова: гяур, ориентализм, иной мир, аманат.

Abstract. The publication analyzes the soldier memoirs of S. Belyaev, who spent 10 months in Chechen captivity in the 40s of XIX century during the so-called Caucasian War. Interesting document left by the educated man, broadens our knowledge of the status of those Russians who were in captivity in the highlanders of the North Caucasus. At the same time, unusual circumstances captivity endured by Belyaev, allow authors to interpret his stay in captivity in Chechnya, as a kind of “cultural adventure” for which the prisoner was consciously wanting to extend the stay of the Chechens to become more familiar with people, nature and culture of this region. This distinguishes the history of Belyaev from situations experienced by other prisoners. This work enriches modern scientific ideas about the images of the mountaineers and the world, which were formed from representatives of Russia in the first half of the XIX century.

Key words: giaour, Orientalism, another world, amanat.

Истоки темы «кавказских пленников» первой половины XIX в. содержатся в творчестве классиков отечественной литературы и имеют не только социально-политическое, но и литературно-философское

Дударев Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук. Москва. E-mail: dudarev324@gmail.com;
Дударев Сергей Леонидович — доктор исторических наук, профессор Армавирского государственного педагогического университета. E-mail: dudarev51@mail.ru.

Dudarev Dmitry S. — candidate of historical sciences. Moscow. E-mail: dudarev324@gmail.com;
Dudarev Sergey L. — doctor of historical sciences, professor at the Armavir State Pedagogical University. E-mail: dudarev51@mail.ru.

значение (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой) ¹. Однако только в самом конце 1980-х гг. к данной теме обратились историки и краеведы ². В 1990 — начале 2010-х гг. появились статьи и монографии В.В. Дегоева, Ш. Казиева, М.А. Тахо-Годи, Ю.Ю. Клычникова, А.А. Цыбульниковой, Н.Н. Великой, М.В. Нечитайлова, А.И. Кругова и других авторов ³. При этом изучались причины нахождения россиян в плену у горцев, состав пленников (офицеры, солдаты, казаки, простые обыватели) и другие проблемы.

Особняком среди данной литературы стоят мемуары самих «кавказских пленников». Е.М. Белецкая и Н.Н. Великая отмечают: «Ситуация плена помогает увидеть быт горцев, особенности их жизни глазами русского человека — “врага”, “чужого”, который, общаясь с горцами, начинает уважать их обычаи, нормы кавказской этики, перестает быть для них “гяуром”» ⁴. Изучение главных сторон этого познания друг друга русскими пленниками и местными жителями является основной задачей данной публикации, основанной на воспоминаниях солдата С. Беяева ⁵.

Дневник Беяева начинается необычно для простого солдата — с очерка о государственном и общественном устройстве чеченцев, их хозяйственных занятиях, быте, нравах ⁶. И чем подробнее читатель знакомится с «Дневником», тем больше убеждается в образованности автора, которая не была свойственна даже достаточно высокопоставленным офицерам, оказавшимся в том же положении, что и он. Беяев останавливается на устройстве вооруженных сил имамата и их численности, характеристике мюридов и наградной системы, организации управления, особенностях пенитенциарной политики Шамиля, семейных отношениях, погребальном культе и т.п. Эти сведения, не являясь оригинальным источником, в то же время представляют определенный научный и, в частности, этнографический интерес.

Очень жесткую оценку Беяев дает семейному положению чеченской женщины ⁷. Кроме того, он весьма нелицеприятно отзывался о человеческих качествах женщин-чеченок. Что касается чеченцев вообще, то они рисуются людьми воинственными, сильными и проворными, но в то же время корыстными, лицемерными, самодовольными и т.п. Эти определения, звучащие в духе «ориентализма», удивляют своим несоответствием тому обращению, которое он встретил в нескольких чеченских семьях (особенно в одной из них) во время большей части своего пребывания в неволе. Оно поражает своей мягкостью, особенно в сравнении с участием других российских военнослужащих — современников Беяева.

С одной стороны, судьба Беяева вполне типична для ряда военнослужащих российской армии. Он попал в плен на поле боя. Как было принято, у него отобрали амуницию, в том числе сапоги, а также оружие, заковали в кандалы, использовали на сельскохозяйственных работах, передавали из одних рук в другие. Он вызывал к себе далеко не добрые чувства, как «гяур» («неверующий»), и ему первоначально доставались побои от некоторых чеченцев. Однако многие важные обстоятельства делают историю Беяева весьма необычной, требующей к себе особого внимания.

Чеченец Абазат, к которому попал пленный, с самого начала стал называть его необычным для подобной ситуации словом «брат». Возможно отношение горцев к пленным солдатам было более «либеральным», чем к офицерам. Кроме того, у Абазата могли быть свои планы в отношении использования Беляева: приспособить его к окружающей жизни, а не просто держать как подневольного работника.

Примечательно поведение чеченцев, которые только что успешно, хотя и не без потерь, завершили сражение с российскими войсками. Они веселились, демонстрируя военную добычу, и заставляли пленного играть на скрипке (можно предположить, что она была среди трофеев; наличие струнных инструментов у полковых музыкантов подтверждается, например, полотнами российских живописцев)⁸. Это подтверждает мысль, ранее высказанную исследователями и основанную на данных военной этнографии, о том, что зачастую сражение рассматривалось как праздник⁹. Пленный понял это и не стал, оказавшись в тяжелой ситуации, поддаваться унынию, характерному для большинства военнопленных. Чеченцы увидели в нем представителя иного мира — человека, более сведущего в определенных областях, чем они. Однажды его позвали осмотреть раненого в бою старика, хотя Беляев не имел отношения к медицине, а среди самих горцев, как известно, были превосходные лекари-хакиды¹⁰. Возможно облик и поведение пленного сразу дали понять окружающим, что он не представляет опасности.

При этом личность пленника не интересовала его хозяев. У Беляева не спрашивали его настоящее имя, а называли «Сударь». Подобное вежливое обращение они слышали у русских и восприняли его как имя (причем, вполне почетное). Им и наделили пленного. «Судар был встречен горцами как сударь» — пишет Беляев, придавая этому событию оттенок знаковости¹¹.

Готовность быть полезным для хозяев Беляев демонстрировал постоянно, обещая например, что скоро научится косить, вызывая тем самым общее удовлетворение. Он быстро адаптировался к местным правилам и нравам. Так, например, Беляев был готов оказывать моральную поддержку убитой горем родственнице умершего от ран старика. Особое уважение у горцев вызывало умение пленника читать Коран, которое он демонстрировал мулле. Впрочем, присутствие муллы в качестве экзаменатора, как это не покажется странным, не являлось гарантией качества экзамена. По-настоящему ученых мулл в то время в Чечне было совсем немного.

Горцы, по словам Беляева, предположили, что он — сын сардара (то есть главнокомандующего). Сам же пленник, не зная этого термина, пишет — значительной особы, или министра, или генерала, переодетого в солдата. Через двух переводчиков, знавших русский язык, Беляев рассказывал о России, например, о знаменитых городах, вызывая удивление местных жителей. Ученость и необычность пленника (употребляющего в своем дневнике фразы вроде: «этимологически не могу разобрать это имя...»)¹² вызывали интерес и уважение к нему не только у читателей. Чеченцы, среди которых он

находился, по-своему высоко ценили Сударя и хотели, чтобы он остался у них и стал «офицером», то есть человеком с определенным положением. Первый хозяин Беляева, Абазат, спустя некоторое время даже предлагал ему стать муллой. Впрочем, такая судьба не прельщала Беляева. Он дипломатично отвечал: «У меня есть мать, сестры и братья, а здесь все чужие (не враги! — Д.Д., С.Д.), но поживу и посмотрю». Резюмируя начальный этап своего пребывания в плену, Беляев пишет: «Вот как началась жизнь моя; со мной обходились хорошо... Я покорялся всему, потому, что не видел насилия».

Между тем вскоре Беляев был продан своим первым хозяином, Абазатом, другому чеченцу, Аке, за ружье в тридцать рублей серебром и лошадь (то есть по весьма высокой цене, ибо и то, и другое — это крайне необходимые аксессуары воина-джигита). Ака поверил в потенциал пленника и всерьез надеялся получить за него полную шапку серебра ¹³.

Едва ли не с самого начала Беляев был диковиной, на которую приходили посмотреть односельчане хозяев, что поднимало престиж последних. Его пускали в саклю, и даже к очагу, который играл в жизни горца огромное значение, не давали мальчишкам его обижать ¹⁴, шили для пленника одежду, первое время не обременяли работой, доверяли общение с маленькими детьми (на коленях у него часто засыпал ребенок второго хозяина, Аки), пленнику позволяли креститься при членах семьи (но не при посторонних). Тем не менее с Беляевым происходили мелкие, но показательные события, которые ненавязчиво, но четко показывали ему его статус: у него отобрали походное полотенце, чему пленник очень удивился, отправляли смотреть за скотом. Впрочем, у Беляева была довольно «сонная жизнь», и ему удавалось поспать после обеда, чего совершенно не позволяли горцы другим пленникам ¹⁵. Но это тяготило его, поэтому начало полевых работ он воспринял с удовлетворением. Не сразу, но пленник научился косить и уже не отставал от других.

«Вольготная» жизнь Беляева претерпела определенные коррективы, когда последовало постановление имама Шамиля надеть кандалы на всех пленных россиян, в связи с побегом двух из них, в результате чего были убиты нескольких чеченцев. При этом необходимость заключить пленного в кандалы поначалу вызвала искреннее возмущение его второго хозяина, Аки, который упрашивал мюрида, присланного проследить за данной процедурой, сняв шапку, как это делали русские простолюдины, не делать этого. Такое бывало крайне редко: головной убор всегда являлся символом мужской чести и достоинства ¹⁶. Утром кандалы снимали, и пленник в течение дня обходился без них. Положение Беляева резко контрастировало с жизнью двух других русских пленных в названном селении. Он мог даже «принимать» их у себя, угощая сорванными овощами и фруктами, а также кукурузным хлебом, который пекла хозяйка. Чеченцы говорили этим пленным: «Ты мужик и ты мужик, а это князь» ¹⁷. Оба солдата ненавидели Беляева, а его положительное отношение к

хозяевам не одобряли, говоря: «Какое житье с ними, собаками!» В свою очередь Ака хотел показать односельчанам, что его пленнику живется хорошо, и просил Беяева быть веселее при появлении в публичном месте, например, у мечети. Очевидно это было некоей составной частью местных представлений о «хорошем хозяине» у чеченцев.

Много внимания Беяев уделял изучению чеченского языка. Для него, как образованного человека, имевшего филологическую подготовку, о чем говорит определенное знание арабского языка, это было интеллектуальным времяпрепровождением. Первые шаги в этом занятии он делал с помощью мальчика-чеченца. Горцы выражали надежду, что Беяев станет переводчиком у своих, если когда-нибудь вернется к ним. Беяев записывал углем чеченские слова с русским переводом на стенах сакли Абазата, так что скоро на них не осталось ни одного свободного места. Хозяева смотрели на это снисходительно, по-видимому, как на развлечение, своеобразную игру, в которой им никогда ранее не приходилось участвовать, и даже подсказывали пленнику новые слова.

Постепенно Сударь приобрел статус, который находился где-то между своеобразным «гостем» (правда, поневоле) и младшим членом семьи¹⁸. Ака часто уговаривал Беяева принять ислам и жениться на его дочери. Если верить автору «Дневника», Ака просил, целуя руки пленника: «Живи у меня, Судар: может быть, я скоро умру или убьют меня, а останутся дети — и некому будет присматривать за ними, а тебя они любят». Но в тот момент Сударь, увлекшись видимостью гармоничных отношений с хозяевами, начал «капризничать», пользуясь существовавшим в здешних местах неписанным правилом: если пленному плохо у своего владельца, то он может попросить продать его другому хозяину. Ведя у Аки жизнь, несвойственную пленнику, он надеялся также на скорый обмен, но его надежды не сбывались. Хозяева не проявляли никакой инициативы, их устраивало, что Сударь живет вместе с ними, и, возможно, в недалеком будущем войдет в их семью. И тогда Беяев решил вернуться к Абазату, о чем впоследствии пожалел: «а для чего я сам так дерзко распоряжаюсь собой, когда теперь, ничтожный, должен бы вовсе отдаться на произвол своей судьбе».

Здесь его сближение с чеченцами продолжилось: «Роскошная природа, доброта Абазата и крепкая надежда на возврат по временам делали меня веселым гостем...», «видя в них тех же людей,... я роднился с ними,... я приятно забывался»; «... когда человек весел, ему все братья»¹⁹. В то же время, доверие хозяев к пленнику приходилось завоевывать заново. Заковывая его в цепи, они с извинением говорили: «Мы еще хорошо не знаем твоего сердца... Поживешь, не станем заковывать, не посмотрим ни на кого в ауле»²⁰. Беяев так комментирует эти слова: «Плакал я, когда видел в “дикарях” проявление таких чувств!». Авторские кавычки в слове «дикари» знаменательны. Они указывают на постепенное признание пленником человеческой равноценности чеченцев. Впрочем, не все они достаивались таких отзывов. Злодеями именуется Беяев пяте-

рых односельчан Абазата, которые нещадно эксплуатировали пленника Петра (именуемого чеченцами, разумеется, Иваном), взятого под Кизляром ²¹. Сам Беляев принимал участие в полевых работах вместе с хозяевами и чувствовал свое единение с ними, называя их и себя «фамилией» ²². Во время уборки кукурузы пленник вдвоем с женой хозяина ходил на поле (Абазат в это время исполнял обязанности сторожа). При этом женщина-чеченка, как принято у восточных народов, шла сзади, неся кувшин и прочие принадлежности, а Сударь, хотя и был пленным, шел впереди своей хозяйки, как мужчина.

За время жизни у Абазата, которое сам Беляев называет «отдыхом в плену», он, по его собственному признанию, был совершенно свободен и приобрел много знаний. Пользуясь достаточным, по крайней мере, для повседневного общения, знанием чеченского языка ²³, правил поведения, традиций и обрядов, а также своеобразным авторитетом у части местных чеченцев, Сударь решил побывать в горах, где жил тесть Абазата, Високай. Поход в селение Гуни, а именно здесь Беляев оказался в конце своего путешествия по лесистым предгорьям Юго-Восточной Чечни (Ичкерии) с их необычной и волнующей природой ²⁴, вызвал явное удовлетворение пленника — «я чувствовал себя счастливым... новая, не знакомая для меня жизнь как бы переселила меня в рай, я доволен был приключением» ²⁵. В Гуни Сударь познакомился с прелестной девушкой Хазырой, дочерью брата Високая Аккирея, красотой которой был поражен. В «Дневнике» содержатся романтические эпитеты, посвященные ей, например: «весенняя роза вольных гор». Но в работе проходили дни, хозяйка была скупа на угощение и требовательна к работе, с красавицей Беляев почти не виделся, а обещание Аккирея купить пленника у его хозяев, отдавших Сударя для работы в Гуни, не сбывалось. Когда наконец Беляев вернулся в Гильдаган, все заметили, что он плохо выглядит и похудел на «новых хлебах», и обвинили в этом Високая. Пленный в горах простудился и заболел. Его выхаживали как своего, а потом, узнав об интересе к Хазыре, предложили продать Аккирею. Но уже почти заключенная сделка не состоялась. Аккирей, не уверенный в пленнике, не стал покупать его, а Абазат все дело представил Беляеву так, что они не сошлись в цене.

Как бы хорошо не были настроены хозяева к Беляеву, но пленник есть пленник. Несмотря на приближение зимы, он ходил босым и одетым в убогие хозяйские обноски. Не приходится удивляться, что Сударь проболел целых три месяца. Положение было настолько серьезным, что Беляева стали посещать мысли о смерти. Дважды он послал через хозяев записки в крепость Грозную с просьбой о выкупе, но ответа не было ²⁶. Между тем, Абазат совершенно разорился и должен был, по решению шариатского суда, выплатить компенсацию семье, у которой вместе со своим односельчанином похитил лошадь ²⁷. Его даже посещали мысли о переходе на российскую сторону. Такое с «немирными» горцами случалось не раз. Не найдя поддержки или сочувствия в своей среде, они порой стремились решить свои проблемы с помощью российских властей. Подобная альтернатива являлась

специфической чертой «Кавказской войны». Абазат стремился заручиться поддержкой пленного в возможных переговорах с российскими представителями, как человек, который гуманно относился к русскому пленнику. Дальнейшее развитие событий показало, что это были всего лишь планы²⁸. Абазат, обещавший Сударю, что ни за что не продаст его (разве только русским), втайне от пленника договорился отдать его в горы в обмен на коня. Беляев узнал о сделке и сорвал ее публичным проявлением молчаливого недовольства, а потом с глаза на глаз обвинил хозяина в неверности данному слову. Это звучало как приговор всей их прежней весьма специфической «дружбе». Беляев писал: «... я сердился на Абазата и его вероломство, и вместе [с тем] прощал ему, как дикарю и был покорен своей судьбе». В данном случае слово дикарь давалось без кавычек. Обольщение отчасти придуманным пленным солдатом особым доверием к нему хозяина кончилось. Сударь был снова продан Аке.

История пребывания Беляева в плену завершилась прибытием покупателя, жившего вблизи крепости Грозной. Опасаясь очередного обмана, пленник не стал предаваться неоправданному оптимизму. Его одели и привели на хутор, где Сударя ожидала девушка-казачка, обещанная ему в невесты. Ею, в действительности, оказалась пожилая пленная женщина из станицы Стодереvской. Она была крайне удивлена видом пленного, который был совсем не похож на тех несчастных, которые оказывались в подобной ситуации. Интрига заключалась в том, что покупавший его чеченец Бейбулат приобрел пленника для обмена на своего брата Тоубулата, находившегося в остроге (в них попадали пленные «немирные» чеченцы, а также те из вайнахов, кто нарушил присягу, данную российским властям). Бейбулат хотел скрыть это от Аки, чтобы тот не затребовал большей платы, и договорился с пленником, что тот, якобы, приобретается как работник. Эту «версию» и должен был узнать ничего не подозревавший Ака. Беляев до самого конца не верил в то, что все произойдет именно так, как было сказано Бейбулатом: «... по привычке видеть между горцами обманы я не радовался наружно». На этот раз десятимесячный плен Беляева был завершен, и его отпустили к своим.

Бывший пленник покидал чеченских знакомых, неся в душе неприятный осадок. Так, в дневнике появились резкие и нелюбезные строки о качествах чеченцев. Беляев провел в плену 10 месяцев, а свой дневник опубликовал спустя годы. Дистанция была достаточной, чтобы абстрагироваться от произошедших событий. Но что-то помешало ему, в конечном счете, увидеть следующее: существовало всего три основных варианта для тех, кто оказался в плену у горцев. Первый — принятие ислама и женитьба на горянке. По этому пути пошло немало солдат, которые вскоре уже были практически неотличимы от местных жителей. Второй — более или менее скорый выкуп или обмен. Он также был достаточно распространенным. Третий вариант — долгая, длаящаяся, порой, многие годы, перепродажа в горской среде, когда пленный используется в качестве обменного средства (своеобразной валюты) в условиях отсутствия

развитой товарно-денежной экономики. Такой пленник может когда-либо освободиться, а может вечно влачить свое жалкое и униженное существование. Первые два варианта не были по субъективным и объективным причинам осуществлены Беляевым (принимать веру он не хотел, выкупа/обмена достичь не мог, а в какие-то моменты и не хотел, желая «культурных приключений» среди горцев). Объективно оставался последний, самый неблагоприятный, вариант. В соответствии с ним и проходила жизнь Беляева среди чеченцев. Отношения доверия и симпатии между хозяином и пленным не могли быть некоей константой. Если он не хотел стать одним из горцев или не мог выкупиться (обменяться), то, в конце концов, становился «разменной монетой», которая принадлежит всем и никому.

Примечания

1. КАГАНОВИЧ С.Л. Кавказские пленники в русской литературе. М. 2009.
2. МАХМУДОВА К.З., УМАРОВА Л.Х., БУСЕВА Т.П. Новые источники по истории Чечено-Ингушетии. Археология и краеведение — вузу и школе (Вторая региональная научно-практическая конференция). Грозный. 1985, с. 62—64.
3. Основную библиографию о «кавказских пленниках» см.: ВЕЛИКАЯ Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века). — Кавказский сборник. Т. 9 (41). М. 2015, с. 90—101.
4. ВЕЛИКАЯ Н.Н., БЕЛЕЦКАЯ Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим фольклорным и литературным источникам). Армавир. 2014, с. 102.
5. БЕЛЯЕВ С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. В кн.: В плену у горцев. Нальчик. 2011, с. 3—63.
6. Весьма примечательно, что одно из первых (если не самое первое) из российских изданий «Дневника» С.И. Беляева, увидевшее свет в г. Грозном в конце 1991 г., по решению редакции, вышло без этого очерка.
7. БЕЛЯЕВ С. Ук. соч., с. 9.
8. ТКАЧЕНКО Д.С., КОЛОСОВСКАЯ Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь. 2011, с. 51.
9. Князь А.М. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ. Мои воспоминания 1845—1846 гг. Ч. II. СПб. 1903, с. 122—123.
10. ТОЛСТОЙ Л.Н. Казаки. Повести и рассказы. М. 1981, с. 203.
11. БЕЛЯЕВ С. Ук. соч., с. 13.
12. Там же, с. 38.
13. Народная мера ценности, которая встречается и в русских сказках, например, сказке П.П. Ершова о Коньке-горбунке.
14. Это было немаловажно для пленных, претерпевавших от горской детворы немало издевательств (НОВИКОВА-ЗАРИНА Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов. В кн.: В плену у горцев, с. 59—60), о чем писал и А.С. Пушкин (ПУШКИН А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. В кн.: Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 1. Ставрополь. 2010, с. 406).
15. Ночью пленные не могли спать, поскольку были специально крайне неудобно прикованы кандалами к стенам и потолку жилища.
16. ДОДЕ З.В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в costume народов Северного Кавказа. — Этнографическое обозрение. 2013, № 4, с. 145.

17. БЕЛЯЕВ С. Ук. соч., с. 28.
18. В этом нет ничего необычного, с точки зрения исторических реалий. В поздне-первобытных обществах (например, у ирокезов) пленники могли инкорпорироваться в среду победителей на правах младших членов семьи.
19. БЕЛЯЕВ С. Ук. соч., с. 24—25.
20. Там же, с. 27.
21. Описывая нечеловеческие условия жизни Петра в плену, Беляев рассказывает и о тех технических тонкостях, с помощью которых удерживали в неволе тех пленных, которых подозревали в склонности к побегу. См.: БЕЛЯЕВ С. Ук. соч., с. 33.
22. В Древнем Риме коллектив рабов, обслуживавших определенную семью, назывался именно фамилией.
23. Оно, по большому счету, все же оставляло желать лучшего, так как по время своего пребывания в сел. Гуни пленнику пришлось в некоторых случаях общаться с чеченцами через жившего здесь русского солдата (пленного или беглого, осталось невыясненным).
24. Те горы, куда попал пленник, на самом деле были так называемыми Черными горами, являющимися на самом деле предгорьями.
25. БЕЛЯЕВ С. Ук. соч., с. 37—38.
26. Абазат просил Сударя в одной из записок сообщить домой, что ему хорошо живется, чтобы успокоить мать пленника.
27. «Дисциплинизация» той части Чечни и Дагестана, которая входила в состав имамата Шамиля, в соответствии законам шариата, играла, как считали еще российские авторы первой половины XIX в., положительную роль в подготовке горцев к будущей жизни в составе Российского государства. См.: СТАЛЬ К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. В кн.: Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик. 2011, с. 82—83.
28. КАЖАРОВ В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик. 2014, с. 631.

Восприятие в комсомоле статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов»

В.А. Ипполитов, А.А. Слезин

Аннотация. Реакция комсомольцев на вышедшую в свет в марте 1930 г. статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» рассматривается в качестве свидетельства глубокого раскола советского общества. Хотя комсомол уже к началу 1930-х гг. в общественном сознании устойчиво ассоциировался с антикрестьянской политикой, среди самих комсомольцев значительные масштабы имело и сопротивление коллективизации. Неожиданный поворот в политике Центра способствовал резкому снижению активности комсомола: юноши и девушки опасались, что могут не предугадать новых изменений в требованиях власти.

Ключевые слова: крестьянство, коллективизация, комсомол, насилие, протесты, настроения.

Abstract. The reaction to the article “Dizzy with Success” by I.V. Stalin, published in May 1930, among the Komsomol members is analyzed as a proof of a profound social division. Although at the beginning of the 1930s the Komsomol was very much associated with anti-peasant policy, the strong resistance of collectivization was very common among the members of the League. A sudden change in the Centre’s policy conducted to a sharp decline in the Komsomol’s participation to the collectivization: the young people feared that they wouldn’t be able to foresee new changes in the requirements of the Party.

Key words: peasantry, collectivization, Komsomol, violence, protests, moods.

Как известно, к весне 1930 г. в стране сложилась крайне напряженная ситуация. В сводках ОГПУ регионы страны, в зависимости от остроты крестьянских выступлений, делились на «сильно пораженные районы (Центрально-Черноземная область (ЦЧО), Украинская ССР, Московская область, Узбекская ССР, Северо-Кавказский край,

Ипполитов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель Тамбовского областного государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Приборостроительный колледж». E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru; *Слезин Анатолий Анатольевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Тамбовского государственного технического университета. E-mail: anatoly.slezin@yandex.ru.

Ippolitov Vladimir A. — candidate of historical sciences, teacher of Tambov regional public budgetary professional educational institution the “Instrument-making college”. E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru; *Slezin Anatoly A.* — doctor of historical sciences, professor, head of the department of the Tambov State Technical University. E-mail: anatoly.slezin@yandex.ru.

Белорусская ССР, Средняя Волга) и «пораженные» (Нижняя Волга, Западная область, Армения) ¹. Большинство крестьянских выступлений вошли в историю с лозунгами: «Долой колхозы!», «Да здравствует Советская власть!» Значительная часть лозунгов носила яркий антикомсомольский характер: «Против комсомольцев, пионеров!» ² Причинами выступлений чаще всего являлись коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовки и антирелигиозная борьба.

И.В. Сталин, скорее всего, осознал, что местные власти добились максимально возможных результатов в осуществлении насильственной коллективизации. Дальнейшее обострение ситуации грозило гражданской войной. Партийный лидер предпринял ловкий тактический шаг: 2 марта 1930 г. в статье «Головокружение от успехов» он возложил всю ответственность за допущенные перегибы на местное руководство. Сталин осудил «чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам» ³.

Начался массовый выход крестьян из колхозов. Процент коллективизации к лету 1930 г. упал в несколько раз: ЦЧО — 15,8%, Башкирия — 20,9%, Московская область — 7,2%, Татария — 8,8%, Средневожский край — 20,5% ⁴. Во многих колхозах остались лишь небольшие партийно-комсомольские группы.

По словам секретаря обкома ВЛКСМ ЦЧО В. Сорокина, статья «ударилась как гром с чистого неба наших работников» ⁵. Комсомольцы крайне неоднозначно отнеслись к статье. Наиболее ревностные сторонники коллективизации сожалели: «Рано написана статья», «Не будь бы ее, мы уже 100% коллективизировали бы» ⁶. В Барабинском округе отдельные комсомольцы недоумевали: «Зачем напечатали эти статьи, их надо печатать, когда мы закончим 100% коллективизации». Встречались и высказывания типа: «Надо было нас предупредить об этих статьях, а потом печатать» ⁷. Действительно, публикация статьи поставила комсомольцев в крайне неловкое положение.

В Омском округе многие считали статью Сталина и постановление ЦК ВКП(б) антипартийными документами, оценивая их как шаг назад ⁸. Первичные организации нередко отказывались признавать свои ошибки, так как это «подрывало их авторитет». В том же округе комсомольцы Конюковского района категорически протестовали против перевода коммуны на устав артели, заявляя: «Хоть 20 человек из 200 останется, но будет коммуна, а не артель» ⁹. В Сызранском округе секретарь комсомольской ячейки Гурьевки говорил: «Статья Сталина разложила наш колхоз, все труды пропали впустую» ¹⁰. В Ленинградской области в отдельных ячейках были попытки прятать статью. Некоторые молдавские комсомольцы принципиально вышли из союза.

Многие активисты искренне сожалели о том, что результаты их трудов фактически пропали. В Долинском районе Криворожского округа комсомольцы — организаторы коммуны, где «все до нитки было обобществлено», выражали желание лучше расстрелять человек 20—30, но сохранить проценты коллективизации ¹¹. Активисты не желали отказываться от применения насильственных методов проведения коллективизации.

Наиболее радикально настроенные комсомольцы подвергли критике позицию Генерального секретаря партии. Одна комсомольская ячейка даже вынесла Сталину выговор за публикацию статьи ¹². На VII пленуме ЦК ВЛКСМ 15—17 мая 1930 г. сообщалось о комсомольцах, которые открыто задавали вопрос: «Почему Сталин не дал раньше установку в вопросах коллективизации, а допустил головотяпство, в связи с чем произошел отлив из колхозов?» ¹³ В Центрально-Промышленной области встречались также обвинения Сталина в правом уклоне и солидарности с позицией Н.И. Бухарина ¹⁴. Распропагандированные комсомольцы совершенно справедливо обвиняли партийное руководство в отходе от прежних установок.

Члены союза, враждебно настроенные к насаждению коллективных хозяйств, положительно восприняли статью. В Золотухинском районе ЦЧО комсомольцы были активными участниками разбора обобщественных лошадей и семян ¹⁵. Стали наблюдаться массовые выходы комсомольцев из колхоза, которые свидетельствовали о неприятии ими идеи коллективного хозяйства. В Сызранском округе комсомолец Беляев в селе Голицыно первым на собрании выступил за выход из колхоза. В другом районе комсомольская ячейка вышла из колхоза в полном составе ¹⁶. Комсомольцы открыто заявляли: «Нас насильно заставили вступить в колхоз — мы выходим» ¹⁷. В Армении комсомольцы деревни Лалы после распада колхоза уехали в город работать ¹⁸. В связи с этим обком ВЛКСМ ЦЧО требовал вести решительную борьбу с элементами растерянности и паникерства в среде руководящего актива ¹⁹. В Средне-Волжском округе комсомольские руководители предлагали пересмотреть линию на сплошную коллективизацию ²⁰. Для успокоения молодежи до окончания весеннего сева были запрещены все окружные и районные совещания по линии комсомола.

После выхода статьи искусственно созданные огромные коммуны в основном быстро распались. Комсомольцы в данном случае были солидарны с мнением широких масс крестьянства. В Рубцовском округе комсомолец из колхоза «Гигант» заявил: «Партия пошла по неправильному пути, организуя коммуны. Сталин правильно сделал, дав приказ о роспуске коммун» ²¹.

Несмотря на запрещение комсомольских конференций, многие молодые люди публично выражали несогласие с официальной оценкой сущности ошибок при коллективизации. В ряде организаций члены союза утверждали, что комсомол фактически не принимал участия в искривлениях, а «шел на поводу парторганизации, исполняя ее поручения» ²². Участники апрельского пленума ЦК ВЛКСМ признавали, что комсомольские организации выполняли директивы партийных комитетов, будучи уверенными в их правильности и «начинали нажимать в духе времени» ²³. В целом комсомольцы понимали несправедливость позиции сталинского руководства по отношению к активным исполнителям спускаемых сверху директив.

В мае 1930 г. на пленуме ЦК ВЛКСМ был поставлен вопрос о виновниках «перегибов». Дискуссии об ошибках велись не только в нижних и средних «этажах» организации, но и среди руководителей

региональных отделений, мнения которых в этом вопросе разделились: одни настаивали на виновности высших органов организации, прежде всего, ЦК, другие придерживались официальной позиции, что во всем виноваты местные «коллективизаторы». В частности, представитель ЦЧО Золотухин обращал внимание на многочисленные факты «неверного» использования комсомольцев партийными органами в разрешении вопросов реконструкции сельского хозяйства. По его словам, комсомольцы играли роль «мальчиков на побегушках» и выполняли мелкие технические задачи ²⁴. Комсомольский лидер подчеркнул, что руководители комитетов, зная о погоне за процентами коллективизации, не сигнализировали «наверх», потому что считали правильной такую политику. Комсомолец из Москвы также критиковал ЦК за то, что он не проинструктировал работников, отправлявшихся в деревню. В ответ на ряд замечаний А.В. Косарев вынужден был заявить: «... мы признаем здоровую пролетарскую самокритику» ²⁵. Напротив, представитель Западной области утверждал, что ЦК «совершенно правильно политически ориентировал союз в деревенской работе» ²⁶. Делегат с Украины настаивал на необходимости решительной борьбы с попытками переложить всю ответственность за перегибы на партийные организации. Представитель Казахстана Борзов отмечал, что «зачастую комсомол сам являлся инициатором и активным творцом этих перегибов» ²⁷.

Несмотря на все дискуссии, руководство союза было уверено, что в перегибах виноваты сами комсомольцы. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев считал, что причинами ошибок стали политическая малограмотность, классовая незакаленность, радикализм, расплывчатый социальный состав молодежного союза ²⁸. Стремясь положить конец сомнениям в непререкаемом авторитете Центрального Комитета, он заявлял: «Нужно к ЦК, к руководящему органу относиться более корректно» ²⁹.

Вместе с тем активная дискуссия по принципиальному вопросу ярко свидетельствовала о сохранении элементов демократии в молодежном союзе, хотя руководство и вело с ними борьбу. Критиковалась фактически не только позиция ЦК комсомола, но и политика партийной верхушки во главе со Сталиным. В дальнейшем подобные обсуждения станут невозможными и даже опасными для жизни.

На том же пленуме произошел курьезный случай, когда комсомолец Коватеев признал себя агитатором за перегибы в колхозном движении. Молодой человек утверждал, что в своей книге «На весенний посевной фронт» он призывал повсеместно ускорить темп коллективизации, обобществлять кур и малые постройки. Впрочем, по его словам, он лишь развивал декабрьские постановления партии и правительства. Выступление оратора сопровождалось выкриками: «Признался все-таки!» ³⁰ Подобный случай ярко характеризует то замешательство, которое охватило комсомольских активистов во время борьбы с перегибами: искреннее стремление молодежи к переделке деревни, подпитываемое директивами сверху, было названо ошибочным и преступным. По словам представителя Сибирского крайкома, если раньше комсомольцы рассуждали что «лучше перегнуть, чем не догнуть»,

то сейчас линия повернулась и речь идет о том, чтобы лучше не догнуть, чем перегнуть»³¹.

Центральный Комитет решительно осудил попытки «изобразить «ретивых коллективизаторов» как простых технических исполнителей»³². Подобные взгляды (как и «нейтральность») стали квалифицировать как пособничество «левым» перегибам.

Комсомольская верхушка, еще недавно требовавшая максимального ускорения темпов коллективизации, переключилась на «борьбу с перегибами». Пленум ЦК ВЛКСМ констатировал, что в ряде местных организаций отсутствует работа по исправлению допущенных ошибок. Так, в Рубцовском районе комсомольская ячейка лишь формально записала: «Статью принять в целом»³³.

Красноречивы заголовки «Комсомольской правды» периода борьбы с «перегибами»: «Ретивость не в меру», «Только на бумаге», «В пылу административного восторга». Всего несколько недель назад лозунги газеты были прямо противоположными.

В результате деятельности многочисленных проверочных комиссий были выявлены значительные нарушения в деятельности окружных и районных комсомольских организаций. За проведение «неправильной политической линии» был отстранен от руководства организацией секретарь Козловского окружкома Потапов³⁴. Бюро Сеславинского РК ВЛКСМ, которое якобы «не нашло в себе мужества, чтобы решительно вскрыть и признать ошибки и искривления, имевшие место в работе по коллективизации», было распущено³⁵.

Наиболее характерными нарушениями при создании колхозов являлись: администрирование, угрозы, погоня за процентами, раскулачивание середняка, увлечение коммунарами и гигантами. Методы коллективизации были схожи по всей стране, недаром комсомольские руководители утверждали: «Большинство перегибов похожи друг на друга в каждом крае и области»³⁶.

В Русановском районе ЦЧО было снято 4 секретаря ячейки, а 12 чел. отдано под суд. Партийная верхушка определенно стремилась списать свои собственные ошибки на комсомольцев. Но репрессии против членов союза все же не носили массового характера. Часто секретаря райкома просто переводили в другое место. В Орловском округе из комсомольцев были привлечены к ответственности 7 председателей сельских советов, 6 бригадиров из города, секретарь ячейки, милиционер и учитель, 5 секретарей райкомов были перемещены³⁷.

В марте 1930 г. за «перегибы» в коллективизации в ЦЧО исключили из комсомола 478 человек³⁸. Впоследствии многие из них были восстановлены. Было распущено 70 ячеек и Козловский окружком ВЛКСМ. Комсомольские комитеты так увлеклись работой по борьбе с перегибами (снять, исключить, вынести выговор), что практически забыли про хозяйственное укрепление оставшихся колхозов. Увлечение комсомольцами административными наказаниями стало вызывать беспокойство в партии. В.М. Молотов, например, заметил, что «нельзя механически переносить все, что делается в партии, в комсомол»³⁹. Партийное руководство страны стремилось не допустить крайностей в наказаниях. Уже 16 июня 1930 г. Верховный суд РСФСР принял решение, в котором

подчеркивалась недопустимость наказания за перегибы по недопониманию политики партии и без злого умысла⁴⁰. Большинство «перегибщиков» избежали какого-либо наказания, вероятно партийная элита понимала, что они всего лишь деятельные исполнители указаний «сверху».

В советской историографии ошибки комсомольцев в коллективизации оценивались как незначительные, сделанные по неопытности. А.Н. Новиков писал, что «некоторые ячейки не поняли диалектического единства задач социалистического соревнования в области колхозного строительства и ленинского принципа добровольности»⁴¹. Большинство современных ученых придерживается иной точки зрения: «перегибы» являлись сознательной, навязанной сверху политикой⁴².

В результате государство продолжило курс на коллективизацию, но вместе с тем требовало соблюдения принципа добровольности. Опасаясь ошибок, большинство комсомольцев предпочитало ничего не делать. Стали наблюдаться случаи бегства активистов с работы под предлогом, что «в деревне трудно работать»⁴³.

Руководство союза стремилось использовать молодежь для агитации против выхода крестьян из колхоза. Были отмечены случаи, когда комсомольцы порывали со своими семьями и оставались в коллективных хозяйствах. Но в основном продолжался отток молодежи из наскоро созданных колхозов. Был отмечен случай сбора подписей за выход из колхоза. В ЦЧО колхозы покинуло 12 тыс. комсомольцев⁴⁴, в Средне-Волжском крае — 10—12 тысяч⁴⁵. Это свидетельствовало о насильственном характере коллективизации и подтверждало тот факт, что основным мотивом вступления в колхоз был страх перед исключением и репрессиями.

Первое время после появления статьи местные комсомольские организации поголовно исключали из своих рядов всех комсомольцев, вышедших из колхоза. В Средне-Волжском крае за перегибы и выход из коллективных хозяйств было исключено 4000 комсомольцев, в Татарской республике — 422⁴⁶. На апрельском пленуме ЦК ВЛКСМ был поднят вопрос об их нахождении в союзе. В итоге было принято решение исключать самостоятельных домохозяев, но персонально подходить к комсомольцам, находившимся на иждивении родителей, для которых предусматривалась помощь и отсрочка от вступления⁴⁷. Кроме того учитывалось состояние колхоза, из которого вышел комсомолец.

Кампания борьбы с «перегибами» окончательно запутала комсомольцев. Они растерялись, не понимая в чем надо видеть «верный курс партии в деревне». На Болховской районной конференции секретарь ячейки села Зарецкое Чуперов заявил: «Со стороны обкома нет твердых директив по колхозному строительству, а так работать опасно, как бы линии не искривить»⁴⁸. Таким образом, кампания весны 1930 г. ударила и по инициативности комсомольцев, вынуждая их бездействовать, чтобы не делать то, в чем завтра могут упрекнуть.

Среди молодежи все более распространялась апатия. В апреле 1930 г. в протоколе собрания Алексеевской ячейки ВЛКСМ (ЦЧО) отмечалось, что настроение среди молодых людей в деревне К.-Дуброво очень скверное, а в деревне Алексеевке — плохое⁴⁹. На апрельском пленуме ЦК ВЛКСМ было отмечено падение авторитета союза. Крестьяне

рассуждали так: «Комсомол приехал раскулачивать, комсомол обобществил семенные фонды, комсомол высылал кулаков и так далее»⁵⁰. В Шевченковском округе в ноябре 1930 г. правление коммуны «Искра» исключило из ее членов 40 комсомольцев, оставшихся после выхода своих родителей⁵¹.

Уход крестьян из колхозов поставил под вопрос необходимость мобилизации 20 тыс. комсомольцев на курсы счетоводов. В ряде организаций (Средняя Волга, ЦЧО) работа в этом направлении была свернута в связи с «отсутствием потребности в них»⁵².

Весной и летом 1930 г. правительство не предпринимало активных попыток дальнейшей коллективизации. Крестьяне должны были посеять и собрать урожай. Да и комсомольцы, наученные горьким опытом форсирования темпов коллективизации, стали действовать осторожно. В Северо-Кавказском округе в Эйском районе члены союза заставляли крестьянина, желавшего вступить в колхоз, несколько раз кричать на собрании, что он вступает добровольно. В том же районе крестьянин должен был собрать подписи всех членов семьи для подтверждения того факта, что он вступает в коллективное хозяйство по собственной инициативе⁵³.

Планы коллективизации стали более осторожными. Козловский РК ВЛКСМ ЦЧО поставил перед ячейками задачу: в ходе осенней посевной кампании объединить 25% крестьянских хозяйств⁵⁴. Опасаясь повторения «перегибов», обкомы ВЛКСМ инструктировали райкомы, что посылаемые бригады и отдельные комсомольцы перед работой по коллективизации должны быть проверены и подготовлены по вопросам колхозного строительства, ознакомлены с уставом сельскохозяйственной артели, статьей Сталина «Головокружение от успехов» и условиями работы в данном селе. Категорически запрещалось посылать политически безграмотных и невыдержанных комсомольцев⁵⁵.

Тем не менее отдельные комсомольские организации продолжали осуществлять коллективизацию административными методами. Так, Михайловский райком комсомола (Сибирский край) вынес решение о контрольных цифрах по коллективизации⁵⁶. Подобные примеры свидетельствовали о том, что убежденность в допустимости применения администрирования по отношению к крестьянам прочно вошла в умы комсомольских активистов.

В целом ситуация в комсомоле после публикации знаменитой статьи Сталина ярко демонстрировала глубокий раскол в обществе и на «молодежном уровне». Отрицательное отношение рядовых комсомольцев к выходу данной статьи доказывает, что частью молодежи легко воспринимались насильственные методы реформирования деревни. Впитавшие в себя нигилистическое отношение к законам, которые всегда можно нарушить ради благих целей, либо по приказу «сверху», многие комсомольцы были готовы приветствовать применение любых, в том числе и насильственных мер, для ускорения построения, по их мнению, справедливого общества.

Среди приветствовавших выход статьи были не только готовые к одобрению любых (в том числе прямо противоположных) действий активисты, но и те, кто ранее вынужден был молчать, но в принципе

к методам насильственной коллективизации относился негативно. В общественном сознании комсомольского большинства по-прежнему преобладали черты традиционной общинной психологии крестьянина, которая в основном проявляла себя в индифферентном отношении к призывам власти включаться в классовую борьбу и попытках всячески избежать участия в экспроприации имущества своих односельчан.

Примечания

1. ИВНИЦКИЙ Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.) М. 1994, с. 155.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. М. 2000, с. 277.
3. СТАЛИН И.В. Головокружение от успехов. В кн.: СТАЛИН И.В. Сочинения. Т. 12. М. 1949, с. 198.
4. ИВНИЦКИЙ Н.А. Ук. соч., с. 100.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 3, д. 66, л. 145.
6. Там же, оп. 23, д. 976, л. 4; Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИ ТО), ф. П-379, оп. 1, д. 171, л. 63.
7. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 967, л. 4.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же, л. 3.
11. Трагедия советской деревни..., с. 334.
12. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 81, л. 51.
13. Там же.
14. Там же, л. 77.
15. Там же, д. 976, л. 8.
16. Там же, л. 3.
17. Там же, оп. 3, д. 66, л. 154.
18. Там же, оп. 23, д. 967, л. 4.
19. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 145, л. 33.
20. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 66, л. 184.
21. Там же, оп. 23, д. 81, л. 9.
22. Там же, оп. 2, д. 82, л. 37.
23. Там же, оп. 3, д. 66, л. 213.
24. Там же, оп. 2, д. 82, л. 49.
25. Там же, л. 75.
26. Там же, л. 30.
27. Там же, оп. 3, д. 66, л. 154.
28. Там же, л. 274.
29. Там же, л. 288.
30. Там же, оп. 2, д. 80, л. 36.
31. Там же, оп. 3, д. 66, л. 149.
32. ГАСПИ ТО, ф. П-1214, оп. 1, д. 91, л. 26.
33. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 81, л. 9.
34. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 144, л. 61.
35. Там же, д. 148, л. 9.
36. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 66, л. 160.
37. Там же, л. 156.
38. Материалы к отчету обкома ВКП (б) ЦЧО на II-ой областной партийной конференции. Воронеж. 1930, с. 86.
39. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 66, л. 289.

40. Трагедия советской деревни..., с. 489.
41. НОВИКОВ А.Н. Партийное руководство комсомолом в подготовке и проведении коллективизации. М. 1982, с. 38.
42. ИВНИЦКИЙ Н.А. Сталинская «революция сверху» и крестьянство. В кн.: Менталитет и аграрное развитие России. (XIX—XX вв.) М. 1996, с. 247—259; НИКУЛИН Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации (1929—1930 гг. На материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО): дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2003; КОНДРАШИН В.В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М. 2008.
43. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 66, л. 147.
44. Там же, оп. 2, д. 80, л. 17.
45. Там же, оп. 3, д. 66, л. 183.
46. Там же, л. 211.
47. Там же, л. 158.
48. Отчет о состоянии областной организации ВЛКСМ ЦЧО и работе областного комитета ВЛКСМ. — Коммуна. Воронеж. 1930, декабрь, с. 23.
49. ГАСПИ ТО, ф. П-1172, оп. 1, д. 36, л. 4.
50. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 66, л. 159.
51. Трагедия советской деревни..., с. 718.
52. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 967, л. 10
53. Там же, оп. 2, д. 79, л. 16.
54. ГАСПИ ТО, ф. П-1176, оп. 1, д. 147, л. 57.
55. Там же, ф. П-379, оп. 1, д. 158, л. 60.
56. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 967, л. 45.

Каспийский поход Петра I 1722—1724 гг. — важный этап в развитии российско- дагестанских взаимоотношений

М.Р. Гасанов

Аннотация. В публикации, с привлечением письменных источников и опубликованных научных трудов, раскрывается значение Каспийского похода Петра I для развития российско-дагестанских взаимоотношений. Связи русского и дагестанских народов уходят корнями в глубь веков. Один из важных этапов русско-дагестанских отношений связан именно с Каспийским походом Петра I. Военно-политические и экономические последствия этого похода как для России, так и для народов Кавказа бесспорны.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, Каспийский поход Петра I, политические связи, Дербент, Азербайджан, Армения, Грузия, международная торговля.

Abstract. In the publication; with the involvement of written sources, published scientific papers, reveals the importance of the Caspian campaign of Peter I in the development of Russian — Dagestan relations. Connection of the Russian and Dagestani peoples go back centuries. One of the most important stages of the Russian — Dagestan relations connected with the Caspian March of Peter I. Military-political and economic implications of this campaign for Russia and for the peoples of the Caucasus indisputable.

Key words: Russia, Dagestan, the Caspian March of Peter the great, political connections, Derbent, Azerbaijan, Armenia, Georgia, international trade.

Один из важных этапов русско-дагестанских отношений связан с Каспийским походом Петра I. Данная тема освещена в трудах В.П. Лысцова¹, В.Г. Гаджиева², Р.М. Магомедова³ и других историков, а также в обобщающих работах, посвященных истории Дагестана и Северного Кавказа.

В конце XVII — начале XVIII в. территория Дагестана была разделена на ряд феодальных владений — Тарковское шамхальство, Засулакская Кумыкия, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, Аварское, Казикумухское, Дербентское ханства и др., а также союзы сельских обществ.

Гасанов Магомед Раджабович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Дагестанского государственного педагогического университета. Махачкала. E-mail: shamhalova.sonya@yandex.ru

Gasanov Magomed R. — doctor of historical sciences, professor, head of chair at the Dagestan State Pedagogical University. Makhachkala. E-mail: shamhalova.sonya@yandex.ru.

В этот период отношения между Россией и Турцией, из-за стремления укрепить свое влияние на Кавказе, обострились. В 1669 г. русские войска взяли Азов и стремились вытеснить Турцию с Северного Кавказа.

В первом десятилетии XVIII в. военно-политическая экспансия Османской империи на Кавказе, в том числе и в Дагестане, усилилась. Чтобы привлечь на свою сторону местных владетелей, Порта направляла к ним своих эmissаров. В 1710 г. она развязала войну с Россией, в результате которой, согласно Прутскому миру, Россия уступила Азов. Создавшаяся обстановка благоприятствовала агрессивным планам султана.

В то же время, в начале XVIII в., часть территории Восточного Кавказа, захваченная в период могущества персов, все еще находилась под их влиянием. В приморском и юго-западном районах Дагестана сохранились укрепления с воинскими гарнизонами, воздвигнутые сефевидами. Эти укрепления препятствовали свободному передвижению населения и развитию торгово-экономических связей Дагестана с Закавказьем.

Сефевидские шахи продолжали считать Дагестан своей территорией и вмешивались во внутренние дела некоторых феодальных владений. Так, они неоднократно делали попытки подчинить своей власти союзы сельских обществ Самурской долины. Наместники сефевидов и другие представители иранской администрации произвольно увеличивали налоги. Усилилась эксплуатация крестьян и со стороны местных владетелей. Все это не могло не вызывать законного протеста народа.

Султанская Турция в начале XVIII в. делала все, чтобы изгнать Иран из Закавказья и не допустить роста влияния России на Кавказе. Хорошо осведомленный о делах в этом регионе А.П. Волинский советовал Петру I начать военные действия и присоединить к России прикаспийские провинции Кавказа. В свою очередь дальновидный Пётр I заявил: «Нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно»⁴.

В обстановке захватнических устремлений ведущих государств феодальные правители Дагестана, как и всего Кавказа, исходя из собственных интересов, могли ориентироваться как на Россию, так и на Турцию или Иран⁵. Например, дагестанский шамхал, которого персидские источники именовали «вали», то есть правителем всего Дагестана, имел печать, на одной стороне которой он значился рабом шахиншаха Ирана, а на другой — холопом царя московского. О его двойном положении хорошо знали соответственно и в Москве, и в Исфахане, и в Стамбуле, но относились к этому спокойно, понимая, что на самом деле представляло собой положение такого «двойного холопа».

В конце XVII — начале XVIII в. Россия в социально-экономическом и политическом отношении значительно окрепла, соответственно вырос и ее международный авторитет. Учитывая это, русское правительство проявляло заботу о расширении судоходства по Волге и Каспию. Пётр I обратил внимание на Каспийское море, так как именно здесь «видел истинное средоточие или узел всего Востока»⁶.

С начала XVIII в. генеральное направление экспансии Российской империи неуклонно смещалось с Запада на Восток. В 1721 г. после победы над Швецией и заключения Ништадтского мира Пётр I усилил подготовку похода на Каспийское побережье. Политическая обстановка в то время благоприятствовала военным действиям на юге.

Астраханский губернатор Волынский в донесении царю высказался за открытие военных действий в 1722 году. Пётр I принял решение начать кампанию летом, с тем, чтобы предупредить вмешательство Турции и присоединить к России прикаспийские области Кавказа. 15 мая 1722 г. Пётр I отправился в Астрахань. Так начался сухопутный и морской поход Петра, занявший полтора года (1722—1723 гг.).

18 июля 1722 г. флот Петра I под командованием генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина вышел из Астрахани в Каспийское море. За три дня до похода император обнародовал манифест, составленный на языках местных народов, который был послан в Тарки, Дербент, Шемаху и Баку. В манифесте указывалось, что подданные шаха — Дауд-бек и Сурхай-хан — восстали, взяли Шемаху и совершили грабительское нападение на русских купцов, причинив России большие материальные убытки и ущемив ее достоинство как великой державы. Ввиду этого, «принуждены мы, — заявил Пётр I, — против предреченных бунтовщиков и всезлых разбойников войска привести» ⁷. Прочему населению гарантировалась безопасность.

После двухдневного плавания Пётр I с флотилией прибыл к устью Терека. 27 июля 1722 г. флот достиг Аграханского полуострова и приступил к устройству укрепленного лагеря. Одновременно сюда двигались сухопутные войска из астраханских степей. Переправившись через р. Сулак, Пётр I вступил в Дагестан.

Некоторые дагестанские владетели оказали сопротивление царским войскам. Так, например, поступил эндириевский владетель. Полковник Наумов овладел аулом Эндири и уничтожил его, превратив в пепел. Костековский, аксаевский владетели и тарковский шамхал выразили свою верность России. Шамхал Адиль-Гирей поспешил заверить Россию в своей благожелательности. 6 августа 1722 г. недалеко от Аксая Петра I встречали с подарками. Тарковский шамхал передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 на пищу войскам, трех персидских коней и седло, украшенное золотом ⁸. Шамхал Адиль-Гирей объявил, что до сих пор служил русскому государю верно, а теперь будет «особенно верно служить» и предложил Петру I в помощь свои войска ⁹.

12 августа передовые части русского войска достигли г. Тарки, где местный шамхал встретил Петра I хлебом-солью. Верст за пять до города был раскинут лагерь, обнесенный с трех сторон земляным валом. Он расположился на том месте, где сейчас находится г. Махачкала. В народе это место до сих пор принято именовать Петровской горкой.

13 августа Пётр I со своей свитой посетил шамхала в Тарках. В сопровождении трех драгунских рот император ездил на прогулку в горы, осматривал старинную башню и другие достопримечательности. Услуги, оказанные шамхалом, и его верная служба были отмечены.

ны Петром. При шамхале был назначен русский почетный караул из унтер-офицеров, барабанщика и 12 рядовых.

В это время грузинские и армянские правители, осведомленные о прибытии Петра I в Дагестан, готовились к встрече. Грузинский царь Вахтанг с 40-тысячным войском направился в Гянджу и стал ожидать прихода русских войск в Ширван, где должны были встретиться обе армии для совместной борьбы против ирано-турецких сил.

16 августа армия Петра I выступила из Тарков в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным опорным пунктом кампании 1722 года. Затем русская армия, возглавляемая самим Петром I, вступила на землю султана Махмуда утамышского. Посланные на разведку казаки были атакованы отрядом султана. Аул Утамыш, состоявший из 500 домов, был сожжен, 26 пленных казнены. Легко разгромив отряд султана, Пётр I продолжал путь на юг.

Уцмий кайтагский Ахмед-хан и правитель буйнакский обратились к Петру I с изъявлениями покорности. Пройдя через владения уцмий кайтагского, 23 августа к Дербенту подошли сухопутные войска Петра I. Дербентский наиб Имам-Кулибек встретил императора за версту от крепости. «Дербент, — сказал он в приветственной речи, — получил основание от Александра Македонского, а поэтому нет ничего приличнее и справедливее, как город основанный великим монархом, передать во власть другому монарху, не менее его великому»¹⁰. Затем один из старейших почетных жителей поднес Петру I ключи от города на серебряном блюде, покрытом богатой персидской парчой. Дербентский наиб подарил русскому царю драгоценный манускрипт «Дербент-намэ» (рукопись XVII в.), представлявший собой важный источник по истории Дербента, Дагестана и некоторых других регионов Кавказа. Русская армия без боя вошла в Дербент. Население города восторженно встретило Петра I. 30 августа Пётр достиг реки Рубас, где заложил крепость на 600 чел. гарнизона. Это был пункт, до которого он лично довел свои войска.

Спустя несколько дней, все окрестности Дербента признали власть Петра I, который сообщил Сенату, что в «сих краях твердою ногою стали».

В Дербенте Пётр I осмотрел главную крепостную стену Даг-Бари, город и его окрестности, посетил цитадель и дворец султана. Приняв меры к благоустройству города и усилению торговых связей с Россией, Пётр назначил комендантом крепости полковника Юнкера. В ознаменование торжественной встречи городские пушки салютовали русским войскам тремя залпами.

В письме, отправленном Сенату, Пётр I с восторгом отмечал радужный прием, оказанный ему в городе. «Наиб сего города, — писал он, — встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сие люди нелицемерно любовьию приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»¹¹.

За мирную сдачу города и объявление покорности Пётр I пожаловал дербентскому наibu Имам-Кулибеку чин генерал-майора и установил денежное довольствие за счет казны.

В Дербент к Петру I стали обращаться феодальные владельцы Дагестана и других регионов Кавказа. Табасаранский правитель Рустем-

кади попросил прислать войска для занятия и укрепления Хучни ¹². Пётр I обещал восстановить разрушенную резиденцию, снабдить его оружием и амуницией против изменников и прислать инженера «для лутчего того строения города».

К Петру I в Дербент явились также представители различных слоев населения Баку, Шемахи, Сальяна, Решта, Тифлиса, Еревана с просьбой о принятии в подданство России. Царь Картли Вахтанг VI отправился в Гянджу. В письме Петру I он сообщал, что прибыл туда для соединения своих отрядов с азербайджанскими и армянскими войсками. Гянджинское и карабахское ополчения, состоявшие из азербайджанцев и армян, вместе с грузинами готовились двинуться навстречу русским войскам, чтобы сообща выступить против турецких и иранских завоевателей.

Однако Петру I в том же году по ряду причин пришлось временно прервать свой поход: русская армия, сосредоточенная в Прикаспии, испытывала большие затруднения в снабжении продовольствием и фуражом. Кроме того, во время похода на юг возникла угроза возобновления войны со Швецией, что не могло не беспокоить русское правительство. 29 августа 1722 г. Пётр I созвал в Дербенте военный совет, на котором было решено приостановить поход, и отдал приказ о возвращении части армии в Россию, оставив в покоренных областях гарнизоны. 7 сентября Пётр I выступил в направлении Астрахани. По его указанию был сохранен гарнизон в Тарках, на реке Сулак заложена крепость Святой Крест, комендантом которой был назначен подполковник Соймонов.

В результате Каспийского похода 1722 г. к России были присоединены: Аграханский полуостров, развилка рек Сулак и Аграхань (крепость Святой Крест) и весь приморский Дагестан, включая Дербент.

Россия не отказалась от своих планов и в отношении Грузии, Азербайджана и Армении. Это наглядно видно из письма, в котором Пётр I заверял сторонников русской ориентации в Закавказье, что «зачав сия дело, покинуть не изволит». Отвечая на просьбы Вахтанга VI о помощи, Пётр I писал: «Когда Баки взят будет и мы на Каспийском море укрепимся, то ему тогда в помощь войска наши, сколько потребно будет, прислать не оставим... Наш первый интерес, дабы основаться на Каспийском море, без чего ничего делать нельзя» ¹³.

Успехи России вызвали сильное беспокойство в Турции. Чтобы восстановить горцев против России, она пустила в ход самые разнообразные средства: подкуп, запугивание и прежде всего мусульманскую религию, стремясь вбить клин между мусульманами и христианами Кавказа.

Воспользовавшись уходом основной части русской армии, зимой 1722—1723 гг. крымский хан и турецкий султан пытались поднять мятеж в Тарках и Дербенте. Шамхалу и дербентскому наибу были присланы письма, в которых сообщалось, что султан якобы отправил на помощь Дауд-беку войско с артиллерией, и предлагалось подчиниться Турции.

После ухода Петра I Порты открыто заявила о своем намерении установить протекторат над Дагестаном. Султанские войска, продвигаясь к Каспийскому морю, вплотную подошли к границам Дагеста-

на. Крымские ханы и турецкие султаны стали открыто претендовать на Ширван, Дагестан и Кабарду. Пётр I в своем предписании резиденту И.И. Неплюеву дал Турции ясно понять, что интересы России «отнюдь не допускают, чтобы какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась».

В связи с усилившейся реальной угрозой захвата Турцией западного побережья Каспия, Пётр I предпринял дипломатические шаги и наметил кампанию на 1723 г. и план на последующие годы. В частности, были предприняты меры к усилению Каспийской флотилии и Астрахани — военно-морской базы на Каспийском море. В Дагестане наиболее важным мероприятием, направленным на удержание завоеванных позиций, явилось укрепление крепости Святой Крест и Дербента. В Дербент были направлены два батальона пехоты и 20 чугунных пушек. Важное значение имело овладение городом Баку и усиление Бакинской крепости. Благодаря предпринятым Петром I мерам вслед за городом Баку в 1723 г. были взяты Гилян и Мазендеран.

Упрочение положения России на Кавказе шло вразрез с интересами и расчетами Англии и Франции, которые стремились склонить Турцию к войне против России. Англия, заинтересованная в усилении своих позиций на Востоке, сама хотела превратить Кавказ в собственную колонию. Английский посол в Турции заявлял, что, если Россия усилится, «то будет дурно и Англии и Порте». Он старался внушить султану, что «война с Россией не опасна» и что Турция оружием должна остановить успех русских на Востоке.

Весной на Кавказ вторглись турецкие войска и постепенно стали продвигаться к пределам Дагестана. «Так как водворение русских в тех краях, — признает историограф и министр турецкого двора Джемдет-паша, — противно было интересам высокого правительства», то весной 1723 г. оно поспешило «завладеть столицей Гюрджистана — Тифлисом, посадило от себя правителя в Шемаху»¹⁴.

Вторжение турецких войск на Кавказ встретило упорное сопротивление грузинского, азербайджанского, армянского и дагестанских народов. Эта борьба поддерживалась Россией, ее армией, части которой находились в различных районах Кавказа.

Нашествие турецких войск крайне обострило русско-турецкие отношения. Турки, угрожая войной, требовали от России отказа от всех владений на Кавказе. В сентябре 1723 г., по предложению шахского Ирана, напуганного вторжением турецких войск на Кавказ, между Россией и Персией был подписан Петербургский договор, по которому шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Во владение России перешли Дагестанское побережье Каспия и Баку. Таким образом, Каспийский поход Петра I завершился обретением Россией прикаспийских областей, в том числе и Дагестана.

Это привело к резкому обострению отношений между Россией и Турцией. Англия всячески старалась спровоцировать русско-турецкую войну, чтобы, воспользовавшись ослаблением обоих государств, укрепить свои позиции на Востоке. Россия, только что закончившая войну со Швецией, не могла вступить в новое противостояние. Русское правительство сочло нужным заключить с Турцией мир. Но это-

му препятствовали Англия и Франция, оказывавшие давление на султана, и мирные переговоры затянулись. В июле 1724 г. в Стамбуле (Константинополе) был подписан мирный договор, по которому за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузия и Армения отошли к Турции.

Народы Южного Дагестана, азербайджанцы, грузины и армяне, подпавшие под власть Порты, оказались в очень тяжелом положении. Беззаконие и гнет иноземных захватчиков вызывали законное возмущение народов. Однако Турция сумела восстановить против пребывания русских войск в Дагестане даже кумыкского шамхала Адиль-Гирея, который во время похода Петра I проявил свою преданность России, оказав ей большие услуги. Турки толкали шамхала на вступление и не скупилась на обещания, и в 1725 г. Адиль-Гирей напал на русскую крепость Святой Крест. Несмотря на это, покидая пределы Дагестана, Пётр I предписывает генералу Матюшкину: «Ежели кто из горских владельцев будет искать нашей протекции, оных принимать». В 1725 г. приняли российское подданство и дали аманатов (заложников) в Дербенте кайтагский уцмий Ахмед-хан с сыном и Кубачинское общество. В 1727 г. аварский правитель Ума-хан явился в русский лагерь при крепости Святой Крест и принял присягу о вступлении в российское подданство¹⁵. Так же поступил и табасаранский майсум Магомед, которому ежегодно посылались из России подарки¹⁶, а в 1731 г. — андийцы. Таким образом процесс присоединения дагестанских народов к Российской империи шел не только насильственным путем; многие народы делали это добровольно и не считали себя покоренными.

Присоединение прикаспийских областей к Российской империи имело большое значение для укрепления ее внешнеполитического положения и экономической мощи. Строительство в 1722—1723 гг. крепости Святой Крест, прикрывавшей подступы к Астрахани, установление протектората над Кабардой, занятие и укрепление Дербента, Баку и Решта представляли собой важные вехи в упрочении русского влияния на Кавказе и в бассейне Каспийского моря. Это дало возможность России надежно контролировать Дербентский проход и важные гавани, усилить свое воздействие на Дагестан и Кабарду, преградить крымским татарам путь в Прикаспий, противостоять им в городах, расположенных на морском побережье.

Еще до начала похода Пётр I неоднократно обращал внимание астраханского губернатора на необходимость изучения природных богатств Восточного Кавказа. В результате были получены сведения о том, что в Дагестане имеется руда. В 1720 г. тарковский шамхал известил Петра I о том, «что есть у них металл свинцовый», и просил прислать «рудознатца» для освидетельствования найденного металла. В августе 1722 г., когда русская армия стояла у Тарков, императорский секретарь Макаров писал астраханскому управителю Кикину о немедленной посылке к армии рудокопного мастера. Среди полезных ископаемых края одно из важных мест занимала нефть. У Петра I имелись сведения о наличии нефти на р. Терек, во владениях утамышского султана, в Дербентском уезде. Будучи в Дагестане,

Пётр I осмотрел два нефтяных колодца во владениях кайтагского уцмия. Возрос интерес России и к использованию дагестанской шерсти. Путешественник Бель, находившийся при Петре I в походе, записал в дневнике следующее: «... на дагестанских овцах шерсть столь хороша, что такие нигде не видывал». Узнав из донесения А. Лопухина о том, что кубачинцы имеют «немалое довольство шерсти», Пётр I приказал Волынскому «трудитца, чтобы достать несколько овец на Кубеши». Русский император стремился увеличить в Дагестане производство шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены. Особое внимание Пётр I обратил на развитие виноградарства, садоводства, овцеводства. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами е.и.в. (его императорского величества. — М.Г.)». В садах росли яблони, гранаты, груши, сливы, тутовые деревья, виноград. Здесь же возделывали шафран, который ценился как пряность и как красящее вещество. Для развития виноградарства и виноделия в Дербенте специально был выписан из Венгрии винодел — Туркула и создан «винный завод».

Суда с товарами русских купцов ходили из Астрахани в Тарки, Дербент, Низовую и Гилян, откуда возвращались с местными купцами и товарами. Указом Сената в 1725 г. был разрешен бесплатный провоз и свободная торговля вином, табаком и всякими хлебными и мясными припасами.

В результате оживленной торговли между Россией и Дагестаном возникли торговые лавки русских купцов в Дербенте, Аксае, Эндери, Тарках. Местные купцы получили большие льготы для свободной торговли в пределах русских областей. Все это, в свою очередь, способствовало расширению контактов народов Дагестана с русским народом.

Присоединение приморской территории Дагестана к России способствовало и развитию культуры дагестанских народов. Со времени похода Петра I было начато всестороннее обследование края. Участники Каспийского похода оставили важные заметки, материалы, относящиеся к Дагестану. Ф.И. Соймонов составил книгу «Описание Каспийского моря». Д. Кантемир дал описание Дербента. И. Гербер оставил ценные сведения о дагестанских народах.

Таким образом, присоединение части территории Дагестана к Российской империи объективно открыло перспективы для последующего социально-экономического развития Прикаспия; способствовало укреплению военно-политических отношений России с остальными народами Кавказа и усилению их прорусской ориентации. Была обеспечена безопасность юго-восточных окраин России и открывалась перспектива экономического и культурного развития Дагестана.

Каспийский поход Петра I — один из важных этапов в истории русско-дагестанских взаимоотношений, приведших к Гюлистанскому договору 1813 г., согласно которому Дагестан был присоединен к России.

Примечания

1. ЛЫСЦОВ В.П. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М. 1951.
2. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965.
3. МАГОМЕДОВ Р.М. Россия и Дагестан. М. 1965.
4. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17—18. М. 1963, гл. 1, с. 372.
5. ГАДЖИЕВ В.Г. Ук. соч., с. 104.
6. Русский вестник. 1867, т. 68, с. 557.
7. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала. 1958, с. 244.
8. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. 1722—1803 гг. Ч. I. СПб. 1869, с. 23.
9. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 367.
10. Там же, с. 369.
11. ГОЛИКОВ И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. IX. М. 1938, с. 172.
12. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. ..., с. 253—254.
13. История Азербайджана. Т. 1. Баку. 1958, с. 172.
14. ДЖЕВДЕТ-ПАША. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 до 1202 гг. хиджры. — Русский архив. Т. I. 1888, с. 372.
15. БУТКОВ П.Г. Ук. соч., с. 83.
16. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М. 1958, с. 102.

Неизвестные страницы истории Бакинского государственного университета

Э.М. Аббасов

Аннотация. Работа посвящена драматическим событиям, произошедшим в начале 1938 г. в Азербайджанском государственном университете (АГУ), которые едва не вызвали новую волну репрессий в основном учебном заведении республики. Противостояние между ректором и партийной организацией АГУ, которая всецело состояла из преподавателей и студентов старших курсов Исторического факультета, вышло за рамки учебного заведения и стало предметом разбирательства в ЦК КП(б) Азербайджана с участием ее первого секретаря М.Дж. Багирова.

Ключевые слова: Азербайджанский государственный университет, «дело АГУ», сталинские репрессии, «большой террор», М. Касумов, Дж. Алескеров, М.Дж. Багиров.

Abstrac. This work examines the dramatic events that broke out at the beginning of 1938 in the Azerbaijan State University (ASU), which almost caused a new wave of repression in the main educational institution of the Republic. The conflict and confrontation between the rector and the party organization of ASU, which consisted entirely of teachers and senior students of the faculty of History, finally went beyond the educational establishment and became the subject of proceedings in the Central Committee of the CP (b) of Azerbaijan with the participation of its first Secretary M.J. Bagirov.

Key words: Azerbaijan State University, “The case of ASU”, Stalinist repression, the “Great Terror”, M. Kasumov, J. Aleskerov, M.J. Bagirov.

Первой крупной атакой советских карательных органов на представителей интеллигенции, сформировавшейся еще в Российской империи, стали «Шахтинское дело»¹ 1928 г. и «Дело Промпартии»² 1930 года. Вслед за ними начались громкие процессы — «Дело Трудовой крестьянской партии», «Академическое дело»³ (1929—1931 гг.), «Пулковское дело» (1936—1937 г.) и «Дело Национального центра в Академии наук СССР» (1938 г.), жертвами которых стали крупные ученые-академики. По «Делу Трудовой крестьянской партии» проходили известные экономисты Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Л.Н. Литошенко, генетик Н.И. Вавилов; по «Академическому делу» — более ста исто-

Аббасов Эльдар Мазахир оглы — кандидат исторических наук, заведующий сектором НИИ Истории, экономики и права. E-mail: eldar.abbasov@mail.ru.

Abbasov Eldar M. — candidate of historical sciences, head of the sector of the Research Institute of History, Economics and Law. E-mail: eldar.abbasov@mail.ru.

риков, среди которых 5 академиков АН СССР — С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачёв, М.К. Любавский, М.М. Богословский — обвинялись в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», направленной на свержение советской власти и восстановление монархии путем иностранной военной интервенции и вооруженного восстания. В рамках «Пулковского дела» были привлечены к уголовной ответственности более ста человек, в том числе советский физик, профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР В.А. Фок, профессор ЛГУ, физик и геофизик В.К. Фредерикс, директор Пулковской обсерватории Б.П. Герасимович и другие известные ученые, в том числе около 30 астрономов, что составляло примерно 10—20% общего числа активно работавших в то время в СССР специалистов этого направления.

По «Делу Национального центра в Академии наук СССР» были арестованы и репрессированы бывший личный секретарь В.И. Ленина и Управляющий Делами СНК СССР Н.П. Горбунов, член-корреспондент АН СССР Н.М. Федоровский, старший научный сотрудник отделения химических наук АН СССР П.И. Дубов и профессор П.А. Чекин, которые обвинялись в том, что являлись членами террористической национал-фашистской организации под названием «Национальный центр», существовавшей в Академии Наук СССР ⁴.

Репрессивная политика проводилась и на местах, в том числе в Азербайджане. 3 июля 1937 г., в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. ⁵, всем партийным организациям страны была отправлена Директива № 863, которая дала старт «большому террору» в Советском Союзе. В ней говорилось:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке» ⁶.

В отличие от ответов всех партийных организаций, в которых содержалась краткая информация о составе троек, а также о взятых на учет кулаках и уголовниках, в шифровке первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана М.Дж. Багирова помимо требуемой информации содержалась просьба разрешить дополнительно пропустить через тройки еще четыре категории антисоветских элементов. Видимо, стремясь, в соответствии с любимой поговоркой Отто фон Бисмарка, «быть большим католиком, чем Папа римский», Багиров решил выделиться

в «социалистическом соревновании» по изъятию неудобных советской власти элементов в Азербайджане. В своей шифровке на имя И.В. Сталина, датированной 9 июля 1937 г., он писал: «Прошу санкционировать изъятие 4-х тысяч человек; кулаков 1800 и уголовников 2200, из них первой категории кулаков 500 и уголовных 500, всего первой категории тысяча человек. Учитывая наличие контрреволюционных повстанческих организаций в 16 районах и оживление 7 действующих бандгрупп, прошу дополнительно санкционировать пропуск через тройку дел по следующим контингентам:

1) участников ликвидируемых и ныне действующих повстанческих и диверсионных групп в количестве 600 чел.;

2) мусаватистов, иттихадистов, дашнаков и духовенства, вернувшихся из лагерей после отбытия наказания и снова проявляющих антисоветскую активность, 250 чел.;

3) беков, бывших помещиков и кулаков антисоветски настроенных, ранее не репрессированных, 250 чел.;

4) бандпособников 150 человек.

Всего дополнительно 1250 чел., из них первой категории 500, второй категории 750. Итого прошу санкционировать 5250 чел., из них первой категории 1500.

Для успешной ликвидации действующих внутренних и закордонных бандгрупп прошу разрешить выселение в лагеря НКВД 150 семейств этих бандгрупп вне зависимости от наличия в семьях трудоспособных мужчин, но при наличии трудоспособных женщин.

В состав тройки прошу утвердить следующих товарищей: Сумбатов, Теймуркулиев, Джангирахундзаде» ⁷.

После одобрительной резолюции на шифровке Багирова, поставленной Сталиным и другими руководителями страны, 10 июля 1937 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было поддержано предложение по расширению категорий антисоветских элементов, подлежащих изъятию в Азербайджане ⁸. Данное решение развязало руки Багирову и дало возможность расправиться не только со своими политическими врагами, но и с представителями творческой интеллигенции и учеными, большинство из которых рассматривалось руководством республики как потенциальные враги советской власти. Среди многочисленных репрессированных профессоров и преподавателей республики значатся имена таких крупных ученых, как выдающийся профессор-тюрколог Б.В. Чобанзаде; профессор, историк-востоковед Г.С. Губайдуллин; красный профессор, декан Исторического факультета АГУ Б.Н. Тихомиров; директор фундаментальной библиотеки Азербайджанского государственного университета А.С. Мамедов; профессор Исторического факультета АГУ А.С. Букшпан; историк Гусейнали Билендерли; выдающийся литературовед-фольклорист Ханафи Зейналлы; видный языковед и тюрколог Х.С. Ходжаев; профессор-востоковед, зам. директора Института археологии и этнографии Азербайджанского филиала АН СССР В.М.Г. Хулуфлу; исполнявшие обязанности ректора АГУ с 1926 по 1937 г. известные ученые Ш.С. Таги, М.М. Мамедов, М.К.А. Алекперли, Б.Д. Гасанбеков и другие ⁹. Репрессивная машина нанесла серьезнейший удар по научному и интеллектуальному потенциалу Азербайджана. Во всех республиканских вузах ощущалась нехватка не только профессоров и доцентов,

но и рядовых преподавателей. Около ста сотрудников из профессорско-преподавательского состава АГУ были репрессированы. В конце 1937 г. по 24 дисциплинам преподавателей в университете не было. В начале 1938 г. в нем насчитывалось всего 7 профессоров и 10 доцентов¹⁰.

На XIV съезде КП(б) Азербайджана, состоявшемся в июле 1938 г., Багиров был вынужден признать: «Существенным недочетом наших вузов являлось и является недостаточная обеспеченность кафедр высококвалифицированными профессорами и доцентами»¹¹. Однако он объяснил этот факт не репрессиями, а вредительством, которое якобы «велось по линии умышленной задержки продвижения растущих кадров»¹².

В начале 1938 г. в Азербайджанском государственном университете разразились драматические события, которые едва не вызвали новую волну репрессий в основном учебном заведении республики. Эти события вошли в историю Азербайджана под названием «Дело АГУ».

До распада СССР все документы и материалы, связанные с этими событиями, хранились в Партийном архиве Азербайджанского филиала при ЦК КП Азербайджана (ныне — Архив политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики — АПД УДП АР) под грифом «Совершенно секретно». Лишь после распада Советской Союза и рассекречивания многочисленных документов исследователи получили доступ к материалам, позволившим пролить свет на неизвестные страницы истории республики. Никого из участников этого дела больше нет в живых. Однако архивы дают возможность, восстановив события восьмидесятилетней давности, восполнить пробел в одной из драматичных страниц истории Бакинского государственного университета.

В январе 1937 г. после ареста ректора АГУ, экономиста Гасанбекова исполняющим обязанности ректора был назначен А.М. Алиев, а в октябре 1937 г., по представлению ЦК КП(б) Азербайджана, новым ректором АГУ стал тридцатилетний ученый Джабраил Агали оглы Алескеров. Он окончил сначала промышленный техникум, а затем Азербайджанский политехнический институт (ныне — Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности). Прошел путь от преподавателя до директора нефтяного техникума. Перед назначенным ректором АГУ стояли трудные задачи — пополнить ряды профессорско-преподавательского состава университета, усилить научно-учебную работу, повысить успеваемость, завершить строительство общежития для студентов, предоставить приглашенным из других регионов страны преподавателям жилье и т.п. Для успешного решения всех этих вопросов ректору необходимо было заручиться поддержкой многонационального коллектива, авторитетных ученых и партийной организации, руководство которой состояло из преподавателей и студентов-старшекурсников Исторического факультета.

Партком АГУ возглавлял студент 4-ого курса Истфака Михаил Тимофеевич Новихин. Он родился в России в 1904 году. В 1922 г. переехал в Азербайджан. Окончил профшколу и работал в НКВД Азербайджанской ССР. В 1935 г. поступил на Исторический факультет АГУ. По его собственному признанию, кроме него на всех коммунистов в университете поступили «клеветнические заявления», и поэто-

му после чистки 1937 г. он, как единственный «чистый» коммунист, был избран секретарем парткома АГУ¹³, состоявшего из трех преподавателей и двух студентов старше курса Исторического факультета.

Идеологическим и духовным вождем парткома АГУ считался молодой, талантливый и амбициозный философ, выпускник МИФЛИ¹⁴, заведующий кафедрой Исторического факультета Мехбалы Мамед оглы Касумов, 1906 г. рождения. В академической характеристике, выданной ему директором МИФЛИ А.С. Карповой, говорилось, что М. Касумов «до поступления в Институт работал на партийной работе секретарем и партследователем, окончил два курса сельскохозяйственного техникума в г. Нахичевани... В 1932 г. поступил вначале в КУПОН¹⁵, а потом в связи с слиянием учился на философском факультете МИФЛИ. Будучи студентом тов. Касумов по заданиям парторганизации выполнял поручения РК ВКП(б) г. Москвы, был внештатным партследователем, пропагандистом по ленинизму, диамату, а также методистом на предприятиях г. Москвы»¹⁶. Касумов пользовался большим авторитетом как среди студентов, так и среди профессорско-преподавательского состава университета. Он также преподавал в Промакадемии республики. В начале 1938 г. Алескеров предложил ЦК КП(б) Азербайджана кандидатуру Касумова на должность декана Исторического факультета. Кандидатура была одобрена и на заседании Бюро ЦК и БК КП(б) Азербайджана, состоявшемся 3 марта 1938 г., включена в руководящий состав АГУ¹⁷.

Однако Касумов не питал особой симпатии к Алескерову, считая его малограмотным, ограниченным человеком. Подходящим моментом для публичного высказывания своего недовольства в адрес нового ректора АГУ стала публикация в республиканской прессе информации о выдвижении его кандидатом в депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР на предстоящих выборах¹⁸. Касумов и члены парткома встретили эту новость в штыки. Было принято решение публично выразить свой протест. 28 мая 1938 г. Касумов и В. Будагян направили в редакцию газеты «Бакинский рабочий» письмо, в котором в частности говорилось: «... прочитав сегодня на страницах вашей газеты о выдвижении ректора Азгосуниверситета Алескерова Дж. депутатом в Верховный Совет Аз.ССР, считаем своим долгом обратить Ваше внимание на...» то, что он «... являясь ректором университета, не оправдал себя на практической работе и поэтому не заслуживает высокого звания депутата в Верховный Совет». Подписанты обосновали это тем, что «он не сумел ликвидировать последствий вредительства в университете, до сих пор не обеспечив некоторые дисциплины профессорско-преподавательским составом, в то время как из других городов Союза поступали предложения на замещение этих должностей». Вместе с тем, они отмечали, что «ранее приглашенные научные работники (Г. Мустафаев, С. Джафаров, Чатинян и др.) остаются без квартир. Алескеров отказал им даже в предоставлении места в общежитии. Джафаров живет в лаборатории АГУ, Мустафаев и Чатинян в общежитии гостиницы “Новый Восток“, где ютятся 8 человек в одной комнате»¹⁹.

В своем письме Касумов и Будагян указывали на то, что «Алескеров взял курс на терроризирование научных работников и особенно их коммунистических слоев: по одному приказу объявлен выго-

вор пяти коммунистам», обвиняли его в том, что он «вопросами набора в университете совершенно не занимается», «срывается прием в аспирантуру», «штат научных работников в АГУ составлен совершенно неудовлетворительно» и т.д. Кроме того, «Алескеров... не пользуется авторитетом, а сообщение “Бак. рабочего” о выдвижении его депутатом в Верховный Совет вызвало смех у студентов»²⁰.

Одним из обвинений, выдвинутых в адрес ректора, было то, что «кроме подхалимов Алескеров никого не уважает, а подхалимы у него пользуются большим доверием и им он создает особое условия»²¹. Кроме того, он «оторван от парторганизации и не желает считаться с парткомом... Алескеров ни разу не присутствовал на общеуниверситетских собраниях, и о его оторванности от студенческой массы неоднократно писалось в стенгазетах АГУ». Далее в письме отмечалось: «... исходя из совокупности указанных моментов, мы считаем, что Алескеров не только не соответствует званию депутат в Верховный Совет, но не соответствует и своему назначению ректора университета»²².

Руководство комсомольской организации АГУ тоже не было удовлетворено работой ректора. Свое недовольство оно выразило в докладной записке на имя заведующего Студенческим отделом БК ЛКСМ Азербайджана Т. Аллахвердиева, подписанной секретарем комитета КСМ АГУ Л. Мелик-Осиповым и членом комитета КСМ АГУ, студентом Исторического факультета С. Кричевским. В ней говорилось, что «новое руководство в лице ректора Алескерова не справилось с поставленной перед ним задачей. Состояние университета крайне плачевно». Отсутствие общежития для студентов, нехватка учебных помещений, недостаток жилья для приглашенных преподавателей, острая нехватка квалифицированных преподавателей на всех факультетах, неудовлетворительная работа учебной части, аспирантуры и т.п. — считались основными проблемами университета, которые не были решены новым ректором. В письме отмечалось, что «Алескеров груб и не пользуется авторитетом среди студентов и работников АГУ. Не имея никакого влияния, Алескеров стилем своей работы сделал наложение взысканий... Исходя из всего вышеизложенного необходимо:

1. Создать специальную комиссию для тщательного обследования состояния Азгосуниверситета.

2. Сменить руководство университета в первую голову ректора и проректора по учебной части.

3. Наиболее подходящие кандидатуры из работников АГУ: на пост ректора — нынешний декан Исторического факультета Мехбалы Касумов, на пост проректора по учебной части ученый секретарь АГУ — Кулиев.

4. В кратчайший срок надо закончить строительство общежития.

5. АГУ необходимо передать помещение индустриального техникума, что создаст возможность для нормальной и плодотворной работы университета»²³.

Ворошиловский РК КП(б) Азербайджана, на территории которого находился АГУ, был проинформирован о происшедших в университете событиях. 10 июня состоялось заседание партийной организации Азгосуниверситета, на котором кроме членов парткома присутствовали ответственные работники Ворошиловского РК КП(б) Азербайджана. С докладом «О состоянии работы АГУ и перспективах

на 1938/39 учебный год» выступил ректор Алескеров. Касаясь организации учебного процесса на отдельных факультетах, он обрушился с критикой в адрес декана Исторического факультета и обвинил его в провале работы на возглавляемом им факультете. По окончании выступления ректора слово взял Касумов. Отметая обвинения в свой адрес, прозвучавшие в докладе, он в свою очередь обвинил Алескерова в оторванности от партийной организации и в категоричной форме заявил, что «его кандидатуре нужно дать отвод, так как он недостойн носить высокое и почетное звание депутата Верховного Совета Аз.ССР»²⁴, назвал ректора «мальчишкой» и заявил о своем нежелании продолжать работать с ним.

По предложению секретаря парткома университета М.Т. Новихина, вопрос об отводе кандидатуры ректора АГУ Алескерова в депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР был включен в повестку дня, и по данному вопросу начались прения. Студенты Истфака и члены парткома А. Арустамов и Мовсесян, секретарь парткома АГУ Новихин высказались против ректора. Ответственные работники Ворошиловского РК КП(б) Азербайджана Селинова и Оганов предложили его поддержать. Однако заседание постановило: «Довести до сведения ЦК КП(б) Азербайджана о том, что партком считает не достойным выдвижение кандидатуры Алескерова в депутаты Верховного Совета Аз.ССР, как не оправдавшего себя на практической работе в АГУ в течении 8-ми месяцев. У тов. Алескерова есть оторванность от массы и от партийной организации, что не дает возможность считать достойным высокого звания депутата в Верховный Совет Аз.ССР»²⁵.

16 июня Касумов отправил письмо секретарю Ворошиловского РК КП(б) Азербайджана Блохину, а копию — секретарю парткома АГУ Новихину. Он отмечал: «... ввиду создавшейся отвратительной обстановки в АГУ не могу и не желаю работать, а посему прошу вашего ходатайства перед ЦК КП(б) Азербайджана об освобождении меня от обязанности декана Исторического факультета АГУ»²⁶. В своем письме он обвинял Алескерова в непонимании «большевистской критики», которая прозвучала в его адрес на собрании парткома университета. По словам Касумова, ректор встал на путь клеветы в его адрес.

Ворошиловский РК партии поручил парткому АГУ созвать заседание и разобраться в данном вопросе. 27 июня состоялось очередное заседание парткома АГУ, на котором обсуждалось заявление Касумова о ходатайстве перед ЦК КП(б) Азербайджана об освобождении его от занимаемой должности декана Истфака. В принятом постановлении парткома говорилось: «... считать неправильным и клеветническим» заявление ректора Алескерова «о провале работы на Истфаке с приходом Касумова», с которым он выступил на заседании парткома 10 июня, и «отклонить просьбу тов. Касумова М.М. о ходатайстве перед ЦК КП(б) Азербайджана об освобождении его с работы, предложить тов. Касумову быстрее изживать все имеющиеся на факультете недостатки с тем, чтобы встретить новый учебный год с полной готовностью»²⁷.

Летом 1938 г. Касумов вместе с группой преподавателей университета был приглашен прочесть курс лекций по диалектическому ма-

териализму и ленинизму и принять зачет у студентов-азербайджанцев заочного отделения Азербайджанского педагогического института в Дилижане Армянской ССР. В общении с преподавателями и участниками летней сессии Касумов рассказывал о своем конфликте с ректором университета и отзывался о нем отрицательно. Обо всем этом подробно рассказывалось в докладной записке, направленной в Отдел школ и науки ЦК КП(б) Азербайджана участниками сессии — преподавателями Ф. Надировым и Мамедовым.

Они отмечали, что в их присутствии Касумов «прорабатывал ректора Азгосуниверситета тов. Алескерова, говоря, что он якобы мальчишка, неграмотный и ему не место быть ректором АГУ... Он будто не имеет авторитета среди студенчества и академперсонала. Он лично против его депутатского звания»²⁸. Вместе с тем они информировали ЦК о том, что Касумов обещал «... директору курсов Шукрюзаде и Буниятзаде (ответственный работник Наркомпроса Армянской ССР. — Э.А.) вести их в Баку в аспирантуру и во что бы то ни стало устроить преподавателем в АГУ...»²⁹ По мнению подписантов, Касумов приглашал Шукрюзаде и Буниятзаде в АГУ для того, чтобы «создать группу недовольных и вести склоку». В связи с этим Надиров и Мамедов в конце докладной записки предлагали ЦК «как следует изучить их и не дать возможности вести склоку в АГУ»³⁰.

Алескеров был информирован о высказываниях Касумова, о его поведении в Дилижане и, конечно, о его планах пригласить Шукрюзаде и Буниятзаде из Армении в Баку. С началом нового учебного 1938/39 г. Касумов ходатайствовал перед ректором АГУ о зачислении Буниятзаде на Исторический факультет в качестве преподавателя. Однако Алескеров, несмотря на наличие вакантных мест, отказал ему без дополнительных разъяснений. Тогда декан отправил ректору официальное обращение и в декларативной форме потребовал от него подробностей: «Прошу вашего объяснения о причинах снятия с работы Буниятзаде, рекомендованного мною на работу по Истфаку»³¹. Со стороны Касумова это явилось серьезным нарушением принципа единоначалия, что потом было вменено ему в вину ЦК КП(б) Азербайджана.

Поступление одновременно нескольких жалоб на декана Исторического факультета АГУ в ЦК КП(б) Азербайджана привело в замешательство Отдел школ и науки. 13 сентября была создана особая Комиссия по расследованию беспринципной склоки между руководящими работниками АГУ. 14 сентября Комиссия в полном составе явилась в университет. После беседы с ректором и членами парткома в отдельности было созвано заседание партактива АГУ. Первым выступил проректор Г. Багиров, подробно остановившийся на сложившейся конфликтной ситуации. Он предложил «объявить им выговор и предупредить, если в течение месячного срока они не сумеют показать себя в процессе работы, что сумели наладить свои внутренние взаимоотношения и развернуть работу надлежащим образом, то будет поставлен вопрос об их партийном положении»³². Затем слово получил Касумов, который обвинил ректора в том, что он не создает ему условия для написания нового учебника по диалектическому материализму, не признает партком и называет секретаря парткома Новихина и его самого остатками Гасанбекова (речь шла о репрессиро-

ванном в 1937 г. ректоре АГУ Б.Д. Гасанбекове), и в категорической форме заявил, что он с Алескеровым не сможет и не будет работать³³.

Секретарь комитета Комсомола АГУ Мелик-Осипов возмущался: «Я поражаюсь, что Комиссия занимается узким вопросом — взаимоотношениями Касумова и Алескерова... Это лишь маленькая частица того, что творится в АГУ. АГУ находится в очень и очень тяжелом положении»³⁴. Он отметил, что «за все время существования университет не издал ни одной строчки» и «должной научно-исследовательской работы в университете нет»³⁵. В конце своего выступления секретарь комитета комсомола АГУ предложил принять меры «и в отношении тов. Алескерова и в отношении тов. Касумова»³⁶.

Комиссия работала в университете три дня и по итогам расследования составила обширный отчет на имя первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Багирова и секретаря Т. Якубова. В отчете, в частности, говорилось, что «Касумов Мехбалы подчинив своему влиянию почти всех членов парткома через Исторический факультет, стал всемерно подрывать единоначалие в АГУ, дискредитировать тов. Алескерова, проявлять партизанщину»³⁷.

Комиссия предложила руководству парторганизации Азербайджана:

1. Касумова за беспринципную склоку, дискредитацию и проработку ректора АГУ Алескерова в университете и на летних курсах в Дилижане, нарушение принципов единоначалия вывести из состава парткома, снять с должности декана Исторического факультета и предупредить, что при повторении подобного антипартийного поведения он может поставить себя вне рядов Коммунистической партии большевиков.

2. Алескерова предупредить за недопустимо грубое, невыдержанное поведение, а также попытки игнорировать партком и рекомендовать совместно с парторганизацией избавиться от людей, недостойных быть в университете.

3. Секретаря парторганизации АГУ Новихина снять с партработы, как не сумевшего вскрыть причины и изжить беспринципную склоку в АГУ.

4. Обсудить антипартийное поведение Будагяна на партийной первичной организации АГУ.

5. Для оздоровления работы АГУ иметь освобожденного секретаря парткома, а также секретаря комсомольской организации³⁸.

Партком АГУ был крайне недоволен итогами работы Комиссии ЦК партии в университете, посчитав результаты ее расследования поверхностными и предвзятыми. Касумов был абсолютно уверен в своей правоте и решил обратиться непосредственно к Багирову, чтобы подробно рассказать ему обо всех деталях противостояния между парткомом и ректором университета. 19 октября он направил письмо, в котором сложившуюся обстановку назвал отвратительной и просил принять его для обсуждения данного вопроса: «Дорогой тов. Багиров! Мне надоело работать в такой отвратительной обстановке... Необходимость беседы с Вами вызывается положением университетского руководства. Создалась такая обстановка, в которой совершенно невозможно работать, а эта обстановка не оздоровится без вмешательства ЦК и лично Вашего, тов. Багиров»³⁹.

11 ноября в Отделе школ и науки ЦК КП(б) Азербайджана состоялось совещание с участием членов парткома и комитета комсомола АГУ. С обширным докладом перед собравшимися выступил инструктор Отдела, член Комиссии по обследованию дел в АГУ П.Б. Мосесов, который подробно остановился на всех фактах конфликтной ситуации между ректором и деканом, изложенных в отчете Комиссии от 16 сентября 1938 года. Ярким и предельно откровенным было выступление Касумова. Он констатировал существенное улучшение ситуации на Истфаке после его назначения деканом весной 1938 г.: количество кафедр увеличилось с одной до четырех, а количество профессоров — с одного до пяти, появились три новые дисциплины (история философии, история искусства и история греческой философии) и т.п. После этого он заявил: «Я не могу подчиниться такому глупому руководству»⁴⁰, «в АГУ с Алескеровым работать не буду и буду просить ЦК партии, чтобы меня освободили от занимаемой должности декана Истфака»⁴¹. Выступивший затем ректор АГУ рассказал о нормализации ситуации в основном учебно-научном центре республики после его назначения в конце 1937 г. на эту должность. Касаясь конфликта, он напомнил, что кандидатуру Касумова на должность декана в ЦК партии предложил он сам. «Я считал, когда выдвигал его, что мы сможем вместе работать, наладить дело, так как требует партия и правительство. Но когда я его выдвинул, я допустил большую ошибку»⁴², — признался ректор. Для оздоровления жизни университета совещание приняло решение перевести Касумова на другую работу, освободить секретаря парткома Новихина и назначить нового освобожденного секретаря парткома АГУ.

Сложившаяся обстановка в ведущем учебном заведении республики раздражала руководство Азербайджана. Достаточно констатировать, что с сентября по ноябрь Багиров лично три раза принимал Касумова, рассчитывая ликвидировать конфликт⁴³. Однако дальнейший ход событий показал, что накал страстей не только не уменьшился, а наоборот — конфронтация между ректором и деканом усилилась.

Обсуждение противостояния в университете было вынесено на заседание Бюро БК КП(б) Азербайджана с участием первого секретаря ЦК и БК партии Багирова, состоявшееся 28 ноября 1938 года. С подробным изложением ситуации и с анализом проведенного Комиссией ЦК КП(б) Азербайджана расследования дел в АГУ выступил ее руководитель Мосесов: «Проверка материалов, а потом последующие события в самом АГУ показывают, что дело не во взаимоотношениях этих двух работников, дело глубже, а глубина заключается в том, что под носом у этих товарищей — и Касумова, и Алескерова, и секретаря парткома, и членов партии еще продолжают вести свою подрывную работу в университете остатки врагов народа, а они не замечают»⁴⁴. Поддержанную парткомом позицию декана Мосесов квалифицировал как противопоставление партийной организации университета ЦК партии, а комсомольской — ЦК и БК ЛКСМ республики. «Наше мнение об Алескерове неплохое... Я думаю, что он честен и можно его предупредить, чтобы он исправился. В отношении же честности Новихина, Касумова и других членов комитета и партийной организации приходится сомневаться», — сказал докладчик⁴⁵.

Затем слово взял Касумов, но его выступление было прервано грозной репликой Багирова: «... в последнее время... партийная и комсомольская организация заняты тем, что друг на друга пишат. Сама эта обстановка не есть подрывная работа?... Я имею некоторый опыт в борьбе с врагами, с людьми, отвлекающими нас от дела»⁴⁶. Однако эта реплика не испугала Касумова.

Выступивший Алескеров пояснил: «Когда я был у тов. Багирова, я сказал — я переживаю, я должен с кем-нибудь поделиться... Я выдвинул кандидатуру тов. Касумова Мехбалы в качестве декана Исторического факультета, я считал, что философ, молодой коммунист. Мы должны были рука об руку поднять работу университета»⁴⁷.

Слишком суровым было вступление секретаря ЦК КП (б) Азербайджана Якубова, который выдвинул обвинение в адрес Касумова и Будагына: «Я считаю, что мы имеем дело не с отдельными недостатками, не с отдельными недовольствами членов партии, а мы имеем организованную группу, которая ставит задачей развалить работу вузов и заниматься антипартийными делами»⁴⁸.

В конце заседания Бюро БК КП(б) Азербайджана слово взял Багиров и предложил «отозвать Касумова и Будагына из АГУ и перебросить их на преподавание по специальности в другие учебные заведения, а также категорически, как членам партии, воспретить, чтобы они проходили мимо АГУ, пока мы не разрядим атмосферу»⁴⁹. Вместе с тем он высказал слова поддержки в адрес ректора АГУ: «Я личность Алескерова с политической стороны проверял. Многие могут позавидовать его автобиографии, его политической выдержанности... Его личность не вызывает никаких сомнений в политическом отношении, а в деловом отношении... человек с первых же дней попадает в огонь. Как он может справиться. С первых же дней начинается атака, как человек может проявить себя. Никак не может проявить»⁵⁰.

В принятом постановлении заседания Бюро БК КП(б) Азербайджана ответственность за создавшуюся ситуацию была возложена на партийную организацию университета: «Партком АГУ и, в первую очередь, его секретарь т. Новихин, вместо мобилизации партийной, комсомольской и профсоюзной организации и выкорчевывания остатков враждебных элементов, и укрепления дисциплины, примиренчески отнеслись и не повели борьбу против антипартийной группы во главе с деканом Исторического факультета Касумовым Мехбалы и преподавателем Будагяном В.К., которая систематически дезорганизовывала учебную и воспитательную работу в АГУ, отвлекая внимание партийной организации беспринципной склокой, организованной им в университете»⁵¹. Касумов и Будагян обвинялись в противопоставлении партийной и комсомольской организаций АГУ руководящим партийным и комсомольским органам республики и в протаскивании в своих лекциях антипартийных концепций. Бюро БК партии считало, что за создавшееся положение в АГУ несет полную ответственность и нарком просвещения Азербайджанской ССР М. Мамедов, и начальник Управления вузами Наркомпроса М.Д. Логинов, которые не приняли мер к оздоровлению работы в АГУ. В связи с этим Бюро постановило: за участие в антипартийной группировке, за явное стремление дезорганизовать работу Азгосуниверситета и за грубое нарушение принципа единоначалия декана Исторического факультета

Касумова Мехбалы и преподавателя Будагына Вартана с работы снять и поручить партийной организации АГУ обсудить вопрос об их антипартийном поведении.

Решение повергло Касумова в шок. Он прекрасно понимал, что означало для члена партии обвинение в участии в антипартийной группировке и ведении дезорганизаторской работы в условиях политического террора в стране. 1 декабря он направил на имя Багирова письмо, в котором ярко описал свое психологическое состояние:

«3-й день не могу уснуть, тов. Багиров! Я всю свою сознательную жизнь мечтал о службе народу, воспитавшему и вырастившему меня. У меня есть еще энергия и сознание для того, чтобы доказать это на практике. Единственным условием этого является Ваша помощь.

В моем прошлом нет ничего грязного. Я с той семьи, которая дала своего сына за советскую власть. (Нач. глав. милиции Нах. ССР Касумов Аббас, погибший в селе Кечили Шахбузского района, об этом Вы знаете). Еще раз клянусь перед Вами перед партией Ленина-Сталина, что я никогда ни с кем антипартийными элементами никакой связи не имел, если это окажется неправда, то я жизнью своей отвечаю перед Вами.

Я задел самолюбие некоторых людей и они из моих некоторых ошибок практического порядка делают серьезные политические выводы... Я, тов. Багиров, нуждаюсь в Вашей помощи и иных выходов не знаю.

Тов. Багиров! Я 2-й год работаю в промакадемии среди коммунистической массы, запросите их, как я работал и работаю. Тов. Багиров я недавно снял свой чарых и читаю лекции в высшем учебном заведении!»⁵²

В соответствии с постановлением Бюро Бакинского Комитета КП(б) Азербайджана от 4 декабря, в АГУ состоялось общее собрание партийной организации. Якубов выступил и довел до сведения общего собрания постановление Бюро БК КП(б) Азербайджана «О положении в Азгосуниверситете» от 28 ноября. Ситуацию в АГУ он назвал «дезорганизацией, направленной на развал всей учебно-воспитательной, партийно-политической и комсомольской работы» и добавил: «Всякая группа, которая направлена на дезорганизацию работы того или иного государственного учреждения, парторганизации по существу своему является антипартийной»⁵³. Касясь «дезорганизаторской деятельности» Касумова и Будагына, он отметил: «... у нас есть достаточное основание говорить о том, что за этими действиями, за этой работой в университете существуют охвосты, двурушники, у которых маска пока не сорвана». Секретарь ЦК подробно остановился на многочисленных заявлениях и жалобах, поступающих в ЦК партии на ректора Алескерова и подчеркнул, что после проверки всех фактов «тов. Багиров говорил и здесь нужно повторить, что тов. Алескеров в политическом отношении у нас не вызывает никакого сомнения». В то же время он признал ряд недостатков в работе ректора и призвал партактив помочь ему их искоренить.

Поняв, что ситуация складывается не в их пользу, Касумов и Будагян полностью изменили свое поведение. В своем выступлении Касумов назвал решение Бюро БК КП(б) Азербайджана «совершенно правильным и своевременным» и квалифицировал ряд своих дей-

ствий в отношении Алескерова «антипартийным». Выступивший вслед за ним Будагян сказал: «... с 28 числа прошлого месяца (имеется в виду заседание Бюро БК КП(б) Азербайджана. — Э.А.) я не знаю, что творится со мной», и охарактеризовал решение Бюро БК как «совершенно справедливое»⁵⁴. Вместе с тем он назвал свое заявление, сделанное на собрании партактива АГУ с участием членов Комиссии ЦК КП(б) Азербайджана 14 сентября, антипартийным, но категорически отказался признать обвинения в свой адрес касательно создания антипартийной группы и соучастия в ней. Член парткома Мовсесян обрушился с резкой критикой в адрес секретаря парткома Новихина и Касумова и подчеркнул, что «эти товарищи все же не сознаются в допущенных грубейших ошибках, по сути дела способствующих антипартийным группировкам в нашем университете». Далее он сказал: «Было ли примиренческое отношение со стороны парткома? Было! В том числе и у меня. Партком всецело, в лице Касумова, признал идеологического вождя. Это откровенно надо сказать... Были ли сигналы, что Касумов настойчиво ведет разлагательскую работу, мотивируя тем, что между ним и Алескеровым имеют место личные счета? Такие сигналы были»⁵⁵.

Через три дня — 7 декабря — общее собрание партийной организации АГУ продолжило свою работу уже в закрытом режиме. Во всех выступлениях осуждалась «групповщина» и «дезорганизаторская» деятельность декана Истафака Касумова и его заместителя Будагыана. В то же время прозвучала серьезная критика и в адрес ректора АГУ.

Под конец второго дня партийного собрания АГУ Касумов еще раз попросил слово и заявил, что вопреки утверждениям ряда выступивших он глубоко понимает и поддерживает решение Бюро: «Я понял решение БК партии не только сейчас, я понял его еще 28-ого числа, когда было заседание Бюро БК партии. Эту дату я никогда не забуду... Я чувствовал, и сейчас считаю и признаю, что допустил много ошибок политического порядка, но передо мной один вопрос — могу ли исправить те ошибки, которые допустил. Отвечая на этот вопрос, я уверенно говорю, что в ближайшее время исправлю все эти ошибки с помощью партийной организации»⁵⁶. На это заявление секретарь ЦК партии Якубов отреагировал репликой: «Вы говорите об ошибках. Речь идет не об ошибках. Мы два дня здесь сидели и все видели и слышали, как вас разоблачали. Существовала антипартийная группировка, и вы возглавляли ее»⁵⁷.

После этого партийное собрание перешло к обсуждению собственного решения в связи с постановлением Бюро БК КП(б) Азербайджана «О положении в Азгосуниверситете» от 28 ноября. Принятое партийным собранием АГУ решение одобряло целиком и полностью постановление Бюро БК, считало, что данный документ полностью раскрывает существующее положение в АГУ. В связи с этим парткому поручалось безотлагательно приступить к преодолению всех недостатков, ликвидировать последствия вражеской работы, очистить университет от сомнительных и чуждых элементов. Вместе с тем было принято решение распустить партком АГУ, допустивший в своей работе серьезные просчеты и ошибки, и выбрать новый его состав для мобилизации коллектива университете на выполнение решение Бюро БК партии⁵⁸.

Серьезные дебаты разгорелись вокруг принятия решения в отношении Касумова. Неожиданным для всех участников партсобрания стало выступление ректора АГУ Алескерова и его предложение, которое, без всякого преувеличения, спасло Касумова от неминуемой политической смерти. «Ведь исключение из рядов партии есть политическая смерть, это равносильно тому, что мы его убиваем... Я считаю, что исключение будет чрезвычайно жесткая мера и присоединяюсь к предложению — объявить строгий выговор с предупреждением»⁵⁹, — сказал он. В результате партсобрание вынесло на голосование одно единственное предложение — объявить строгий выговор с последним предупреждением с занесением в личное дело, которое и было принято.

Через день после завершения закрытого заседания партийной организации АГУ Касумов отправил на имя Багирова письмо, в котором повторно просил его о встрече, чтобы рассказать, как некоторые люди хотят сделать из него врага народа: «Тов. Багиров, клянусь своей честью в моей крови нет ни капли сознательно антипартийного... Прошу принять меня и помочь мне искать свои ошибки, и дать возможность исправить их в практической работе. Тов. Багиров, клянусь Вам, я никогда не с какими вражескими элементами никакого отношения не имел и не имею. Прошу Вас, чтобы Вы сами лично проверили это»⁶⁰. Однако Багиров не согласился принять опального философа, уже бывшего декана Исторического факультета АГУ Касумова.

Следует отметить, что разбирательство «дела АГУ» произошло на Бюро БК КП(б) Азербайджана с участием Багирова уже после известной Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) о приостановке обсуждения дел, направленных на рассмотрение троек, военных трибуналов и ВК Верховного суда СССР от 11 ноября 1938 г., которая ознаменовала собой завершение активной фазы «большого террора». В Директиве в порядке особых приказов Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам областных, краевых управлений НКВД, прокурорам краев, областей, автономных и союзных республик, прокурорам военных округов, железнодорожного и водного транспорта, председателям Верховного суда СССР, Верховных судов союзных и автономных республик, Военной коллегии Верховного суда СССР, председателям трибуналов военных округов, секретарям ЦК республиканских компартий, обкомов, крайкомов строжайше приказывалось:

1. Приостановить с 16 ноября с.г. впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке.

2. Обязать прокуроров военных округов, краев, областей, автономных и союзных республик проследить за точным и немедленным исполнением. Об исполнении донести НКВД СССР и Прокурору Союза ССР⁶¹.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что данная Директива сыграла решающую роль в судьбе участников «дела АГУ» и избавила их от репрессий. Однако пережитый страх преследовал Касумова всю оставшуюся жизнь. Близко знавший его историк, педагог, общественно-политический деятель Нахичеванской Автономной Республики Али Алиев утверждал: «Царивший в Азербайджане Ста-

линский, Багировский режим нанес ему неизлечимую рану и подорвал его здоровье»⁶².

Снятый с должности декана Касумов продолжал преподавать в Промакадемии республики. В 1941 г. был мобилизован в действующую армию. После войны демобилизовался и вернулся в Азербайджан. В 1945 г. начал работать в Институте философии только что созданной Академии наук Азербайджанской ССР. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Философские взгляды Омара Хаяма», а в 1952 г. — докторскую диссертацию «Влияние передовых идей России XIX века на развитие общественной мысли в Азербайджане». В 1950 г. Касумов перешел на работу в Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова и возглавил кафедру Диалектического и исторического материализма. Здесь он проработал до своей смерти в 1963 году.

Алескеров продолжал исполнять обязанности ректора университета до 1941 года. В 1941 г. он был переведен в Отдел школ и науки ЦК КП(б) Азербайджана, в январе 1944 г. назначен заместителем по кадрам народного комиссара просвещения Азербайджанской ССР. Через три месяца, по решению Бюро ЦК КП(б) Азербайджана, он отправился в Иранский Азербайджан, который находился под контролем Советского Союза, для организации работ по народному просвещению. После вывода советских войск с территории Ирана в мае 1946 г. продолжал работать в Тебризе в качестве сотрудника консульства СССР. В 1947 г. вернулся в Баку и в Наркомпрос. В 1951 г. был назначен заведующим Отделом школ и науки ЦК КП(б) Азербайджана. В 1952 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Реформа народного образования в Южном (Иранском) Азербайджане при демократической власти». С 1954 по 1956 г. работал ректором АПИ, с 1957 по 1958 — председателем управления общества «Знание». В 1958 г. вернулся в Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова на кафедру Педагогики и психологии. Умер в 1969 г. в Баку.

Изучение «дела АГУ» позволяет сделать вывод о том, что уже к концу 1938 г. пик политических репрессий в Советском Союзе был пройден. В 1937 г. обвинение в «антипартийной групповщине» и «дезорганизаторской деятельности» члена партии было достаточным основанием для его исключения из партии и отдачи под суд. Однако основные участники «дела АГУ» лишь получили строгие выговоры с занесением в личные дела. Этот факт является ярким подтверждением спада волны физических устраниний политически неугодных и вредных для партии элементов в научно-учебных центрах в Азербайджане, где ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров.

Примечания

1. КИСЛИЦЫН С. Шахтинское дело : Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции СССР. Ростов-на-Дону. 1993; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Документы. М. 2010, 2011.
2. ЕСИНЕВИЧ А. Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб. 2004.

3. ПАВЛЕНКО Н. «Академическое дело». Историки под прицелом. — Наука и жизнь. 1992, № 9; Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб. 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1—2. СПб. 1998.
4. Подробно см.: Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М. 1995.
5. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О антисоветских элементах». 2 июля 1937 г. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ), ф. 3, оп. 58, д. 212, л. 32.
6. Директива ЦК ВКП(б) № 863. 3 июля 1937 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 167, д. 53, л. 97.
7. Секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М.Дж. Багиров — И.В. Сталину. Копия: т. Ежову. 9 июля 1937 г. Там же, оп. 166, д. 575, л. 119.
8. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О антисоветских элементах». 10 июля 1937 г. АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 212, л. 39—40.
9. Подробно о сталинских репрессиях в Азербайджане см., например: БАБЕРОВСКИЙ Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М. 2011; ИСМАИЛОВ Э. История «большого террора» в Азербайджане. М. 2015.
10. Совещание при Отделе школ и науки ЦК КП(б) Азербайджана. Стенографический отчет. 11 ноября 1938 г. Архив политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 1, оп. 88, д. 372, л. 39об.—40.
11. БАГИРОВ М.Д. Отчет «О работе ЦК КП(б) Азербайджана» на XIV съезде КП(б) Азербайджана. 8 июля 1938 г. — Бакинский рабочий. 11 июля 1938 г.
12. Там же.
13. О результатах проверки материалов по АГУ. Заседание Бюро БК КП(б) Азербайджана. Стенографический отчет. 28 ноября 1938 г. АПД УДП АР, ф. 1, оп. 88, д. 373, л. 14.
14. Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ) — гуманитарный вуз университетского типа, существовавший в Москве с 1931 по 1941 год. Был создан на базе историко-философского отделения МГУ им. М.В. Ломоносова и в 1941 г. объединен с ним.
15. Коммунистический университет преподавателей общественных наук (КУПОН) действовал с 1919 по 1931 год.
16. Академическая характеристика, выданная Институтом философии, литературы и истории. 2 июля 1937 г. АПД УДП АР, ф. 1, оп. 88, д. 376, л. 25.
17. Решение Бюро ЦК и БК КП(б) Азербайджана «О руководящем составе Азгосуниверситета». 3 марта 1938 г. Там же, оп. 21, д. 30, л. 266.
18. Бакинский рабочий. 28 мая 1938 г.
19. Письмо М. Касумова, В. Будагана в редакцию газеты «Бакинский рабочий». 28 мая 1938 г. АПД УДП АР, ф. 1, оп. 88, д. 376, л. 13.
20. Там же, л. 13—14.
21. Там же, л. 14.
22. Там же.
23. Докладная записка секретаря комитета КСМ АГУ Л. Мелик-Осипова и члена комитета КСМ, студента Исторического факультета АГУ А. Кричевского заведующему Студенческим отделом БК ЛКСМ Азербайджана тов. Аллахвердиеву Т. Б/д. Там же, л. 5.
24. Протокол № 4 заседания парткома АГУ. 10 июня 1938 г. Там же, д. 372, л. 95.
25. Там же, л. 99.
26. Письмо М. Касумова секретарю Ворошиловского РК КП(б) Азербайджана, копия секретарю парткома АГУ. 16 июня 1938 г. Там же, д. 376, л. 50.
27. Выписка из протокола № 6 заседания парткома Азгосуниверситета. 27 июня 1938 г. Там же, л. 52.
28. Докладная записка Надирова и Мамедова в Отдел школ и науки ЦК КП(б) Азербайджана. 3 сентября 1938 г. Там же, л. 9.
29. Там же, л. 9—10.
30. Там же, л. 10.

31. Докладная записка декана Исторического факультета М. Касумова ректору АГУ тов. Алескерову. 11 сентября 1938 г. Там же, л. 32.
32. Заседание партактива АГУ. Стенографический отчет. 14 сентября 1938 г. Там же, д. 372, л. 53.
33. Там же, л. 53—61.
34. Там же, л. 61—62.
35. Там же, л. 64—65.
36. Там же, л. 66—67.
37. Отчет Комиссии ЦК КП(б) Азербайджана секретарям ЦК КП(б) Азербайджана тов. М.Дж. Багирову и тов. Т. Якубову от 16 сентября 1938 г. Там же, л. 86.
38. Там же, л. 89—90.
39. Письмо Мехбалы Касумова Первому секретарю ЦК КП(б) Азербайджана Мир Джафару Багирову. 19 октября 1938 г. Там же, л. 28—28об.
40. Совещание при Отделе школ и науки ЦК КП (б) Азербайджана. Стенографический отчет. 11 ноября 1938 г. Там же, д. 372, л. 37.
41. Там же, л. 39.
42. Там же, л. 41.
43. О результатах проверки материалов по АГУ. Заседание Бюро БК КП (б) Азербайджана. Стенографический отчет. 28 ноября 1938 г. Там же, д. 373, л. 22.
44. Там же, л. 4.
45. Там же, л. 13.
46. Там же, л. 21—22.
47. Там же, л. 36.
48. Там же, л. 63—64.
49. Там же, л. 65.
50. Там же, л. 66.
51. Выписка из протокола № 4 заседания Бюро БК КП(б) Азербайджана. 28 ноября 1938 г. Там же, д. 374, л. 1.
52. Письмо Мехбалы Касумова Первому секретарю ЦК КП (б) Азербайджана Мир Джафару Багирову. 1 декабря 1938 г. Там же, д. 376, л. 19—19об.
53. Общее собрание членов и кандидатов в члены партии партийной организации АГУ. Стенографический отчет. 4 декабря 1938 г. Там же, д. 375, л. 7—8.
54. Там же, л. 36—37.
55. Там же, л. 43.
56. Закрытое собрание членов и кандидатов в члены партии партийной организации АГУ. Стенографический отчет. 7 декабря 1938 г. Там же, д. 374, л. 121—122.
57. Там же, л. 122.
58. Там же, л. 125—126.
59. Там же, л. 130.
60. Письмо Мехбалы Касумова Первому секретарю ЦК КП (б) Азербайджана Мир Джафару Багирову. 8 декабря 1938 г. Там же, д. 376, л. 20.
61. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) о приостановке рассмотрения дел, направленных на рассмотрение троек, военных трибуналов и ВК Верховсуда СССР в порядке особых приказов. 15 ноября 1938 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 24, л. 62.
62. ƏLİYEV ƏLİ. Əlincə yaddaşı. Bakı. 2004, S. 120.

Реорганизация советских профсоюзов в 1928—1931 гг.

Чжун вэ Чжо

Аннотация. Реорганизация советских профсоюзов во время выполнения первого пятилетнего плана (1928—1932 гг.) должна была подчинить их ВКП(б) с двойной целью: ослабления их политического статуса и привлечения их к производству в связи с ускоренной политикой индустриализации. Прежде всего, была предпринята персональная чистка — замена руководства ВЦСПС и ряда отдельных председателей профсоюзов в ходе перевыборной кампании. Наряду со сменой руководителей партия также приняла решение изменить общий курс профсоюзов в производстве. Профсоюзы были превращены в авангард сталинской индустриализации.

Ключевые слова: первая пятилетка, И.В. Сталин, профсоюзы. М.П. Томский, правые, лицом к производству, перевыборы.

Abstract. The reorganization of the Soviet Trade unions during the First Five-Year Plan (1928—1932) was intended to subordinate the unions to the party with the dual aims of weakening their political status and drawing them closer to production in relation to rapid industrialization policy. Above all, the personnel purge was undertaken in various ways from the replacement of VTsSPS leadership and a number of individual union chairs to the re-election campaign of factory committees. Along with the personnel replacement, the party also set out to change the general course of the unions into production. The unions were transformed into a vanguard of Stalinist industrialization.

Key words: The First five-Year Plan, Stalin, Trade Unions. Tomskii, The Rightists, Face to Production Campaign, Re-election.

В историографии темы истории советских профсоюзов 1928—1931 гг. можно выделить три подхода. Во-первых, политический, когда профсоюзы привлекают внимание с точки зрения разногласий, наблюдавшихся в начале первой пятилетки между сталинистами и правыми во главе с М.П. Томским ¹. Большинство западных исследований придерживаются такого подхода. Однако он имеет свою слабую сторону: профсоюзы рассматриваются не сами по себе, а исключительно как одна из опор правых, и основное внимание уделяется политическому конфликту. Во-вторых, экономический подход, связанный с политикой ускоренной индустриализации ², принятый в большинстве со-

Чжо Чжун вэ — доктор философии, доцент Университета Совон. Республика Корея. E-mail: jojunbae@hotmail.com.

Jo Junbae — PhD, assistant-professor, Seowon University. South Korea. E-mail: jojunbae@hotmail.com.

ветских исследований профсоюзов. Здесь гораздо больше внимания уделяется производственной роли профсоюзов в период первой и второй пятилеток, а не их персональному и структурному изменениям. В-третьих, существуют специальные исследования о профсоюзах ³ — это работы, опубликованные до 1980-х гг. и ряд западных исследований. Советские авторы придерживались нескольких норм. Их исследования обычно имеют единую структуру и единообразную интерпретацию, при которой непременно подчеркивается руководство партии. Между тем западные историки рассматривают профсоюзы с учетом политической и экономической ситуации в стране.

В данной публикации речь идет о том, как сталинское руководство провело реформу профсоюзов на рубеже 20—30-х гг. XX в. и как изменилась роль профсоюзов в сталинской системе. Данная тема мало изучена в западной и российской историографии.

Чистка профсоюзной верхушки. С началом кризиса хлебозаготовок зимой 1927—1928 гг. группа Н.И. Бухарина вступила в серьезный конфликт с руководством страны по поводу экономической политики в целом. Для сторонников политики И.В. Сталина кризис означал невозможность сохранять основы нэпа, а для правых — временный дисбаланс рыночных отношений. Конфликт перерос в тотальную политическую борьбу, в ходе которой в стране возникла новая политическая и экономическая система.

В разгар этих трений профсоюзы рассматривались как арена, где обе стороны могли помериться силой. Главная причина этого заключалась в том, что руководителем организации был Томский. В конце 1926 г. он заявил, что «профсоюзы имеют право требовать к себе для доклада любого народного комиссара, и ни один из них не имеет права от этого отказаться, ссылаясь на то, что он формально нам не подотчетен» ⁴. Для власти эта внушительная независимость в условиях нэпа должна была уступить место более жесткому подчинению профсоюзов партии в интересах быстрой индустриализации.

Не случайно в марте 1928 г. на угольных шахтах в Шахтинском районе Донбасса была обнаружена «контрреволюционная организация». Входившие в нее специалисты якобы занимались саботажем и подрывом угольной промышленности ⁵. В своем обращении к партийным, хозяйственным, промышленным, профсоюзным деятелям, ответственным работникам Рабкрина (Наркомата рабоче-крестьянской инспекции) и ОГПУ Политбюро обвинило профсоюзы в том, что они позволили заговорщикам-инженерам «реализовать свои контрреволюционные планы по отношению к целым заводам и шахтам», и предписало им провести проверку своих аппаратов ⁶. На апрельском партийном пленуме (1928 г.) профсоюзы в связи с Шахтинским делом подверглись критике за то, что их работа по вовлечению трудящихся масс в производство была неудовлетворительной ⁷.

После этого пленума наступление партии на профсоюзы приняло форму кампании «самокритики», которая была разработана для укрепления партийной демократии и борьбы с бюрократизмом на XV съезде ВКП(б) в 1927 году. 20 апреля 1928 г. «Правда» изложила задачи самокритики в профсоюзах, направленной на реформу профсоюзной работы. Месяц спустя ЦК партии обратил внимание на нарушения демократии в профсоюзах и потребовал от них удалить от руко-

водства бюрократические элементы ⁸. Кампания самокритики в профсоюзах вызвала протесты со стороны тех, кто подвергся нападению.

Томский заметил в этой кампании скрытую опасность и выразил свою озабоченность в речи 19 июня 1928 г. на вечере, посвященном окончанию первого учебного года Высшей школы профдвижения его имени ⁹. Б.Г. Козелев, заместитель председателя профсоюза металлистов, в своем дневнике записал, что Политбюро предпринимает «определенный поход» против руководителей профсоюзов. По словам Козелева, секретарь ВЦСПС А.И. Догадов сказал ему, что ни одно предложение бюро коммунистической фракции ВЦСПС не было принято в течение года. Догадов также ссылаясь на враждебность по отношению к Томскому в Политбюро, которое противопоставляло ему А.А. Андреева и стремилось обновить ВЦСПС путем продвижения новых сотрудников, таких как Н.А. Кубяк, избранный секретарем ЦК ¹⁰.

Во второй половине 1928 г. недовольство партийной верхушки профсоюзами усиливалось. Пленум ЦК ВКП(б) в ноябре открыто выразил это недовольство ¹¹. В.М. Молотов, в частности, утверждал, что профсоюзы отстают от роста активности масс и не мобилизуют рабочих для разрешения задач социалистического строительства и преодоления связанных с ним трудностей ¹².

Снижение статуса профсоюзов было усугублено противоречиями с другими учреждениями. С лета 1928 г. профсоюзы вступили в конфликт с ВСНХ по различным экономическим вопросам. В июле профсоюзы осудили ВСНХ за увеличение лишь на 4,7% числа рабочих, добиваясь роста продукции в промышленности в 1928—1929 гг. на 19,2% ¹³. Осенью ВСНХ наметил повысить производительность труда в первой пятилетке на 75,7% по отношению к 1927—1928 гг. и на 15% — к 1928—1929 гг., что было, по мнению лидеров профсоюзов, совершенно неприемлемо ¹⁴. Как нереальные оценил ВЦСПС контрольные цифры ВСНХ на 1928—1929 гг. в своем докладе Госплану в сентябре ¹⁵. На 4-м пленуме ВСНХ в ноябре 1928 г. Л.И. Гинзбургу, руководителю тарифно-экономического отдела ВЦСПС, были высказаны претензии за то, что профсоюзы не помогали, а мешали повысить производительность труда ¹⁶.

В то время как ВСНХ спорил с профсоюзами по экономическим вопросам, ВЛКСМ играл более активную роль в политическом наступлении на эту организацию. В июне 1928 г. ВЛКСМ осудил ВЦСПС за изменение своей позиции по трудоустройству несовершеннолетних, хотя в этом вопросе обе организации до недавнего времени находились в согласии с ВСНХ, который стремился сократить обязательный процент рабочих мест, предназначенных для несовершеннолетних, с тем чтобы увеличить приток квалифицированных и взрослых работников, оставшихся без работы. Профсоюзы поддерживали ВСНХ в убеждении, что у их членов будет больше возможностей для работы, чем у несоюзных рабочих, а ВЛКСМ выступил против этой линии ¹⁷. После партийного пленума в ноябре «Комсомольская правда» начала публикацию серии статей с критикой профсоюзов. ВЛКСМ усилил нападки по двум вопросам — о самокритике и о недостаточно активной подготовке профсоюзов к их VIII съезду ¹⁸. Профсоюзы отреагировали резко, но их разгневанные ответы не ослабили рост критики со стороны ВЛКСМ.

VIII съезд профсоюзов в декабре 1928 г. стал переломным моментом. 12 декабря 1928 г., на следующий день после доклада Томского, «Правда» опубликовала статью под названием «Аполитичность в профработе недопустима». После этого комсомольские делегаты и некоторые члены президиума ВЦСПС, которые находились под сильным влиянием сталинского руководства, начали критиковать Томского. Томский защищался, опровергая все обвинения¹⁹.

Наряду с открытыми выступлениями на съезде на Томского оказывалось давление через профсоюзную коммунистическую фракцию и Политбюро. ЦК партии поручил коммунистической фракции съезда обсудить постановление своего ноябрьского пленума и принять соответствующее решение. Правые возразили, но не добились успеха²⁰. Томский был расстроен и вторично подал в отставку, однако Политбюро ее не приняло и обязало его как председателя ВЦСПС руководить съездом до окончания его работы. Кроме того, Политбюро предложило включить в президиум ВЦСПС Л.М. Кагановича — члена ЦК партии и заместителя Сталина. Томский был против, поскольку этим создавалось двоевластие в профсоюзах, и заявил, что откажется от своего поста²¹. Однако назначение Кагановича было принято голосованием²².

После съезда началась замена профсоюзных чиновников — сторонников Томского. На первом заседании президиума ВЦСПС в январе 1929 г. ключевые посты заняли А.А. Коростелёв, Л.И. Гинзбург и Н.Н. Евреинов, на которых были возложены обязанности по руководству организационным, тарифно-экономическим отделами и отделом культуры соответственно²³. Ряд партийных конференций, проведенных в Москве и других промышленных регионах, постановил очистить от бюрократических элементов все уровни профсоюзного аппарата, чтобы укрепить партийное руководство профсоюзами²⁴.

9 февраля 1929 г. на совместном заседании Политбюро и Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) Томский был обвинен в создании феодального «княжества» в профсоюзах и призван добросовестно выполнять все решения Исполкома Коминтерна, партии и ее ЦК. Совместный пленум ЦК и ЦКК в апреле 1929 г. постановил снять Томского с должности председателя ВЦСПС, а Бухарина — с должностей редактора «Правды» и председателя Коминтерна с оговоркой, что они будут удалены из Политбюро за нарушение дисциплины, если не последуют указаниям ЦК. Что касается профсоюзной работы, то утверждалось, что они противопоставляют профсоюзы партии, ведут фактический курс на ослабление партийного руководства профдвижением, затушевывают недостатки профсоюзной работы, прикрывают тред-юнионистские тенденции и явление бюрократического заострения в профсоюзном аппарате²⁵.

Второй пленум ВЦСПС, состоявшийся в конце мая — начале июня, исполнил решение партии об удалении прежнего руководства. По предложению коммунистической фракции, Томский был официально отстранен от председательства, а его заместители исключены из президиума ВЦСПС²⁶. Вместо них в совет были включены новые фигуры, такие как Н.М. Шверник, а для укрепления партийного руководства над профсоюзами было временно введено коллективное руководство — секретариат при президиуме из пяти членов²⁷.

Кроме того была проведена организационная реформа, перераспределившая участки работы среди секретарей. Шверник был назначен ответственным за орготдел, которому предстояло заняться чисткой в профсоюзах. Более того, он вместо Коростелёва возглавил комиссию по проверке аппарата ВЦСПС и отдельных комитетов профсоюзов ²⁸.

В августе 1929 г. президиуму ВЦСПС было дано право определять сроки созыва и повестку дня всесоюзных, отраслевых союзов, областных, краевых и республиканских межсоюзных съездов и конференций. Секретариат ВЦСПС отвечал за отдельные отраслевые центральные комитеты, которые в свою очередь должны были информировать ВЦСПС о сроках и повестке дня съездов и конференций не позднее чем за два месяца до этого, а в случае пленумов — не позднее месяца. Союзные советы обязаны были сделать то же самое и после утверждения сроков и повестки дня направить в орготдел ВЦСПС проекты предложений для съездов на согласование. На орготдел ВЦСПС в свою очередь возлагалась обязанность обеспечить работу пленумов и конференций отдельных центральных комитетов профсоюзов ответственными инструкторами ²⁹.

В январе 1930 г. Политбюро рекомендовало Швернику отложить свою поездку в Донбасс, чтобы заменить первого секретаря ВЦСПС Догадова ³⁰, которого Политбюро решило удалить из совета ³¹. На 4-м пленуме ВЦСПС в мае 1930 г. Шверник был избран первым секретарем ВЦСПС ³². На XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г. Г.Д. Вейнберг подверг критике Томского за его отказ сделать на фракции и перед VIII съездом профсоюзов доклад о ноябрьском пленуме ЦК 1928 г. и о его решениях ³³. Таким образом партия сыграла ключевую роль в реорганизации профсоюзов с помощью ряда мер: замены руководства, чистки профсоюзного аппарата, директив профсоюзным фракциям и местным партийным организациям о восстановлении профсоюзов, движения ударничества и перевыборов фабричных, заводских и местных комитетов. Догадов признал, что совершил серьезную ошибку, мешая назначению Кагановича в президиум ВЦСПС, поскольку не понял глубокого политического значения этого шага ³⁴. Томский со своей стороны признал, что «с начала до конца права оказалась партия, и с начала до конца оказались неправы мы», извиняясь за свой «совершенно недопустимый, самовольный уход с поста председателя ВЦСПС» ³⁵. В августе 1930 г. Томский был исключен из Политбюро, а в декабре 1930 г. Сталин распорядился создать при ЦК специальную комиссию для наблюдения за профсоюзами во главе с Кагановичем ³⁶.

Лицом к производству. Определив социалистическое соревнование как средство мобилизации рабочих на производстве, партия давала соответствующие инструкции. В ноябре 1928 г. всесоюзное совещание профсоюзов по вопросам массовой экономработы обсуждало, как развивать эту кампанию представителям местных профсоюзных организаций, производственных совещаний ³⁷. 20 января 1929 г. в «Правде» была опубликована статья В.И. Ленина «Как организовать соревнование?» В конце апреля идея наладить «социалистическое соревнование» была официально представлена ведущим профсоюзным органам и пленумам профсоюзных центральных комитетов для об-

суждения³⁸. Весной 1929 г. комиссии по соревнованию были созданы на местах, насчитывалось около 2 млн участников. Однако кампания еще не распространилась по всей стране³⁹. В апреле 1929 г. ее новый этап открыла XVI партийная конференция, которая официально объявила об организации — для успешного выполнения первой пятилетки — соревнования во всех областях строительства и производства; к нему привлекались рабочие и служащие заводов, фабрик, шахт, железных дорог, совхозов, колхозов, советских учреждений, школ и больниц с помощью системы стимулирования. Конференция также отметила, что социалистическое соревнование и первая пятилетка неразрывно связаны друг с другом⁴⁰. 9 мая партия снова призвала к организации ударных бригад на каждом заводе и фабрике и дала понять, что профсоюзы будут осуществлять прямой контроль над соревнованием, а партийные комитеты — общее руководство на предприятиях⁴¹. В тот же день правительство объявило об одобрении «оптимального» (то есть наиболее напряженного) варианта пятилетнего плана, ранее утвержденного XVI партийной конференцией⁴².

Социалистическое соревнование с этого времени стало центральной задачей профсоюзов. 2-й пленум ВЦСПС в мае-июне 1929 г. создал систему его развития, решив возглавить развивающуюся производственную активность рабочего класса — социалистическое соревнование и ударничество⁴³.

Несмотря на заявления партии и профсоюзов, социалистическое соревнование все еще не приобретало того размаха, на который надеялась власть. На объединенном заседании президиума ВЦСПС с представителями ВСНХ СССР и ЦК ВЛКСМ, отдельными ЦК профсоюзов и местных профсоюзных организаций в конце июля 1929 г. профсоюзные организации подверглись критике за то, что не смогли добиться успеха в вовлечении масс в социалистическое соревнование⁴⁴. Президиум ВЦСПС заявил, что существующие специальные органы для развития соревнования должны быть ликвидированы, а руководство соревнованием следует сосредоточить в производственных комиссиях и совещаниях⁴⁵.

В мае-августе ВСНХ повысил запланированные темпы роста промышленности на 1929—1930 гг. с 22 до 28%⁴⁶. В июле и августе пятилетние планы для нескольких отраслей промышленности были также пересмотрены, и в августе была выпущена директива центральных органов власти о том, что капитальные вложения в промышленность в 1929—1930 гг. должны быть на 30% больше, чем намечал пятилетний план⁴⁷.

В конце июля 1929 г. секретариат ВЦСПС принял решение провести расширенное заседание президиума при участии президиума ВСНХ, представителей хозяйственных и профсоюзных организаций крупных областей для более детального рассмотрения вопроса о социалистическом соревновании⁴⁸. Месяц спустя состоялось очередное объединенное заседание президиумов ВЦСПС и ВСНХ, на котором обсуждались контрольные цифры на 1929—1930 годы. В.В. Куйбышев сообщил, что ВСНХ поднял контрольные цифры роста продукции на 1929—1930 гг. с 22—25 до 31,2%. Вейнберг заявил, что профсоюзы целиком поддерживают темпы, взятые ВСНХ. Каганович по-

требовал от профсоюзов показать «чудеса» в выполнении пятилетнего плана, мобилизовав все свои силы ⁴⁹.

На этом фоне ВЦСПС 6 сентября призвал все профсоюзные организации обратить большее внимание на производство и потребовал обновить все формы и методы профсоюзной работы в соответствии с задачами периода реконструкции, чтобы поставить профсоюзы и все их органы сверху донизу ближе к социалистической экономике и этим дать мощный толчок более широкому, сознательному и всестороннему участию рабочего класса в строительстве социализма ⁵⁰. Это обращение под лозунгом «Лицом к производству!» стало важной декларацией признания изменений роли профсоюзов — от защиты интересов рабочих перед работодателями к мобилизации трудящихся.

Соответственно изменялась и система управления на предприятиях: было создано и внедрено единоначалие. Эта мера подразумевала, что партийные и профсоюзные организации не должны вмешиваться в производственную работу руководства. Таким образом, эта мера определила задачи триумvirатов на предприятиях: на профсоюзы возлагалась мобилизация, на администрацию — выполнение промышленного, производственного и финансового планов, а на партийную организацию — проверка результатов работы ⁵¹.

Хотя профсоюзы стали более активно участвовать в производстве, их руководство опасалось, что открытая пропаганда производственной кампании будет понята среди работников как предлог для снижения защиты интересов трудящихся. Когда М.И. Гегечкори, секретарь ЦК профсоюза советских торговых служащих, сделал смелое заявление о том, что профсоюзы должны взять на себя ответственность за производство в целом ⁵², руководители ВЦСПС раскритиковали это как тред-юнионизм и приложили усилия, чтобы сохранялось традиционное значение союзов, в то же время подчеркивая их роль в производстве. Вейнберг утверждал, что профсоюзы должны связывать свою защиту материальных и культурных потребностей рабочих с интересами пролетариата в целом ⁵³. Шверник же подчеркнул, что защитная функция профсоюзов все еще жива ⁵⁴.

Изменение курса было открыто объявлено профсоюзами: 3-й пленум ВЦСПС в ноябре 1929 г. подтвердил, что в плановой экономике основная роль профсоюзов заключается в производстве. В своем докладе Догадов утверждал, что содержание и центр тяжести в профсоюзной работе изменились и должны продолжать меняться в соответствии с конкретными задачами. По его мнению, главной задачей профсоюзов на тот момент было социалистическое соревнование ⁵⁵.

После прозвучавшего в сентябре призыва кампания за социалистическое соревнование набирала силу. В статье, опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 г., Сталин ссылаясь на ключевую роль, которую сыграла «творческая инициатива» масс в год великого перелома. Пленум партии, состоявшийся в ноябре, решил пересмотреть первоначальный план первой пятилетки, чтобы выполнить его менее чем за пять лет. При этом партийное руководство потребовало, чтобы профсоюзы обратили «серьезнейшее внимание» на социалистическое соревнование и стали мощным рычагом социалистического строительства ⁵⁶. На всесоюзном съезде ударников труда в декабре 1929 г. обсуждались перспективы развития промышленности, опыт социа-

листического соревнования и задачи ударных бригад ⁵⁷. В заключительной речи Вейнберг заявил, что съезд решил выполнить пятилетку в четыре года ⁵⁸.

21 января 1930 г. ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ обратились ко всем рабочим с призывом пополнить ряды ударных бригад. Согласно «Правде», «ленинский» призыв ударников в 1930 г. стал продолжением социалистического соревнования ⁵⁹. ЦК партии поддержал обращение ВЦСПС и предложил партийным организациям предоставить профсоюзам помощь в улучшении руководства социалистическим соревнованием ⁶⁰. В результате численность ударников резко возросла. В докладе президиуму ВЦСПС в конце марта 1930 г. руководитель сектора производства и заработной платы П.П. Сегал на основе данных от 20 профсоюзных советов торжественно заявил, что на «ленинский» призыв откликнулись 1 320 000 новых рабочих-ударников ⁶¹.

Несмотря на преувеличенные данные, социалистическое соревнование в первые месяцы первой пятилетки сыграло определенную роль в увеличении производства. XVI съезд ВКП(б) летом 1930 г. высоко оценил достижения и значение социалистического соревнования. Шверник с гордостью утверждал, что кампания вызвала повышение производительности труда в первые месяцы 1930 года ⁶².

По мере развития индустриализации положение рабочих ухудшалось. Голос Наркомата труда, который ранее защищал их интересы наравне с профсоюзами, звучал все менее решительно, а недовольство рабочих усиливавшимся нажимом и ухудшением условий жизни и труда стало приводить к протестам. Так, в Крыму в мае 1929 г. рабочие жаловались: «Соревнование, соревнование, а кончится тем, что вы просто увеличите нам нормы». Квалифицированные рабочие, такие как печатники, проявляли недовольство: «Повысьте сначала зарплату, а потом будем соревноваться». Рабочие Пензенской мебельной фабрики жаловались: «Станем проводить соревнование, повысим нормы выработки — нам же хуже будет». В июле 1929 г. работник железнодорожных ремонтных мастерских в Твери отмечал: «Не вижу я пользы от этого соревнования. Ведь только вымотаешь себя, поскорей сработаешься, а дела не сделаешь». Эти хитроумные доводы, отмечал автор газетной статьи, прикрывали, как «кипит иногда лютая злоба на соревнование» ⁶³.

Социалистическое соревнование также приводило к конфликтам между самими рабочими. Участники социалистического соревнования подвергались преследованиям со стороны других рабочих. Сообщалось, что, например, в Туле «застрельщики соревнования не встречают должного внимания со стороны хозяйственников и профработников. Они предоставлены самим себе и часто подвергаются издевательствам и оскорблениям со стороны отсталых групп рабочих» ⁶⁴. На 3-м пленуме ВЦСПС в ноябре 1929 г. работница с фабрики «Коммунистический авангард» в Иваново-Вознесенской области призналась, что скептически относится к агитации за соревнование, если нет для этого соответствующих условий работы ⁶⁵. Ее осторожное замечание потонуло среди хвалебных оценок соревнования со стороны других делегатов. На съезде ударников в декабре 1929 г. представительница текстильной фабрики «Равенство» из Ленинграда также сообщила, что ударники чувствовали недружелюбное к себе отношение в местных проф-

союзных и партийных организациях. По ее словам, им пришлось бороться, чтобы доказать необходимость ударной работы, отстаивать ее продолжение ⁶⁶.

Растущее недовольство рабочих социалистическим соревнованием часто выливалось в крупномасштабные забастовки и даже волнения. Это означает, что профсоюзам не удавалось полностью контролировать поведение рабочих, выполняя свои обязательства перед сталинским руководством. Растущее возмущение рабочих против социалистического соревнования часто было направлено против профсоюзов, партии или даже самого Сталина.

Чистка профсоюзов на низовом уровне. Не ограничиваясь чисткой руководства профсоюзов, партия решила еще более радикально изменить профсоюзный аппарат. В мае 1929 г. президиум ВЦСПС приступил к инспектированию аппаратов ВЦСПС и центральных комитетов профсоюзов ⁶⁷. Эта инспекция была частью проводившихся в то время на предприятиях чисток в ходе борьбы с бюрократизмом. Рабкрин начал профсоюзную чистку с 1 июня 1929 года ⁶⁸. В ноябре ВЦСПС объявил о завершении инспекции сотрудников аппаратов профсоюзных центральных комитетов и ВЦСПС. Он распорядился, чтобы все отделы ВЦСПС и профсоюзных центральных комитетов уволили «вычищенных» и заменили их новыми лицами, выдвигая с производства членов партии и комсомольцев ⁶⁹.

Политбюро одобрило проект решения бюро фракции президиума ВЦСПС о чистке профсоюзов и разрешило его публикацию в январе 1930 года ⁷⁰. В январе президиум ВЦСПС потребовал, чтобы ЦКК и Рабкрин создали комиссию и предприняли проверку профсоюзных аппаратов, начав с аппарата ВЦСПС и центральных комитетов профсоюзов, а также их органов периодической печати ⁷¹. В своем докладе на всесоюзном организационном совещании в феврале 1930 г. секретарь ВЦСПС В.И. Полонский утверждал, что только 9% в ВЦСПС имеют рабочее происхождение, и, следовательно, рабочих должно быть больше ⁷². В марте аппараты ВЦСПС, профсоюзных центральных комитетов и газеты «Труд» были подвергнуты чистке ⁷³. Четыре месяца спустя, в июле, в докладе на XVI съезде ВКП(б) Шверник заявил, что среди выборных и наемных платных работников ЦК на 1 апреля 1930 г. было 11,9% выходцев из других партий; в профсоюзных советах, по состоянию на 1 января 1930 г., их 13,9%; среди ответственных работников в ВЦСПС, по состоянию на 1 января 1930 г., — 15%; в составе ответственных работников ЦК рабочие составляли 59%, а в профсоюзных советах — 53% ⁷⁴.

Многие опытные профсоюзные чиновники были заменены представителями нового поколения. На 1 октября 1930 г. число профсоюзных должностных лиц со стажем 5 лет и более снизилось с 65,4 до 23,1%, а рабочая группа со стажем менее года в аппарате ВЦСПС увеличилась с 32 до 62,2%. После чистки доля рабочих среди высокопоставленных должностных лиц ВЦСПС значительно возросла — с 20,4 в 1928 г. до 63,6% в конце 1930 года. Изменился и возрастной состав. В 1930 г. профсоюзные должностные лица в аппарате ВЦСПС в возрасте до 29 лет составляли 37,9% ⁷⁵.

Последний этап профсоюзной чистки на низовом уровне был проведен в форме перевыборов. Партия стремилась изменить руково-

дящий состав первичных профсоюзных организаций посредством ежегодных выборов фабричных, заводских и местных комитетов. 3-й пленум ВЦСПС заложил основу очередной перевыборной кампании, предложив заменить значительную часть выборных должностей во всех профсоюзных органах ⁷⁶. В январе 1930 г. в беседе с участниками ударных бригад Каганович утверждал, что необходимо обновить не только аппарат руководящих профорганизаций, но и низовой — фабзавкомовский ⁷⁷.

Подробный график перевыборов во всех профсоюзах представил Полонский в докладе на всесоюзном оргсовещании профсоюзов в начале февраля 1930 года. Кампания должна была охватить профсоюз металлистов в ближайшие три месяца, а в других профсоюзах перевыборы были отложены, учитывая разнообразие имевшихся 10 тыс. фабрично-заводских и около 100 тыс. различных местных комитетов ⁷⁸. В конце февраля партия снова поручила ВЦСПС провести перевыборы как «боевую политическую кампанию» ⁷⁹. Немедленно были назначены перевыборы заводских комитетов по союзу металлистов на февраль-март 1930 года ⁸⁰.

В результате перевыборов у металлистов состав фабричных, заводских и местных комитетов был обновлен более чем на 80%. Кроме того в фабричные, заводские и местные комитеты было включено значительное количество ударников. Доля ударников и членов партии среди избранных составляла от половины до трех четвертей ⁸¹.

Весной 1930 г. перевыборы проводились во всех профсоюзах. Столь радикальное обновление фабричных, заводских и местных комитетов привело к сбоям в их работе. На XVI съезде ВКП(б) М.Е. Чувырин (профсоюз металлистов) отметил, что профсоюзная работа полностью рухнула в фабричном комитете после стопроцентного обновления его состава. Он утверждал, что «новые товарищи, влившиеся в руководящие органы заводского комитета, не были в состоянии охватить сразу работу всего завода без нашей регулярной и систематической помощи. Мне кажется, что сейчас эта задача стоит в общесоюзном масштабе и не только по союзу металлистов, но и по другим союзам, где сейчас начинают проводиться перевыборы, по союзам горняков, железнодорожников и т.д.» ⁸².

Реформа профсоюзов в годы первой пятилетки ставила целью подчинить профсоюзы партии; в связи с политикой ускоренной индустриализации требовалось понизить их политический статус, а также вовлечь в решение производственных задач. Руководство страны считало, что профсоюзы периода нэпа не подходят для условий индустриализации и должны быть преобразованы в органы, более ориентированные на достижение хозяйственных результатов. Создав соответствующую атмосферу, ВСНХ поставил профсоюзы под свое влияние в экономических вопросах, а ВЛКСМ разжег политический конфликт с профсоюзами.

Успех сторонников Сталина в замене старого профсоюзного руководства был только началом большой реорганизации. Затем последовали более систематические и жесткие меры. Были заменены руководители ВЦСПС и ряда отраслевых профсоюзов. Вслед за смещением верхнего уровня прошла инспекция и тотальная чистка проф-

союзных аппаратов. В составе профсоюзов наблюдался быстрый рост численности чиновников из числа представителей рабочего класса. Была проведена перевыборная кампания в первичных профсоюзных организациях с целью заполнить профсоюзный аппарат нижнего уровня надежными рабочими. Эта обширная чистка обеспечила сталинскому руководству прочную основу для проведения своей политической линии в профсоюзах.

Наряду с заменой состава их аппарата партия также приняла решение изменить общий ход работы профсоюзов. Производственный подход усиливался и был полностью разработан с четвертого квартала 1929 года. Профсоюзы стали более тесно, чем раньше, сотрудничать с хозяйственными органами и вовлекались в составление контрольных цифр. Производственная мобилизация рабочих стала основной задачей профсоюзов, превратившихся в авангард сталинской индустриализации. Они были подчинены партии, и та их независимость, которой они пользовались в эпоху нэпа, резко сократилась.

Примечания

1. DANIELS R.V. *The Conscience of the Revolution*. Harvard Univ. Press. 1960; COHEN S.F. *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938*. Oxford Univ. Press. 1973; SCHAPIRO L. *The Communist Party of the Soviet Union*. New York. 1960; BETTELHEIM C. *Class Struggles in the USSR, Second Period: 1923—1930*. Brighton. 1978; ВАГАНОВ Ф.М. Правый уклон в ВКП(б): его разгром, 1928—1930 гг. М. 1977; ПОЛЯКОВА Н.В. Укрепление идейно-политического единства советских профсоюзов в борьбе за социализм. М. 1980; ФИЛАТОВ А.Н. Партийное руководство профсоюзами СССР в 20-е — начале 30-х годов. Историография проблемы. Казань. 1989.
2. АЮПОВ М.Т. Роль и задачи профсоюзов Узбекистана в борьбе за выполнение плана хлопководства первой пятилетки (1928—1933 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 1950; БОНДАРЕВА Т.А. Роль профсоюзов в управлении производством в 1926—1932 гг. Дисс. канд. ист. наук. М. 1968; ГАРЕВ Л.П., ЛОРТИКЯН Э.Л., НИЩИЙ Ф.Е. Участие профсоюзов в управлении производством. Киев. 1980.
3. DEUTSCHER I. *Soviet Trade Unions: Their Place in Soviet Labour Policy*. London. 1950; ФРОЛОВА Г.Л. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за перестройку и укрепление профессиональных союзов в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Киев. 1953; ОСИПОВ А.П. Организационное укрепление советских профсоюзов в период от VIII до IX Всесоюзного съезда профессиональных союзов СССР (1928—1932 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 1956; CARR E.H., DAVIES R.W. *Foundations of a Planned Economy, 1926—1929*. Vol. 1. Part 2. London. 1969; CARR E.H. *Foundations of a Planned Economy, 1926—1929*. Vol. 2. London. 1971; POTICHNYJ P.J. *Soviet Agricultural Trade Unions, 1917—70*. Univ. of Toronto Press. 1972; ИНЫШИН С.Я. Партийное руководство профсоюзами в первые годы индустриализации СССР: 1926—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. М. 1982.
4. ТОМСКИЙ М.П. Профсоюзы СССР и их отношение к компартии и советскому государству. М. 1928, с. 40.
5. Правда. 10 марта 1928 г.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 676, л. 11—12.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988). Т. 4. М. 1984, с. 326.
8. Труд. 22, 25 мая 1928 г.
9. Там же. 26 июня 1928 г.
10. Михаил Томский: Воспоминания. Статьи. Документы. М. 2001, с. 109, 112.

11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК..., т. 4, с. 382.
12. Правда. 25 ноября 1928 г.
13. Труд. 15 июля 1928 г.
14. Там же. 23 сентября 1928 г.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5451, оп. 12, д. 377, л. 64—73.
16. Труд. 29 ноября 1928 г.
17. Комсомольская правда. 16 июня 1928 г.
18. Там же. 12 декабря 1928 г.
19. Восьмой съезд профессиональных союзов СССР (10—24 декабря 1928 г.). Полный стенографический отчет. М. 1929, с. 111, 199.
20. ОСИПОВ А.П. Ук. соч., с. 88.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 718, л. 4.
22. Восьмой съезд профессиональных союзов СССР..., с. 573—574.
23. Труд. 6 января 1929 г.
24. Там же. 19 января 1929 г.
25. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК..., т. 4, с. 434, 436, 442, 445.
26. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 745, л. 4.
27. Труд. 2 июня 1929 г.
28. ГА РФ, ф. 5451, оп. 13, д. 9, л. 218.
29. Бюллетень ВЦСПС. 1929, № 1—4, с. 9; Труд. 4 августа 1929 г.
30. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 774, л. 9.
31. Там же, д. 781, л. 10.
32. Труд. 20 мая 1930 г.
33. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Л.-М. 1930, с. 190.
34. Труд. 4 июля 1930 г.
35. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)..., с. 142, 144.
36. Михаил Томский: Воспоминания..., с. 19; РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 808, л. 6.
37. Правда. 18 ноября 1928 г.
38. ГА РФ, ф. 5451, оп. 13, д. 16, л. 2.
39. ИНЫШИН С.Я. Ук. соч., с. 136.
40. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК..., т. 4, с. 496—498.
41. Правда. 10 мая 1929 г.
42. Труд. 9 мая 1929 г.
43. ШВЕРНИК Н. Профсоюзы СССР накануне второй пятилетки. М. 1932, с. 21.
44. Труд. 2 августа 1929 г.
45. Социалистическое соревнование и ударничество. Важнейшие постановления руководящих органов партии, правительства, профсоюзов и комсомола. М. 1932, с. 55.
46. Правда. 22 августа 1929 г.
47. БОНДАРЕВА Т.А. Ук. соч., с. 179—180.
48. ГА РФ, ф. 5451, оп. 13, д. 23, л. 62.
49. Труд. 1 сентября 1929 г.
50. Там же. 6 сентября 1929 г.
51. Правда. 7 сентября 1929 г.
52. Труд. 3, 4 октября 1929 г.
53. Там же. 23 ноября 1929 г.
54. Там же. 24 ноября 1929 г.
55. Там же. 26 ноября 1929 г.
56. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 5. М. 1984, с. 16.
57. БОНДАРЕВА Т.А. Ук. соч., с. 106.
58. Труд. 11 декабря 1929 г.
59. Правда. 21 января 1930 г.

60. Там же. 25 января 1930 г.
61. ГА РФ, ф. 5451, оп. 14, д. 3, л. 48.
62. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)..., с. 650.
63. Труд. 29 мая, 2 июля 1929 г.
64. Там же. 25 мая 1929 г.
65. Там же. 28 ноября 1929 г.
66. Там же. 8 декабря 1929 г.
67. ИНЫШИН С.Я. Ук. соч., с. 57.
68. Труд. 6 июня 1929 г.
69. ГА РФ, ф. 5451, оп. 13, д. 25, л. 18.
70. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 775, л. 10.
71. Профсоюзы СССР: документы и материалы в 4-х томах. Т. 2. М. 1963, с. 648—649.
72. ГА РФ, ф. 5451, оп. 14, д. 34, л. 41.
73. Правда. 7, 11 марта 1930 г.
74. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л. 1930, с. 663.
75. ОСИПОВ А.П. Ук. соч., с. 150—151.
76. Труд. 5 декабря 1929 г.
77. Правда. 30 января 1930 г.
78. ГА РФ, ф. 5451, оп. 14, д. 34. л. 36; Труд. 3 февраля 1930 г.
79. Правда. 23 февраля 1930 г.
80. Труд. 22 февраля 1930 г.
81. ОСИПОВ А.П. Ук. соч., с. 155—156.
82. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)..., с. 667—668.

Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса

И.С. Рыбачёнок

Аннотация. Публикация посвящена одному из важнейших этапов подготовки России к проведению Второй конференции мира 1907 г. в Гааге. Поездка юрисконсульта российского МИД профессора Ф.Ф. Мартенса по столицам европейских держав позволила уточнить их позиции по спорным вопросам программы и согласовать сроки проведения международного форума.

Ключевые слова: международные отношения в начале XX в., внешняя политика России, Вторая конференция мира 1907 г. в Гааге.

Abstract. The publication is devoted to one of the most important stages of Russia's preparation for the Second peace conference in 1907 in the Hague. The visit of the Russian foreign Ministry's legal adviser, Professor F.F. Martens, to the capitals of the European powers made it possible to clarify their positions on controversial issues of the program and agree on the dates of the international forum.

Key words: international relations in the early XX century, Russian foreign policy, the Second peace conference in 1907 in the Hague.

История Первой 1899 г. и Второй 1907 г. конференций мира в Гааге неразрывно связана с именем Фёдора Фёдоровича Мартенса (1845—1909) — известного юриста, профессора международного права С.-Петербургского университета, неперемного члена Совета Министерства иностранных дел Российской империи. Его мечта — стать первым уполномоченным от России на этих масштабных международных форумах — не осуществилась. В 1899 г. такая честь выпала на долю российского посла в Лондоне Е.Е. Стааля, а в 1907 г. — российского посла в Париже А.И. Нелидова. Тем не менее Мартенс входил в состав отечественных делегаций на обеих конференциях, активно участвовал в их работе, много и плодотворно трудился при подготовке необходимых материалов, возглавлял работу одной из комиссий на Второй конференции.

Рыбачёнок Ирина Сергеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: rybachenok@gmail.com.

Rybachenok Irina S. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of Russian History RAS. E-mail: rybachenok@gmail.com.

Имя Ф.Ф. Мартенса, в свое время хорошо известное отечественным и зарубежным юристам-международникам, почитается и историками. 15-томное «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», еще при жизни профессора стало классическим. Тома этого «Собрания» находились в центральном аппарате МИД и в российских заграничных представительствах, в редакциях крупнейших российских газет и в университетских библиотеках, рассылались видным политическим и государственным деятелям.

Не меньшую известность принес Мартенсу 2-томный курс «Современное международное право цивилизованных народов», выдержавшее в России с 1882 по 1905 г. пять изданий и ставшее наиболее распространенным учебным пособием¹. Его изучал Николай II в бытность цесаревичем, по курсу Мартенса готовились к экзаменам Владимир Ульянов, Александр Керенский, Георгий Чичерин. Этот курс был переведен на немецкий, французский, испанский, китайский, персидский, сербский и японский языки. Также за рубежом имели успех переводы многих брошюр и статей, опубликованных Мартенсом в общих и специальных журналах. Его публицистические заметки нередко появлялись в отечественных газетах и журналах, таких как «Сборник государственных знаний», «Журнал Министерства народного просвещения», «Вестник Европы», «Журнал гражданского и уголовного просвещения», «Военный сборник», «Revue de droit international».

Лекции Мартенса — доцента, а затем профессора кафедры международного права — слушало несколько поколений студентов Петербургского университета, Александровского лицея, Императорского училища правоведения. Докторскими мантиями его почтили Эдинбургский, Кембриджский, Оксфордский и Йельский университеты. Как представитель России Мартенс неоднократно принимал участие в международных конференциях по международно-правовым вопросам, готовил программы и проекты постановлений, юридические заключения, выступал арбитром при разрешении сложных межгосударственных споров.

Он пользовался высоким авторитетом у своих коллег, особенно зарубежных. Однако, как констатировал В.В. Пустогаров — биограф известного ученого-юриста — «после смерти Мартенса наступило его довольно быстрое и почти полное забвение. Его забыли и на родине, и за рубежом». Причину такого положения дел историк видит в том, что все общественно-политические явления Мартенс оценивал с позиций международного права, «а это не всегда устраивало отечественных и иностранных деятелей». В результате на родине его упрекали в «недостаточном патриотизме», а за рубежом — в том, что о событиях он судил как «русский политик», и даже называли его «царским писателем». Позже, в советской России, Мартенс получил ярлык «реакционера» и «царского слугаки»².

Движимый чувством «великой исторической несправедливости в отношении соотечественника и коллеги по профессии», Пустогаров попытался воссоздать образ «этой сложной и многогранной личности», которая, по его мнению, не вписывалась «в клеточку какой-либо схемы» и вызывала дискуссии. Книга Пустогарова «... С пальмовой

ветвью мира. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист» — единственная специальная монография о нем. Правда существует роман, опубликованный в переводе с эстонского языка, который отчасти основан на биографических материалах ³.

Литература и источники, содержащие сведения о жизни и деятельности Мартенса, сравнительно небогаты. Для составления жизнеописания профессора значимы статьи юристов и историков в профильных и специализированных изданиях — как посвященные ему, так и с упоминаниями его заслуг в контексте изучения международно-правовых вопросов. Ценная информация содержится в юбилейных статьях о нем, а также в некрологах, написанных его широко известными учениками — баронами М.А. Таубе и Б.Э. Нольде ⁴. Отдельные сведения (иногда противоречивые) присутствуют в различных биографических словарях и в энциклопедиях.

Огромный интерес для исследователя представляют неопубликованные личные «Дневники» Мартенса ⁵, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ). Записи делались достаточно регулярно с января 1883 г. по апрель 1909 г., но в них отражены преимущественно те события, в которых автор играл заметную роль лично. Не менее значимо эпистолярное наследие правоведа, также неопубликованное. Письма сохранились как в личном фонде Мартенса в АВП РИ, так и в личных фондах его многочисленных адресатов. Как и все документы личного происхождения, создающиеся «с целью самосознания, самовыражения и самоутверждения автора», они имеют свои особенности, обусловленные индивидуальностью их создателя ⁶. Дневниковые записи и письма очень выпукло характеризуют самого Мартенса — этого бесспорно выдающегося специалиста, но крайне тщеславного, себялюбивого, желчного и брюзгливого человека, болезненно переживавшего недооценку, как он считал, его заслуг в родном отечестве.

Информация о первых годах жизни Мартенса не точна. Мало сведений о его родителях, по-разному обозначается имя, данное ему при крещении в евангелическо-лютеранской церкви Св. Николая в г. Пернове Лифляндской губернии (Фридрих Фромгольд, Фредерик Фромгольд). Родился будущий юрист в бедной эстонской семье 15(27) августа 1845 года. В пятилетнем возрасте он лишился отца, а в 1854 г. — матери, и учителем местной начальной школы был направлен в Петербург, где в январе 1855 г. определен в Сиротский дом. Вскоре способного мальчика перевели в Главное немецкое училище Св. Петра, где он в 1863 г. успешно окончил полный гимназический курс.

Причины, побудившие Мартенса поступить на юридический факультет Петербургского университета и тем самым определить свой жизненный путь, неизвестны. Об этом нет упоминаний в дневнике, так же как и о годах студенчества. Известно, что он окончил университет в 1867 г. и представил выпускную работу «Об отношениях между Россией и Оттоманской империей в царствование императрицы Екатерины II». Затем Мартенс обратился с просьбой оставить его при университете на кафедре уголовного права для подготовки к получению профессорского звания. Однако, по предложению декана факультета профессора И.И. Ивановского, возглавлявшего созданную в 1863 г. кафедру международного права, молодой человек был оставлен на этой кафедре.

После успешной защиты осенью 1869 г. магистерской диссертации «О праве частной собственности во время войны» Мартенс, по рекомендации юридического факультета, был направлен в заграничную командировку. В Вене, Гейдельберге и Лейпциге он слушал лекции известных профессоров, в том числе Иоганна Каспара Блюнчли, автора так называемого кодекса международного права и основателя Института международного права в Генте (1873 г.). Командировка была досрочно прервана в 1870 г., когда Совет Петербургского университета не избрал профессора Ивановского на новый срок, и место руководителя кафедры международного права оказалось вакантным. Ее-то и предложили занять Мартенсу в звании доцента.

Первую лекцию он прочитал в январе 1871 г., два года спустя получил степень доктора наук, а в 1876 г. стал ординарным профессором Петербургского университета. Кафедру международного права Мартенс оставил в 1903 г. (как и преподавание в Александровском лицее). Его преемником стал барон Таубе (до 1911 г.), а затем А.А. Пиленко, также ученик Мартенса. Другой его ученик — барон Нольде — занимал кафедру международного права Петербургского политехнического института. Еще один ученик — А.Н. Мандельштам — служил в Министерстве иностранных дел.

В 1879 г. Мартенс женился на 18-летней Катарине-Марии-Луизе (Екатерине Николаевне) Тур — дочери санкт-петербургского сенатора, тайного советника Николая Андреевича Тура. Со времени вступления в брак он именовал себя Фёдором Фёдоровичем. От брака у него был один сын и три дочери. Скончался Мартенс 7 (20) июня 1909 г. по пути в Петербург на железнодорожной станции Валк Лифляндской губернии от внезапной остановки сердца. Три дня спустя его похоронили на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге.

Оппоненты нередко справедливо упрекали Мартенса в противоречивости отдельных положений его теории международного права. Так, в феврале 1904 г. в «Новом времени» была опубликована его статья по поводу открытия Японией военных действий против России, в которой доказывалось, что Япония нарушила международное право, начав войну без объявления военных действий. Однако в свое время в работе о Восточной войне он высмеял Турцию за ее архаический протест против открытия Россией военных действий в 1877 г., якобы, без предварительного объявления войны. Мартенс утверждал (как и в своем курсе международного права), что формальное объявление войны, как обязательное требование, отошло в область истории за полной ненадобностью.

Наибольший интерес представляет деятельность Мартенса как юрисконсульта Министерства иностранных дел. На службу в центральный аппарат МИД он был зачислен 6 января 1869 г. в чине коллежского секретаря, что по Табели о рангах соответствовало 10-му классу. В прошении на имя Александра II от 21 декабря 1868 г. указан и адрес просителя: Петербургская сторона, близ Карповки, в Теряевой улице, в доме Логинова. Район города явно не аристократический, напротив — типичное место жительства мелких чиновников и разночинцев. Почему в кастовое учреждение приняли не дворянина и, судя по всему, без протекции, остается неясным. При этом Мартенс продолжал преподавательскую деятельность.

С новым чиновником при поступлении в МИД беседовал лично государственный канцлер князь А.М. Горчаков. Он предложил ему продолжать заниматься наукой, чтобы стать отечественным Эверсом и Сакеном. (Й.Ф.Г. Эверс — известный юрист и историк, ректор Дерптского университета, член-корреспондент Российской академии наук; Ф.Р. Остен-Сакен — выпускник юридического факультета Петербургского Университета, сотрудник аппарата МИД). Очевидно, свою роль сыграло то, что по докладу Горчакова в конце 1873 г. император одобрил замысел издать собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с другими государствами. Работа по подготовке издания была поручена Мартенсу. По указанию Александра II он получил доступ ко всем материалам дипломатической переписки, хранившимся в российских архивах. Как известно, первый том «Трактатов» вышел в свет уже в 1874 году.

Таким образом, в МИД рассчитывали, что Мартенс станет квалифицированным экспертом по вопросам международного права. Надежды оправдались: уже в 1874 г. руководством министерства была высоко оценена проделанная юристом работа по подготовке Брюссельской конференции, созванной по инициативе России. Импульсом послужила Франко-прусская война 1870—1871 гг., в которой стороны не применяли единых правил, проявляли беспощадность и жестокость друг к другу. Мартенс собрал из газет всех стран факты, устанавливавшие нарушение законов и обычаев войны, и пришел к заключению о необходимости договориться об обязательных правилах ее ведения, рассчитывая таким путем смягчить тяжелые последствия военных действий.

Делегацию от России возглавил товарищ министра иностранных дел барон А.Г. Жомини. В ее состав вошел также генерал-майор Г.А. Леер, а Мартенса включили как специалиста по международно-правовым вопросам. Острые дебаты развернулись вокруг самой идеи кодификации законов и обычаев войны. В результате конвенции и декларации не были подписаны. В заключительном протоколе признавалась лишь важность задачи и необходимость продолжения работы в этом направлении. Все обстоятельства этого международного собрания позже были освещены Мартенсом в специальной работе о Брюссельской конференции ⁷.

Деятельность Фёдора Фёдоровича получила положительную оценку руководства МИД, и в 1879 г. статский советник Мартенс был назначен чиновником особых поручений (5-й класс по табели о рангах) при канцлере Горчакове с жалованием 2 тыс. руб. в год. Спустя два года он стал неперменным членом Совета МИД. Этот совещательный орган при министре иностранных дел был создан в 1832 году. Но только в 1897 г. впервые упоминалось о том, что один из неперменных членов Совета министерства занимался разработкой важнейших вопросов международного права ⁸.

В рамках реформы МИД в 1914 г. была образована Специальная Юрисконсультская часть. По запросам подразделений этого Министерства и других российских ведомств ее сотрудники занимались разработкой различных вопросов международного права, давали заключения по вопросам гражданского права, а также, в случае необходимости, должны были представлять интересы министерства в судебных инстанциях. В

1914—1916 гг. Юрисконсультскую часть возглавлял опытный дипломат, специалист в области международного права Нольде.

Отношения с начальством и коллегами складывались у Мартенса не просо, что во многом объяснялось его характером и манерой поведения. Это обстоятельство констатирует и Пустогаров, явно симпатизирующий известному юристу. Страницы дневника Мартенса пестрят нелестными эпитетами в адрес лично неприятных ему людей и даже грубостями и инсинуациями. При этом, некорректно высказываясь в дневниковых записях, например, о товарище министра иностранных дел, а позже министре графе В.Н. Ламздорфе, в личных письмах к нему Мартенс крайне любезен. Стараясь оказаться подальше от министерских козней и интриг, которые, конечно, имели место, он неоднократно пытался добиться назначения на должность посланника в одной из европейских стран, предпочтительно в Гааге, но до самой смерти оставался чиновником аппарата МИД.

Мартенс являлся членом Русского императорского исторического общества, всегда бывал на его ежегодных заседаниях, проходивших с участием Александра II, а позже Николая II. В присутствии последнего в 1896 г. профессор делал сообщение об отношениях между Россией и Англией в 1832—1840 годах. Оно было подготовлено на основе хранившихся в архиве донесений посла в Лондоне графа П.О. Поццо ди Борго и посланника барона Ф.И. Бруннова. Царь особенно интересовался первыми годами правления королевы Виктории и ее коронацией.

Известно много написанных Мартенсом исторических очерков и этюдов о русской внешней политике. Среди них: «Россия и Пруссия при Екатерине II» (1882), «Россия и Пруссия в эпоху реставрации» (1883), «Россия и Англия в XVI—XVII вв.» (1891), «Россия и Англия в начале XIX столетия» (1894), «Император Николай I и королева Виктория» (1896), «Россия и Англия в царствование императора Николая I» (1898), «Россия и Англия накануне разрыва» (1898), «Александр I и Наполеон. Последние годы их дружбы и союза» (1905). Ясно, что эти очерки создавались им по собственному почину. Что касается публицистических работ, то историки расходятся во мнении о том, писались ли они по заказу МИД или по собственной инициативе. Думается, что если и не было прямого заказа, то Мартенс отлично понимал, что заинтересованность ведомства иностранных дел России в пропаганде своей позиции была, и он отвечал на такую потребность.

Вместе с тем Мартенс отказался участвовать в Международной следственной комиссии, заседавшей в Париже в 1905 г., в связи с Гульским инцидентом, хотя в основу ее деятельности были положены разработанные им самим и принятые на Первой Гагской конференции мира правила арбитража. Участие Мартенса в Портсмутской мирной конференции 1905 г. также не принесло ему профессионального удовлетворения, поскольку на заседаниях он не присутствовал, а был только консультантом главы российской делегации С.Ю. Витте и то в весьма ограниченных рамках.

Существенную роль сыграл известный юрист в подготовке к Первой конференции мира 1899 года. Правда, он не стоял у самых ее истоков, но когда руководству МИД стало ясно, что нужны детально

проработанные документы по международно-правовым вопросам, граф Ламздорф привлек к работе того, кто смог бы сделать это наилучшим образом, и, учтя некоторые личные качества Мартенса, поручил именно ему составить записку о программе будущей конференции. Профессор торжествовал. Руководители ведомства, не поставившие его в известность о подготовке августовского циркуляра 1898 г., призывавшие державы собраться на конференцию, теперь нуждались в его помощи! 1 (13) октября он представил документ, стойкий ему, по собственному признанию, немалых трудов⁹. Однако помимо этой записки имелось несколько разработок, написанных другими сотрудниками МИД.

Как человек умный и наблюдательный, Мартенс — во многом справедливо — порицал российскую бюрократию (преимущественно отдельных ее представителей и лично ему несимпатичных лиц), подчеркивая «мелочное самолюбие», стремление «удержаться у власти, во что бы то ни стало и всеми средствами», угождение начальству, использование людей, нужных в данную минуту, желание добиться очередного чина или награды, «до которых у нас, в России, можно только... доподличать»¹⁰. Однако являясь частью той же бюрократии, он сам был не свободен от таких пороков. Чтобы осуществить мечту — получить пост посланника в Гааге, подальше от козней и сплетен Петербурга — надо было, по словам Фёдора Фёдоровича, «сохранить хорошие отношения» с начальством, и не оказаться «между двух стульев». Поэтому он составлял по заданию руководства материалы к конференции, провал которой мог бы пагубно сказаться, прежде всего, на его собственной карьере.

Мартенс надеялся возглавить делегацию, так как, по собственной оценке, занимал исключительное положение в международном мире. «За границей, — писал он в дневнике, — меня считают и умным, и способным, и знающим, и чуть ли не великим мужем». Поэтому профессор был возмущен назначением барона Стаала первым уполномоченным, так как полагал, что того «мало и немногие знают», тогда как его, Мартенса, «знают весьма многие и повсюду». Свое включение в состав делегации, как специалиста по вопросам международного права, он расценил как унижение, вспомнив, что уже был в роли прикомандированного к барону Жомини. «И вот теперь, — с возмущением записал он в дневнике, — после 25 лет честной и успешной службы меня графы М[уравьёв] и Л[амздорф] из попов обращают в дьяконы и без малейшей причины мне наносят чувствительное оскорбление»¹¹.

Тем не менее он успешно выполнил новое задание руководства, составив 1 (13) марта 1899 г. записку, отражавшую его представления о предмете занятий высокого собрания. Профессор полагал, что в центре внимания должно оказаться обсуждение вопросов о применении в межгосударственных отношениях добрых услуг и посредничества на основе добровольного соглашения спорящих сторон. Именно этой проблеме общественное мнение и правительства всех стран придавали исключительное значение. По мнению Мартенса, выработка правил международного арбитража для изыскания компромиссных решений возможна. «Если эта совершенно практическая цель была бы достигнута, — резюмировал он, — история обеспечит за Гаагской кон-

ференцией почетнейшее место в летописи величайших международных событий конца XIX в.». Мартенс опасался, что если заседания начнутся без конкретных предложений, сформулированных инициатором, это может вызвать «политический скандал, который обрушится, разумеется, на моей судьбе больше, чем на судьбе Стааля»¹². Поэтому он по собственному почину подготовил проект декларации из 46 статей. Эти материалы были использованы при составлении инструкции для главы российской делегации.

Мартенс гордился собственными заслугами и благосклонностью царя и не преминул отметить в дневнике, что 27 марта (8 апреля) 1898 г. был принят Николаем II, которому подносил XII том своего «Собрания трактатов и конвенций». По словам профессора, царь был очень милостив и восхитился: «Да вы печете тома!»¹³ Но об интеллектуальных качествах Николая II Фёдор Фёдорович отзывался критически: «Молодой государь добр и благорасположен, но совершенно не понимает, как его надувают все министры». Однако профессор был чувствительно растроган тем, что при посещении лицея, зайдя в класс, где он репетировал, царь «милостиво подал руку», а заметив на столе курс Мартенса, обрадовано «сказал, что также по нему учился»¹⁴.

В результате работы Первой конференции мира в Гааге были подписаны три конвенции: «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны». «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 (22) августа 1864 года», а также три декларации: о воспрещении метать снаряды и взрывчатые вещества с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов; о воспрещении употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы; и о воспрещении употреблять пули, легко разворачивающиеся или сплюсчивающиеся в человеческом теле¹⁵. В области так называемого права войны конференция сделала огромный и решительный шаг на пути ее кодификации и гуманизации.

Эти труды получили продолжение на Второй конференции мира в Гааге, состоявшейся в июне-октябре 1907 года. Она стала важным событием и с точки зрения внешней политики России, и с точки зрения международных отношений, но проходила в иной, по сравнению с Первой конференцией, политической обстановкой в мире — после Англо-бурской 1899—1902 гг. и Русско-японской 1904—1905 гг. войн. Это во многом наложило отпечаток на специфику обсуждавшихся на форуме проблем.

На рубеже XIX—XX вв. международные отношения приобрели характер неустойчивого равновесия. Череда региональных кризисов выявила палитру противоречий между странами-соперницами и, в то же время, известные возможности для их урегулирования. В международных отношениях в целом происходила постепенная трансформация сложившейся в Европе системы союзов держав — Тройственного (Германии, Австро-Венгрии и Италии) и Двойственного (России и Франции) — в противостоящие блоки. Англия, отказавшись от политики «блестящей изоляции», заключила союз с Японией.

Вехами на пути перестройки международных отношений стал ряд дипломатических договоренностей. Осенью 1903 г. сорвалась попытка Англии сговориться с Россией о разделе сфер влияния в Персии. В

то время Лондон рассчитывал расстроить франко-русский союз, а чуть позже — столкнуть Россию с Японией на Дальнем Востоке. По условиям соглашения, подписанного весной 1904 г., Франция отказывалась от притязаний в Египте в обмен на обещание Англии не препятствовать ее проникновению в Марокко. Это свидетельствовало не только о размежевании собственных колониальных интересов двух держав, но и о создании ими совместного барьера на пути проникновения Германии в Северную Африку.

Альхесирасская конференция 1906 г., завершившая первый марокканский кризис, выявила новое соотношение сил. Опираясь на Бьёркский договор, подписанный Николаем II в 1905 г. в разгар Русско-японской войны, Вильгельм II надеялся подорвать англо-французский альянс. Но крушение русско-германского договора, окончание войны и финансовый нажим Парижа вынудили Петербург выступить в Альхесирассе единым фронтом с Францией и Англией против Германии ¹⁶.

Грандиозный проект строительства Багдадской железной дороги свидетельствовал о намерении Германии переделит сферу влияния на Ближнем Востоке и ставил в иную плоскость проблему союзов в Европе. В результате поражения в войне с Японией позиции России на международной арене существенно ослабли, что вынудило ее, с одной стороны, заключить соглашение с Англией в начале 1907 г., ограничив свою сферу влияния северными районами Персии, а, с другой, — пойти на уступки Японии в Маньчжурии и Корее.

К началу XX в. на короткий период сложилась общая заинтересованность держав в сохранении мира в целом, поскольку пока удавалось находить более или менее приемлемые для всех решения локальных конфликтов. Вместе с тем экспансионистские устремления великих держав в борьбе за передел мира и расширение их круга нарастали. В число «великих» стремились попасть и сравнительно «молодые» претенденты — США и Япония.

В истории Второй конференции мира отчетливо просматривается несколько этапов, разных по протяженности, содержанию, насыщенности событиями, происходившими на авансцене и за кулисами, наконец, по результатам. Первый этап, начавшийся в сентябре 1904 г. с инициативы американского президента Т. Рузвельта ¹⁷, задумавшего пригласить державы на новую мирную конференцию, закончился в январе 1905 г. после отклонения Петербургом предложения Вашингтона.

На втором этапе, с февраля по декабрь 1905 г., в недрах российского МИД неспешно и без огласки велась подготовка к будущему форуму, завершившаяся составлением первого циркулярного обращения к державам с предложением собраться на Вторую конференцию мира и, после получения их положительных ответов, — выработкой первого варианта программы. Основным содержанием этих двух этапов истории международного форума стала борьба за инициативу его созыва и проведения.

В ходе третьего этапа, с января по июль 1906 г., в Петербурге состоялся ряд внутриведомственных и межведомственных совещаний, где согласовывались подходы к спорным вопросам, которые выносились на обсуждение конференции, и в результате был выработан

второй циркуляр. Переписка с дипломатическими представителями России за границей позволила МИД выяснить позиции держав и получить их официальное согласие участвовать в международном форуме. Однако его открытие отсрочили до лета следующего года.

Содержанием четвертого этапа, с августа 1906 г. по май 1907 г., стало уточнение позиций великих держав, в том числе и в ходе заграничного турне по европейским столицам профессора Мартенса. В итоге была скорректирована программа конференции, выработан текст третьего циркуляра державам, проведена техническая подготовка заседаний по согласованию с правительством Нидерландов. Пятый этап, со 2 (15) июня по 5 (18) октября 1907 г., включал работу конференции в Гааге.

После того, как в Петербурге стало известно о решении Вашингтона созвать в июле 1906 г. очередное заседание Панамериканского конгресса в Рио-де-Жанейро и стремлении Швейцарии провести в те же сроки специальную конференцию Красного Креста в Женеве для пересмотра конвенции 1864 г. и возможности применения ее к морской войне, дело с подготовкой конференции мира в Гааге застопорилось¹⁸. 29 марта (11 апреля) МИД известил российских представителей за рубежом о переносе срока ее проведения¹⁹. К тому же произошли изменения в руководстве МИД. Они коснулись не только хода подготовки к форуму, но позже наложили отпечаток на курс внешней политики России в целом.

В мае 1906 г. после отставки министра иностранных дел графа Ламздорфа в здании у Певческого моста воцарился А.П. Извольский, бывший до тех пор посланником в Дании. Ловкий и хитрый карьерист, никогда прежде не работавший в аппарате МИД и не осведомленный о многих тайнах петербургской дипломатии, он к тому же плохо знал людей и не умел ладить с коллегами. Нового главу ведомства по-разному восприняли и в столице, и в российских зарубежных представительствах. «Наконец упал мой злейший враг Ламздорф!» — ликовал Мартенс, который даже не пошел на его похороны в марте 1907 г., о чем с удовольствием позже поведал в дневнике. Профессор права надеялся, что его собственное положение в МИД теперь укрепитя. Однако он просчитался и вскоре стал отзываться об Извольском весьма нелицеприятно, называя его хвастуном и даровитым Хлестаковым²⁰.

Извольский оказался полностью не в курсе подготовки Второй Гаагской конференции. В самом конце 1906 г., беседуя с Мартенсом, он недоумевал, почему Россия вырывает инициативу созыва Второй конференции из рук Соединенных Штатов. Юрисконсульт и сам не знал всей подоплеки замысла и многих аспектов подготовительной стадии, но был уверен, что после официально сделанного Петербургом предложения отступить было нельзя. Он выразил желание активно вести дальнейшую подготовку форума, но единолично, и лишь просил откомандировать в его распоряжение барона Нольде, хорошо знакомого ему по службе. Министр поручил профессору ознакомиться с документацией, имевшейся в МИД по этому предмету²¹.

Мартенс, глубоко задетый тем, что большая часть переписки, которую МИД вел за прошедшие 18 месяцев, готовясь к форуму, оказалась вне поля его зрения, теперь рьяно взялся за работу, расчи-

тывая стать незаменимым. Профессор полагал, что следует не вести бесконечную переписку, а выяснить в устных беседах подлинные мнения держав о программе конференции. Он поведал об этом в доверительном письме от 14 (27) декабря Извольскому, приложил к нему записку об организации конференции, подчеркнув, что она является не только следствием ознакомления с делопроизводством, но и результатом его многолетнего опыта работы на международных конгрессах и конференциях ²².

Чтобы разделить ответственность за мероприятие с другими великими державами и срочно выработать общий с ними план действий, Мартенс считал целесообразным «устроить немедленно (слово подчеркнуто в документе. — *И.Р.*) совещание представителей главнейших держав для выяснения основных организационных вопросов будущей Второй Гаагской конференции». О записке и замысле организовать «маленькое совещание» он упомянул и в дневнике ²³. В число «избранных» предстояло войти Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии и Франции, а также США, Японии и Голландии. Петербург мог бы предложить им уполномочить по одному или по два лица от каждой для участия в негласном совещании, которое должно было состояться в здании императорского посольства в Париже под руководством посла Нелидова.

Смысл данного секретного обсуждения, по задумке Мартенса, состоял в предварительном согласовании вопросов: о времени созыва конференции, о программе и порядке делопроизводства, а также о выборе председателя и создании отдельных комиссий. Из программы следовало исключить «слишком опасные» проблемы и включить практически осуществимые. «Но на этом совещании никоим образом не должны были бы приниматься какие-либо решения по существу поставленных в программу вопросов», — подчеркивал автор предложения.

Выгоду от его осуществления Мартенс усматривал тройкую. Во-первых, если участники выскажутся в пользу отсрочки конференции, Россия объявит о своей непричастности к такому повороту дела. Во-вторых, поскольку уже выяснилось наличие разногласий по проблемам разоружения, доктрине Драго и другим, правительства смогут «решительно отказаться от таких щекотливых вопросов, ссылаясь на обмен мыслей, происходивших в Париже и доказавший полную невозможность успешного их решения на будущей конференции». Наконец, у России появится шанс «создать твердую почву для соглашения, по меньшей мере, с некоторыми великими державами для общих и согласных (последние два слова подчеркнуты в документе. — *И.Р.*) действий на Гаагской конференции».

Профессор поблагодарил министра, передавшего ему частные письма посланника в Гааге Н.В. Чарыкова, прочтя одно из которых, он окончательно убедился в практичности своего предложения. Опираясь лишь на дневниковые записи Мартенса, историк Пустогаров следует за ним в оценке и трактовке фактов и событий. На самом деле опус юриста являлся лишь качественной компиляцией тех выводов, к которым уже пришли его коллеги, и он повторял два их основных тезиса. Во-первых, раз высочайшая воля о созыве конференции объявлена всем народам цивилизованного мира, — она должна быть

исполнена. И, во-вторых, несмотря на внутривластные затруднения, отказаться от замысла нельзя без ущерба для международного престижа России, особенно учитывая попытки Рузвельта возобновить инициативу.

Дело в том, что именно в письме Чарыкова от 3 (16) мая 1906 г. и была впервые сформулирована мысль о «пользе создания среди 46-ти участников конференции — в большинстве экзотических — некоего внутреннего круга, который составил бы из главных европейских кабинетов (с присоединением, может быть, Вашингтонского и Токийского), и который путем предварительного дружеского интимного взаимного соглашения, дал бы тон и директиву всемирному съезду»²⁴. Таким образом, оригинальным в записке Мартенса было только обозначение места встречи — любимый им Париж. По словам юриста, замысел понравился министру, но даже ему, слабо представлявшему ситуацию, было ясно, что встреча не останется секретом и породит нежелательные толки. Извольский, как пишет в дневнике Мартенс, предложил ему самому посетить Берлин, Париж, Лондон, Рим, Вену и Гаагу, чтобы на месте обговорить подготовительные мероприятия²⁵.

Однако только желания Мартенса отправиться в заграничный вояж и согласия на это Извольского было недостаточно — требовалась санкция Николая II. Во всеподданнейшем докладе 18 (31) декабря 1906 г. констатировалась необходимость разрешить в начале 1907 г. вопрос о созыве конференции, и поскольку дипломатическая переписка не выявила действительных намерений великих держав, испрашивалось соизволение «командировать в европейские столицы лицо, вполне сведущее в этом деле, для личного обмена мыслей» по ряду важных проблем. Предлагалась кандидатура неопременного члена Совета МИД тайного советника Мартенса, участвовавшего в Первой конференции и вполне компетентного для разработки программы будущей²⁶.

В этом обычном бюрократическом документе самым любопытным является то, что его рукописный вариант — автограф Мартенса. В дневнике он отметил, что написал «записку в форме всеподданнейшего доклада»²⁷. Машинописный подлинник документа, подписанный Извольским, и с обычной пометой Николая II «Съ» («Согласен») — в точности, вплоть до пунктуации, совпадает с текстом Мартенса²⁸. Видимо, не вполне уверенный в том, что министр сможет убедительно обосновать необходимость такой миссии, хитроумный профессор собственноручно написал не только доклад, но и весьма пространную инструкцию²⁹. В ней очерчивался круг тем, которые посланцу Петербурга надлежало обсудить с ответственными лицами в каждой из европейских столиц.

В Берлине следовало заручиться благосклонным отношением германских правящих сфер к делу Второй конференции. В Париже — получить заверения союзницы оказать свое искреннее содействие во всех интересующих Петербург вопросах. В Лондоне — выяснить истинные намерения Англии в надежде, что она «займет положение, не исключающее возможности тех или иных компромиссов». Получить сочувствие Рима и Вены, позиции которых были для Петербурга менее важными, чем Берлина, Парижа и Лондона, казалось в высшей

степени полезным. В Гааге оставалось определить срок созыва форума — весну или лето 1907 г. — сообразуясь с желанием Голландии.

Главным затруднением оставалось согласование программы конференции. Эмиссару из России, прежде всего, следовало недвусмысленно объяснить с Лондоном и Вашингтоном об их намерении поставить на обсуждение вопрос о сокращении вооружений, который не был включен в русскую программу. Суть позиции Петербурга состояла в том, что правительство, оставаясь верным своим традициям и искренне сочувствуя предложениям практического характера, касающимся уменьшения военного бремени, не верит, что настоящая минута подходит для решения этого вопроса. «Оно считает вместе с тем совершенно бесплодной утопией всякие радикальные проекты всеобщего и полного разоружения и считало бы весьма нежелательным обременение Второй конференции подобными проектами».

Кроме того, Вашингтон предлагал дополнить русскую программу обсуждением так называемой «доктрины Драго» — вопросом о порядке финансовой ответственности правительств за убытки, которые терпят иностранцы. Эта тема была вызвана вооруженным вмешательством европейских государств в дела республик Южной Америки. Не будучи заинтересована в данном обсуждении, Россия могла бы высказаться за сохранение нынешнего порядка взыскания убытков. Тем самым Петербург оказывал услугу европейским кабинетам, рассчитывая получить их поддержку по другим пунктам программы.

Наиболее значимыми для России являлись три вопроса. Во-первых, заручиться поддержкой других держав в расширении пределов действия третейского международного разбирательства и совершенствовании его форм. Во-вторых, по вопросу о неприкосновенности частной собственности на море во время войны (не решенном на Первой конференции) предстояло выяснить, на чье содействие Петербург мог рассчитывать для сохранения права военных судов захватывать коммерческие корабли в военное время. Наконец, в целях обеспечения льготных правил правового положения морских судов воюющих держав в нейтральных портах следовало избегать строгого толкования нейтралитета. В конце инструкции выражалась уверенность, что «испытанная опытность и глубокие познания в сфере вопросов международного права» помогут Мартенсу с честью выполнить эту ответственную миссию. Как видим, в собственной компетентности профессор не сомневался.

19 декабря 1906 г. (1 января 1907 г.) царь утвердил всеподданнейший доклад, а неделю спустя Мартенс получил аудиенцию, в ходе которой Николай II выразил надежду на благоприятный исход конференции, несмотря на стремление германского императора ее провалить. Проблемы разоружения и неприкосновенности частной собственности на море казались монарху самыми серьезными. Он пожелал полного успеха миссии. 3 (16) января 1907 г. состоялась еще одна аудиенция, на которой Николай II подтвердил изначальную позицию: о полном разоружении не может быть и речи, а цель вояжа — лишь предварительный зондаж настроений великих европейских держав для согласования программы форума, которая обеспечила бы его успех.

«Итак, — с удовольствием записал Мартенс в дневнике, — мне опять приходится прокатиться по Европе и теперь буквально сделать

«une tournée». Со мной едет бар. Нольде». Вместе с тем у профессора сложилось мнение, что Николай II не отдавал себе полностью отчета во всех вопросах, а из прощальной беседы с министром он вынес впечатление, что тот не является сторонником франко-русского союза, а скорее склоняется на сторону Германии. Юрист же полагал нецелесообразным заключать с ней какое-либо формальное соглашение по поводу общей линии на будущей конференции, чтобы не осложнить отношений с Францией. Однако Извольский решительно заявил: «Германия великая военная и морская держава, с которой хорошо быть в союзе»³⁰.

Проблемы сокращения вооружений и смягчения англо-германского антагонизма вряд ли поддавались урегулированию. В противоборстве с Германией, активно осуществлявшей программу увеличения военно-морских сил, Англия была полна решимости отстаивать свое морское первенство. Но развитие флота требовало увеличения налогов, что не могло не вызывать сильнейшего противодействия в стране. С целью показать мировой общественности, что в гонке вооружений и, следовательно, росте налогового бремени, виновата Германия, глава пришедшего в 1906 г. к власти либерального кабинета Г. Кэмпбелл-Баннерман лично написал для лондонского журнала «Nation» статью «Гаагская конференция и ограничение вооружений». В ней прозвучал тезис о готовности Англии двигаться в таком направлении, чему препятствует политика Германии. Поэтому Лондон предложил включить в программу форума обсуждение вопроса об ограничении военных расходов, что поддерживал и Вашингтон.

Российским представителям в европейских столицах, извещенных о вояже Мартенса, предписывалось оказывать ему поддержку. Поскольку посетить Вашингтон было затруднительно, американскому послу в Берлине поручили встретиться с посланцем из России там³¹. На протяжении всей поездки Фёдор Фёдорович регулярно заносил в дневник свои эмоционально окрашенные впечатления, по большей части о внешней стороне визита. В депешах, телеграммах и личных письмах он весьма подробно информировал Извольского о ходе переговоров, которые вел, а также о своих наблюдениях и выводах³².

Выехав из Петербурга 6 (19) января 1907 г. Мартенс направился в Берлин — один из труднейших, как он считал, пунктов маршрута. Причиной являлись специфические отношения между Николаем II и Вильгельмом II и резко отрицательная позиция Германии на Первой конференции по вопросам разоружения и обязательного арбитража, которая не изменилась. По информации посла в Берлине графа Н.Д. Остен-Сакена, «Вильгельм II относится к конференции далеко не сочувственно». На следующий день, 10 (23) января, Мартенс убедился в этом в ходе встречи со статс-секретарем Г. Чиршки. Тот сообщил, что, приняв выработанную Россией программу, Германия выступит против включения в нее дополнительных пунктов (английского предложения). Мартенс пояснил, что Петербург не видит средств помешать его обсуждению, и, пытаясь смягчить позицию Берлина, предложил не отвергать с порога предложение, а передать на рассмотрение в военную комиссию, поскольку «в интересах самих правительств хоронить его со всеми почестями». Но аргументы Мартенса не подействовали³³.

В тот же день на встрече с американским послом в Берлине Ш. Тауером Мартенс заявил о готовности Петербурга внести в программу конференции дополнительные вопросы. Вместе с тем, он отметил, что «всякое правительство, выступающее с новыми предложениями, должно взвесить, найдут ли таковые поддержку других держав», поскольку в противном случае вероятны негативные для успеха конференции разногласия. Накануне отъезда из Берлина он с удовольствием узнал, что Вашингтон скорректировал позицию, и послу поручили ограничиться беседой о сроке и организации форума³⁴.

В депеше Извольскому Мартенс подробнее изложил взгляды германских дипломатов, которые высказывались против признания обязательного арбитража, но за сепаратные соглашения с отдельными государствами. Кроме того они предлагали сохранить право захвата коммерческих судов во время войны и надеялись «заставить Англию отказаться от традиционного эгоистического толкования права морской войны исключительно в свою пользу и во вред нейтральным»³⁵.

На большом придворном балу 18 (31) января Вильгельм II весьма любезно беседовал с российским представителем и даже заметил, что в зале Гагской конференции должен быть представлен портрет профессора, объезжающего Европу с «пальмовой ветвью мира». Вовсе лишенный чувства юмора, эмиссар на это сухо ответил, что лишь выполняет свой долг. Кайзер осведомился о дальнейшем маршруте поездки, и Мартенс выразил готовность на обратном пути снова посетить германскую столицу, чтобы сообщить о результатах вояжа. Он задумал этот трюк заранее и поэтому купил билет из Вены, конечного пункта маршрута, не прямо в Петербург, а через Берлин. Это устраивало кайзера, который и сам хотел бы получить информацию из первых рук. Мартенс уехал с убеждением, что в Берлине «хотят воспользоваться Гагской конференцией, чтоб нанести маленькие удары не России, но — Англии, которую не любят»³⁶.

19 января (1 февраля) дипломат прибыл в Париж, где провел девять дней. Он встретился с Нелидовым, пригласившим его на обед с французскими министрами и дипломатами, получил аудиенцию у президента К. Фальера, а позже — приглашение на завтрак в кругу его семьи. Президент, как и ожидалось, не верил в практические меры по разоружению. Побывал Мартенс также в Сенате, Палате депутатов и в Академии³⁷. Обстоятельный деловой разговор состоялся у него с министром иностранных дел С. Пишоном, который полагал невозможным воспрепятствовать постановке на обсуждение вопроса об ограничении вооружений, и предлагал «достойно его похоронить» в одной из комиссий совместно с Россией и другими державами. По внутриполитическим соображениям правительству приходилось считаться с могущественной социалистической партией, исповедовавшей антимилитаризм, и выступление министерства против проекта ограничения вооружений грозило ему падением³⁸.

Продолжительная беседа состоялась у Мартенса с известным юристом Л. Буржуа, одним из делегатов на будущем форуме. Он считал озвучивание там проекта об ограничении вооружений в «высшей степени желательным и полезным» несмотря на невозможность его реализовать. По его мнению, «даже платоническая манифестация в пользу идеи сокращения военного бремени окажет свою пользу», не позво-

лив забыть о сделанном Россией почине. Буржуа полагал, что Вильгельм II не захочет сорвать конференцию из-за этого проекта, а конфронтации можно избежать, поставив его обсуждение «в совершенно ограниченные рамки» в комиссии военных специалистов. Кроме того, он предлагал выработать текст резолюции, тождественной принятой в 1899 г., переадресовав решение вопроса на усмотрение Третьей конференции³⁹.

В Лондоне Мартенс остановился в «Карлтон-отеле» — лучшем из всех, в которых ему приходилось жить во время долгих странствий по миру. Посол граф А.К. Бенкендорф в те дни отсутствовал, поэтому профессор лишь позавтракал с поверенным в делах С.А. Поклевским-Козелл. 30 января (12 февраля) Мартенс почти два часа вел переговоры с министром иностранных дел Англии Э. Греем. Он плохо владел французским — языком тогдашней дипломатии — поэтому беседа велась на английском. Министр подчеркнул, что активное военно-морское строительство Германии вынуждает к этому и Англию. «Если, — сказал он, — Германия строит два новых военных судна, мы должны строить четыре. Если они четыре, мы — шесть или восемь. Таким образом, эти вооружения идут крещендо, и сказать, чем это закончится — никто не может». Поэтому Грей полагал, что обсуждение вопроса об ограничении вооружений подготовит материал для решения его в будущем. На этот тезис Мартенс не нашел, что возразить⁴⁰.

В донесении посланника Извольскому позиция Грея вырисовывается рельефнее. Не предполагая поднимать вопрос о полном разоружении, Лондон имел в виду лишь приостановку увеличения морских бюджетов. При этом Англия намерена была или поддержать такое предложение со стороны других держав, или выступить с ним самостоятельно. Конфиденциально министр прибавил, что «английское правительство желало бы устранить соперничество с Германией в деле морских вооружений», «но отдает себе полный отчет в невозможности предложить какие-либо ограничения, которые затруднили бы для России необходимость постройки военных судов»⁴¹.

Профессор остался весьма доволен оказанным ему приемом: завтраком у премьер-министра Г. Кэмпбелл-Баннермана и знакомством с членами кабинета министров, присутствием на церемонии открытия сессии парламента, где ему «дали очень хорошее место на галерее для прессы». 2 (15) февраля эмиссара из России в своем кабинете принял король Эдуард VII. В результате получасовой беседы у камин у Мартенса сложилось впечатление, что изолировать Германию и ее императора является заветной целью короля. Он скептически относился к предложению правительства дебатировать жгучий вопрос о разоружении, но как конституционный монарх, не желал вмешиваться в решения кабинета министров. По словам присутствовавшего на встрече Грея, английское правительство твердо намеревалось обсуждать проблему ограничения в будущем военных бюджетов, как флота, так и армии. Вместе с тем Лондон выражал готовность согласовать с Петербургом форму, в которой вопрос будет включен в программу при окончательном приглашении держав⁴².

В целом положительные впечатления от встречи омрачил забавный казус. Утром в день отъезда эмиссара из России получил пригла-

шение короля на обед, который должен был состояться вечером. Правда, высокая честь сопровождалась напоминанием о необходимости явиться в особом костюме — «лакейские короткие панталоны и туфли» — раздраженно записал он в дневнике. Такого наряда у Мартенса не было, от предложения Поклевского предоставить свой костюм, профессор категорически отказался, а поскольку в субботу магазины закрывались рано, а мастерские не работали, российскому поверенному в делах пришлось обратиться к гофмаршалу королевского двора. Тот доложил дело королю, который разрешил прийти в длинных брюках. Обед искупил страдания. «Меня очень хорошо посадили, — отметил в дневнике Мартенс, — по правой руке от короля дуайен дипломатического корпуса Поль Камбон. Подле последнего первый министр сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман и затем я. Обед был блестящий по сервировке и кулинарному искусству»⁴³.

Германские послы в Лондоне и Париже проявляли, по словам Мартенса, «самый настойчивый интерес» к результатам его миссии. Наиболее влиятельные органы британской печати посвящали ей обширные статьи. Ссылаясь на требования общественного мнения, Грей при второй встрече с эмиссаром из России решительно заявил: «Бремя военных расходов настолько тягостно, что на обязанности правительства лежит возбуждение вопроса об его облегчении, не дожидаясь, чтобы инициатива принята была на себя народными массами, враждебными существующему государственному порядку». Поэтому в Лондоне определенно подтвердили готовность представить на обсуждение конференции проект ограничения вооружений, не скрывая от себя, что он «не может рассчитывать на какой-либо успех». Этот вопрос, по словам Грея, настолько важен, что «даже академическое его обсуждение в высшей степени полезно, подготавливая возможность практического его решения в будущем»⁴⁴.

В Гааге с 4 (17) по 8 (21) февраля Мартенс был принят королевой, принцем, королевой-матерью. «Кормили меня с утра до вечера», — записал он в дневнике о многочисленных завтраках, обедах и раутах в его честь. Но главное — в нидерландской столице была окончательно согласована дата открытия конференции — 1 (14) июня и процедура ее созыва. После получения из Петербурга циркуляра с окончательной программой голландское правительство, не дожидаясь ответов держав, отправило им приглашения. Перед началом работы форума, не участвовавшие в Первой конференции державы, должны были присоединиться к конвенции 1899 г. о мирном решении международных столкновений⁴⁵.

Переговоры в Риме проходили с 10 (23) по 15 (28) февраля. Мартенс был польщен тем, что итальянский король, который принял его 13 (26) февраля, выказал знакомство с его научными трудами и практической деятельностью. Виктор-Эммануил III, явно сочувственно относившийся к идее разоружения, высказался за обсуждение ее на конференции даже, если оно не принесет никаких положительных результатов в ближайшем будущем. Он подробно изложил свои соображения о вреде нынешней системы вооруженного мира, особенно в области военно-морского соперничества держав. Король даже предложил заключить международный договор о максимальном тоннаже военных судов, чтобы ограничить вредный рост расходов на флот⁴⁶.

В тот же день премьер-министр Т. Титтони дал обед в честь профессора права, а на следующий день долго беседовал с ним. Стало ясно, что итальянское правительство не последует за Германией, блокирующей постановку вопроса о сокращении вооружений. В том же духе высказался испанский посол в Риме, с которым там же переговорил Мартенс, поэтому необходимость поездки в Мадрид отпала ⁴⁷.

Но в Вене, куда Мартенс прибыл 17 февраля (2 марта), российский посол Л.П. Урусов подтвердил: Австро-Венгрия следует в германском фарватере. На аудиенции император Франц-Иосиф II высказался против замысла Лондона, а на контрдоводы российского эмиссара не отреагировал. Беседа с министром иностранных дел бароном А. фон Эренталем была более детальной, но Мартенс пришел к выводу, что из Берлина дан сигнал: не соглашаться выносить на обсуждение английское предложение. В Вене даже зондировали возможность вместо проведения конференции заключить соглашение между Россией, Германией и Австро-Венгрией о сокращении своих армий ⁴⁸. Однако в Берлине появилась надежда: 22 февраля (7 марта), выслушав информацию о поездке, Вильгельм II пошел на уступку в щекотливом вопросе, не настаивая на исключении его из программы ⁴⁹.

Оценки успешности миссии Мартенса разнились. Одни современники отмечали ее важность для подготовки конференции. «Я близко видел, с каким вниманием и уважением встречала его вся официальная Европа», — вспоминал Нольде ⁵⁰. Другие подчеркивали неудачи, в частности то, что Мартенсом остались недовольны и в Берлине, и в Петербурге. И там, и там полагали, что в ходе бесед он слишком выдвигал на первый план свою личность ⁵¹. По мнению Пустогарова, поездка Мартенса имела широкий резонанс, став сенсационной. Ведь впервые, в целях подготовки международной конференции такого масштаба, столицы европейских держав целенаправленно посетил специальный посланник страны-инициатора, выступавший «в роли посла по особым поручениям». Тогда это было ново и необычно ⁵². Личный авторитет, несомненно, придавал дополнительный вес турне Мартенса, но вряд ли существенно повлиял на ход всего дела. Сбор информации и уточнение позиций, безусловно, были полезными для подготовки форума, а международный резонанс, вызванный поездкой, способствовал повышению интереса к нему. Во всяком случае, пресса внимательно отслеживала и доводила до сведения современников внешнюю сторону приема Мартенса в европейских столицах.

В Петербург он возвратился довольный результатами вояжа и представил министру детальный отчет, в котором с удовлетворением констатировал положительное отношение всех девяти правительств к проведению форума, а также их готовность принять деятельное участие в обсуждении вопросов, включенных в русскую программу ⁵³. Отметил он и особое нетерпение германского правительства в ходе конференции «заставить англичан под нравственным давлением единодушного натиска континентальных держав отказаться от средневековых обычаев морской войны, которых они до сих пор держатся». Все правительства устраивал и срок созыва форума — лето 1907 года.

Трудности касались организационных вопросов, и здесь выявились, по словам Мартенса, «большие недоразумения и странные опасения». Так, малые державы интересовало: будут ли все пользоваться

одинаковым правом голоса и участием в прениях, тогда как в Берлине и Вене опасались, что эти государства смогут решать дела «противно взглядам и воле великих держав». Юрист разъяснил, что, согласно практике международных конгрессов и конференций, за каждым правительством сохраняется право свободы действий — присоединиться к общим решениям или их отвергать. Все приглашенные приняли за основу обсуждения на предстоящей конференции русскую программу, и только Лондон и Вашингтон оставили за собой право прибавить к ней два вопроса: об ограничении вооружений и ненасильственном принуждении должников выполнять обязательства.

Серьезного внимания заслуживал только первый из них. Мартенс выяснил спектр мнений по данному вопросу. Германия и Австро-Венгрия возражали против самой его постановки; Англия, Соединенные Штаты, Испания и Италия — открыто поддерживали обсуждение; Россия и Франция, не желавшие этого, не видели возможности ему воспрепятствовать. Полное согласие царило лишь в одном: «Никто не желает посягнуть на внутреннюю автономию государств в области организации их сухопутных и морских сил, и никто не помышляет о возможности достигнуть поставленной идеально-гуманной цели в ближайшем будущем». Более того, в Вене Мартенсу говорили о понимании причин, побудивших Петербург исключить этот вопрос из программы, так как для него не может быть и речи о каком-либо сокращении вооружений после только что окончившейся войны. «Россия обязана всеми силами восстановить свой флот и свою армию», это ее право и ее долг.

Но поскольку в 1899 г. в заключительном протоколе была зафиксирована резолюция о желательности изучить возможность ограничить сухопутные и морские силы держав и их военные бюджеты, этот вопрос должен быть рассмотрен на конференции — утверждали в Лондоне. Там полагали, что академическое и беспристрастное его обсуждение не причинит никакого вреда, а Петербург, не включивший его в программу, не может помешать сделать это другой державе.

В заключение отчета профессор права четко обозначил дилемму: «С точки зрения исторической последовательности Россия не может стать в лагерь противников возбуждения вопроса об облегчении военных расходов; с точки зрения своего современного положения она не может ни сама вновь возбуждать этого вопроса, ни сочувствовать положительному его решению, что вообще немыслимо». Мартенс предлагал сообщить об англо-американском дополнении к программе всем державам, а затем условиться с ними о том, как лучше его заблокировать. В целом для России, по его мнению, исход был только один — «оставаться в своем нынешнем нейтральном и почетном положении; не вступать в лагерь Германии и не присоединяться открыто на сторону Англии». Именно такую позицию в сложившейся расстановке сил на международной арене и пытался занять Петербург. Однако опыт показал, что долго сидеть на двух стульях неудобно и бесперспективно.

Устно Мартенс доложил Извольскому о договоренности с германским императором, что тот не будет ставить непременно условием участия его страны в конференции исключение из программы обсуждения вопроса о сокращении вооружений. Но на следующий

день в МИД поступил меморандум с полным отказом от того, что кайзер говорил посланцу. «О, подлецы!» — негодовал Мартенс, констатировав отчаяние Извольского. Министр, по верной оценке профессора, увидел в таком повороте дела «желание Вильгельма II поссорить Россию с Англией». Опасаясь Германии, Извольский, по словам Мартенса, «за ней ухаживает, как за хорошей женщиной», и «не может выйти из под влияния Вильгельма II, перед которым преклоняется». Цель кайзера он видел в том, чтобы, используя английское предложение, заставить Россию идти заодно с Германией ⁵⁴.

Между тем в планы Извольского вовсе не входило обострять отношения с Англией, поскольку Петербург и Лондон вели интенсивные переговоры о размежевании сфер влияния в Персии. Пытаясь сохранить баланс, министр постоянно лавировал, стараясь избежать поспешных и ложных шагов. Он понимал, что в условиях внутривнутриполитического кризиса в стране как никогда была необходима стабильность на внешнем периметре.

Дипломатическая переписка для согласования и уточнения позиций возобновилась. Но дело, по мнению Мартенса, буксовало. Извольский то и дело браковал тексты составленных профессором телеграмм, пытаясь увильнуть от созыва конференции, бранил покойного графа Ламздорфа и его помощников, забывая, что «все было сделано именем государя и России». Мартенс доказывал, что нельзя отступать, раз 47 государствам разосланы приглашения, которые приняты. Однако министр мешкал. 13 (26) марта он доложил, наконец, царю проект циркуляра, который и был подписан. Мартенс думал, что дело решено, но Берлин потребовал внести изменения в документ. Извольский несколько раз менял текст ноты, но ее так и не отправили ⁵⁵. Под давлением Берлина и Вены в ноте все отчетливее проступало совпадение позиций трех империй.

16 (29) марта Николай II принял Мартенса, который снова объяснил царю «безвредность английского предложения» и бессмысленность оппозиции Берлина и Вены постановке этого вопроса на конференции. Николай II вроде бы согласился, но, поскольку германский и австрийский послы убеждали его отклонить предложение Лондона, монарх склонялся к мысли отложить конференцию. Мартенс, с большой энергией убеждал Николая II в том, что отказ стал бы великим скандалом, и проект, наконец, был утвержден. Третий циркуляр державам направили 20 марта (2 апреля) 1907 года. В его новой редакции подчеркивалась полная солидарность взглядов российского, германского и австрийского императоров, а также право этих держав отказаться от обсуждения «непрактичных» предложений, то есть английского предложения о разоружении.

К этому времени в МИД был окончательно согласован состав русской делегации. В нее вошли три полномочных делегата — Нелидов, Мартенс и Чарыков. Среди технических делегатов был и барон Нольде. Подготовленную для уполномоченных инструкцию разослали ведомствам для согласования. По договоренности с нидерландским правительством председателем конференции провозгласили первого русского уполномоченного Нелидова, который получил специальную инструкцию. В ней подчеркивался приоритет русского правительства в деле пропаганды идей международного мира. Задача делегатов заклю-

чалась в том, чтобы «конференция кончилась успешно и чтобы решения, к которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могущих стеснить ее будущее развитие и давая вместе с тем возможность, пользоваться благами международного правопорядка». В заключение документа отмечалось, что «после войны 1904—1905 гг. России в первый раз приходится выступать здесь в вопросах мирового интереса в руководящей и ответственной роли».

Европейское турне Мартенса явилось лишь одним из этапов подготовки Второй конференции мира, но не определяло ее результатов. Слишком разнились интересы держав, все острее становилось соперничество между ними, стремительно нарастала гонка вооружений. На их сокращение или хотя бы сдерживание в тех условиях рассчитывать было невозможно. На конференции не удалось добиться общего согласия на признание обязательного международного арбитража и создания постоянного международного суда, так же, как и выработать свод законов и обычаев ведения морской войны, аналогичный тому, который был оформлен в отношении войны сухопутной.

Первая конференция мира довела до логического конца дело, начатое в 1874 г. в Брюсселе, и в этом была большая заслуга Мартенса. Принятая в 1899 г. конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, вносила в них некоторую правовую регламентацию. Это принципиальное положение зафиксировано в части преамбулы, по традиции именуемой «декларацией Мартенса». Она гласит: «Население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Формула, предложенная Мартенсом, носила компромиссный характер. Как всякие компромиссы, которые, по верному замечанию В.М. Гессена, дают основание для критики с обоих флангов, поскольку «не удовлетворяют вполне ничьих интересов и желаний»⁵⁶, она была принята именно благодаря этому, и оказалась достаточно жизнеспособной. С некоторыми редакционными изменениями она воспроизведена в преамбуле IV Гагской конвенции 1907 г. и, в своей основе, — в пункте 2 статьи 1 Первого дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 года.

Современные юристы-международники, подчеркивая это обстоятельство, утверждают: «Декларация Мартенса, сформулировав главную идею системы права вооруженных конфликтов, служит фундаментом для формулирования многих его основных принципов и одновременно определяет тенденции развития данной правовой системы»⁵⁷. Автор документа ликовав: «Я сам не ожидал такого блестящего успеха. Брюссельская декларация — мое любимое детище 1874 г. — из незаконного ребенка сделалось законным и всеми признанным! Какой восторг! Какая радость!»⁵⁸ Вполне адекватно звучит самооценка Мартенсом собственных деяний: «Я спокойно могу закрыть свои глаза. Ни в России, ни во всем остальном мире меня не забудут после моей смерти, и моя деятельность на пользу развития международного права не будет забыта»⁵⁹.

Примечания

1. В наши дни он переиздан.
2. ПУСТОГАРОВ В.В. «... С пальмовой ветвью мира». Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. М. 1993, с. 6—7.
3. КРОСС Я. Раквересский роман. Уход профессора Мартенса. М. 1989.
4. ТАУБЕ М.А. Ф.Ф. Мартенс (1845—1909). Некролог. СПб. 1909; НОЛЬДЕ Б.Э. Ф.Ф. Мартенс. — Русская мысль. М. 1909. Декабрь.
5. Небольшие фрагменты дневников опубликовала Е.А. Чиркова. См.: Международная жизнь. 1996, № 1,2,4; 1997, № 4.
6. ГОЛИКОВ А.Г., КРУГЛОВА Т.А. Методика работы с историческими источниками. М. 2014, с. 169.
7. МАРТЕНС Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб. 1879.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е., т. XVII. 1897 г., с. 455—458, № 14 770.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 340, оп. 787, д. 4, л. 80, 84, 86об.—87об.
10. Там же, д. 5, л. 5—6.
11. Там же, л. 1, 8—9, 14.
12. Там же, л. 16об.—17, 19—20.
13. Там же, д. 4, л. 33.
14. Там же, д. 5, л. 20об.
15. Конвенции и декларации, подписанные на конференции мира в Гааге 17(29) июля 1899 года. СПб. 1900.
16. АСТАФЬЕВ И.И. Русско-германские отношения 1905—1911 гг.: от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. М. 1972, с. 29—59.
17. Ю.В. Лунёва не точно датирует начало инициативы 9 (22) октября 1904 г. рассылкой циркуляра Д. Хэя. См.: ЛУНЁВА Ю.В. За кулисами Гаагских мирных конференций. — Международная жизнь. История без купюр. М. 2011, с. 169.
18. В.В. Пустогаров ошибочно приписывает этот факт только смене министров иностранных дел России. См. ПУСТОГАРОВ В.В. Ук. соч., с. 245.
19. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 5036, л. 98.
20. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 101, 102.
21. Там же, л. 103—104.
22. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4946, л. 15—16, 17—23об.
23. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 104.
24. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4946, л. 1об. —2.
25. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 104.
26. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4946, л. 25—26.
27. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 104.
28. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 5036, л. 109—111.
29. Там же, д. 4947, л. 24—27об.
30. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 105.
31. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4947, л. 5об., 12; д. 5036, л. 112.
32. Там же, д. 4951.
33. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 106.
34. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4949, л. 5—5об., 22об.
35. Там же, д. 4951, л. 20—22.
36. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 107.
37. Там же, л. 108.
38. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4951, л. 23—26.
39. Там же, д. 4949, л. 27—28.
40. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 110.
41. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4951, л. 29—30.
42. Там же, д. 4949, л. 35—35об.

43. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 112—113.
44. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4951, л. 32—33об.
45. Там же, л. 38—39.
46. Там же, л. 44—45.
47. Там же, л. 41, 47об.
48. Там же, л. 63—65; ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 115.
49. Там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 4949, л. 55—55об., 60.
50. НОЛЬДЕ Б.Э. Ф.Ф. Мартенс. — Русская мысль. М. 1909, декабрь, с. 22.
51. WENBEG H. Friedrich v. Martens und die Haager Friedenskonferenzen. — Zeitschrift Internationales Recht. Bd. XX. Düsseldorf. 1910, S. 356.
52. ПУСТОГАРОВ В.В. Ук. соч., с. 253—255.
53. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 470, 1907 г., д. 42, л. 68—75об.
54. Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 116.
55. Там же, л. 117.
56. ГЕССЕН В.М. О значении гаагской конференции. — Журнал министерства юстиции. 1907, № 3, с. 86.
57. ПОЛТОРАК Л.И., САВИНСКИЙ Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М. 1976, с. 120.
58. АВП РИ, ф. 340, оп. 787, д. 5, л. 52об.
59. Там же, д. 7, л. 85.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201808Shkola01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«191»

Советско-германский пакт о ненападении 1939 г.: узловые моменты дискуссий

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена проблематике изучения роли и места советско-германского пакта о ненападении 1939 г. в предвоенной истории. Автор выделяет ключевые дискуссионные моменты, на которые следует обратить особое внимание в контексте преподавания данной темы в школе.

Ключевые слова: Россия, вторая мировая война, СССР, И.В. Сталин, В.М. Молотов, Пакт Молотова-Риббентропа, Германия, нацизм, И. фон Риббентроп, Европа, Великобритания, Н. Чемберлен, международные отношения, Франция, Италия, США, Китай, Япония

Abstract. The publication is devoted to the history of Molotov-Ribbentrop Pact of 1939. The author stresses the necessity of the objective approach to the problem under discussion.

Key words: Russia, World War II, Soviet Union, I. Stalin, V. Molotov, Molotov-Ribbentrop Pact, Germany, Nazism, Joachim von Ribbentrop, Europe, Great Britain, Neville Chamberlain, international relations, France, Italy, USA, China, Japan.

Сегодня в центре нашего внимания — проблема советско-германского пакта о ненападении, заключенного 23 августа 1939 г. в Москве. Анализ данного документа, его предыстории и последствий традиционно вызывает едва ли не наибольшие сложности в контексте преподавания истории второй мировой войны и политики Советского Союза. Диапазон существующих оценок даже в научной литературе, не говоря уже о публицистических статьях, зашкаливает и вряд ли способствует объективному пониманию проблемы, тем более ее изложению в стенах средней школы.

В данной публикации представляется наиболее желательным построить изложение темы в соответствии со следующими направлениями.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Первое. Историческая обстановка, сложившаяся в Европе в августе 1939 г., в первую очередь в связи с нарастанием общей военно-политической напряженности в условиях провала переговоров между СССР, Великобританией и Францией. Несмотря на существующие в отечественной историографии мнения об отсутствии в советском руководстве в то время четкого и ясного понимания целей и интересов нацистской Германии и даже о прогерманских симпатиях у партийно-политических лидеров страны и ведущих дипломатов, факты свидетельствуют об обратном. Ключевые советские дипломаты еще за несколько месяцев до заключения советско-германского пакта четко просчитывали возможные сценарии дальнейшего развития событий. Показательные оценки содержались, в частности, в секретном письме полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского народному комиссару иностранных дел М.М. Литвинову от 10 февраля 1939 года: «На ближайший период, скажем, до конца текущего года или, во всяком случае, до середины текущего года, в распоряжении Чемберлена нет таких “третьих стран”, которые можно было бы сравнительно легко и удобно бросить, как кость, фашистским агрессорам. Быстро приближается момент, когда Чемберлену придется откупаться либо за счет Британской империи, либо за счет таких стран (Франция, Бельгия, Голландия), к судьбе которых, по соображениям самого эгоистического свойства, он не может быть слишком равнодушен». «Политическая атмосфера в данный момент, после побед Франко и полного поглощения Чехословакии, также в высшей степени благоприятна для фашистских авантюр, — неизвестно, удержится ли она до будущего года. Равным образом неизвестно, сохранится ли до того времени у власти Чемберлен (Невилл Чемберлен — премьер-министр Великобритании. — *П.И.*) — этот важнейший союзник Гитлера и Муссолини, а также останется ли в силе тот раскол между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР, с другой, который сейчас так облегчает Германии и Италии свободное маневрирование на европейской арене. Все эти и им подобные соображения должны, мне кажется, толкать Гитлера и Муссолини к большей активности именно теперь, пока еще не поздно, в 1939 г.» — делал обоснованный вывод Майский ¹.

Оценки советского дипломатического представителя в Лондоне в отношении Великобритании и лично британского премьер-министра Н. Чемберлена получили подтверждение в ходе развития событий на протяжении 1939 года. В своем секретном письме председателю Совета народных комиссаров и народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову от 11 декабря 1939 г. (то есть спустя три с половиной месяца после заключения советско-германского пакта) Майский указывал: «С одной стороны, англо-французы боялись агрессии и ввиду этого хотели иметь пакт о взаимопомощи с СССР, но, с другой стороны, те же англо-французы опасались, что такой пакт может усилить Советский Союз, а это никак не входило в их расчеты. В конечном итоге данное опасение взяло верх, и переговоры закончились полным крахом. Окидывая одним общим взглядом позицию британского правительства в отношении СССР за последние 3,5 месяца, необходимо

констатировать, что внутренняя противоречивость ее осталась в полной силе. Однако в обстановке войны эта противоречивость стала выражаться в несколько иных формах, чем раньше.

... С одной стороны, правящие круги Великобритании за рассматриваемый период были полны чувством глубокой ненависти к СССР. Эта ненависть не представляет собой чего-либо нового. Она является естественным и неизбежным продуктом этого классового чувства, которое так сильно развито в руководящих элементах английской буржуазии и которое неоднократно находило свое выражение и в прошлом. Однако хронически застарелая ненависть к СССР с начала войны приобрела особые остроту и напряженность. Объяснялось это тем, что крах летних переговоров с СССР явился вместе с тем крахом всей политики Чемберлена, которая в основном сводилась к тому, чтобы столкнуть Германию с СССР и, таким образом, развязать войну на Востоке. Вместо этого война развязалась на Западе.

... Подводя итоги развитию советско-английских отношений за минувшие 3,5 месяца, необходимо констатировать их серьезное ухудшение. Это не значит, конечно, что они вошли уже в такую стадию, когда никакое улучшение больше невозможно. Однако состояние англо-советских отношений в настоящее время таково, что, если тенденция, определявшая их развитие с начала войны, останется в силе и если в игру в ближайшем будущем не войдут какие-либо новые факторы, нельзя исключать перспективы острых конфликтов и даже открытого разрыва между обеими странами. Как и во время летних переговоров, антисоветский момент может в конце концов преодолеть все прочие тактические соображения английской правящей верхушки»².

Что характерно — понимание пагубности политики западноевропейских держав в отношении Гитлера и СССР присутствовало и в эмигрантских кругах. В частности, бывший посол российского Временного правительства во Франции (не успевший, правда, вручить в Париже верительные грамоты) В.А. Маклаков писал 28 марта 1940 г. из французской столицы бывшему посланнику России в Греции Е.П. Демидову: «Я старался... указывать только на то, что бесспорно и чего в Европе понять все же не хотят: а именно на то, что распадение России прежде всего невыгодно для самих союзников, что всякая попытка ее ослабить пойдет на пользу Германии и что за нее впоследствии заплатят они — союзники. Думая об этом, положительно поражаешься близорукости всей европейской политики за многие годы и глупому отношению ее к России»³.

Второе. В процессе подготовки советско-германского пакта о ненападении руководству СССР удалось максимально обеспечить собственные интересы в Европе на случай возникновения общеевропейской войны. В том, что такая война начнется, в Москве объективно не сомневались; дискуссии шли лишь о сроках ее начала.

Самолет с главой германского внешнеполитического ведомства Иоахимом фон Риббентропом прилетел в Москву в полдень 23 августа 1939 года. Встреча главы германского Министерства иностранных дел со Сталиным и председателем Совета народных комиссаров, народным комиссаром иностранных дел СССР Молотовым продол-

жалась три часа. По свидетельству присутствовавшего на встрече личного переводчика Сталина, В. Павлова, когда началось обсуждение проекта документа, советский лидер заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». После этого он изложил содержание будущего секретного протокола о разделе сфер обоюдных интересов с точки зрения интересов России.

И. фон Риббентроп принял все условия Сталина, за исключением требования о включении в «сферу интересов» СССР латвийских портов Лиепая и Вентспилс. Однако после осуществленного в тот же день экстренного обмена телеграммами с Гитлером германская сторона уступила и в этом вопросе. Комментируя достигнутое соглашение, глава германского внешнеполитического ведомства подчеркивал: «Между Балтийским и Чёрным морями нет проблемы, которая не могла бы быть разрешена нашими двумя странами»⁴.

В итоге подписанные 23 августа 1939 г. в Москве советско-германские договоренности представляли собой два документа: собственно договор о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему.

Вот как описывала достижение первого соглашения газета «Правда» от 24 августа 1939 г.: «23-го августа в 3 часа 30 мин. состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

“Правительство СССР и Правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию

Правительства СССР

В. Молотов

За правительство

Германии

И. Риббентроп»⁵.

Секретный дополнительный протокол к договору, согласно распоряжению Сталина, не был опубликован. Данный документ гласил:

«По случаю подписания Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За Правительство

Германии

И. Риббентроп

Полномочный

Представитель

Правительства СССР

В. Молотов»⁶.

Как обоснованно отмечает в данной связи российский исследователь М.И. Мельтюхов, благодаря соглашению с Германией СССР впервые за всю свою историю получил признание своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Советскому Союзу удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Великобритании и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке. Разумеется, за это СССР пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду⁷.

В своем первом с момента начала Великой Отечественной войны выступлении по радио 3 июля 1941 г. председатель Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталин следующим образом охарактеризовал значение уже не действовавшего к тому времени советско-германского пакта о ненападении:

«Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение ко-

роткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией»⁸.

Третье. Советский Союз изначально рассматривал заключение соглашения с Германией не только в плане обеспечения собственной безопасности, но и в более широком общеевропейском контексте в условиях обострения военно-политической ситуации на континенте и вокруг него. Никаких особых иллюзий насчет политики Германии и ее сателлитов в Москве не питали. О подходе СССР можно судить по следующему фрагменту из отчетного доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. (за полгода до заключения пакта о ненападении с Германией):

«... В наше время не так-то легко сорваться сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам известно это достаточно хорошо. Известно это также фашистским заправилам. Поэтому фашистские заправила, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т.е. ввести его в заблуждение, обмануть его.

Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! “У нас” нет никакого военного блока. “У нас” всего-навсего безобидная “ось Берлин-Рим”, т.е. некоторая геометрическая формула насчет оси. (Смех.)

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! “У нас” нет никакого военного блока. “У нас” всего-навсего безобидный “треугольник Берлин-Рим-Токио”, т.е. маленькое увлечение геометрией. (Общий смех.)

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! “Мы” ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте “антикоминтерновский пакт”, заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господ аггрессоры, хотя не трудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать “очаги” Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в джунглях испанского Марокко. (Смех.)

Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими “осями”, “треугольниками” и “анти-коминтерновскими пактами” невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию, — все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок аггрессоров — военным блоком, а аггрессоры — аггрессорами.

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно, нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну, и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию “нейтралитета”.

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: “Пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами”. На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, “в интересах мира”, и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!

Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании “похода на Советскую

Украину”, сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их “разочаровали”, так как вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализовать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т.п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства»⁹.

Четвертое. Достижению соглашения ССР и Германии предшествовала тщательная дипломатическая подготовка, прежде всего, на уровне министерств иностранных дел обеих стран — от «зондирования» общего настроения до формулирования конкретных вопросов повестки двусторонних отношений, которые могут и должны быть урегулированы. Так, еще 17 апреля 1939 г. статс-секретарь внешнеполитического ведомства Германии фон Вейцзекер сообщал в меморандуме о состоявшейся у него встрече с полномочным представителем СССР в Германии А.Ф. Мерекаловым следующее:

«Русский посол — в первый раз с тех пор, как он получил здесь свой пост, — посетил меня для беседы, касавшейся ряда практических вопросов. Он подробно остановился на вопросе, который, как он сказал, кажется ему особенно важным, а именно — о выполнении заводами “Шкода” определенных контрактов на поставку военных материалов. Хотя сами товары, о которых идет речь, явно не представляют собой особой ценности, посол рассматривает выполнение обязательств как проверку того, действительно ли мы желаем, в соответствии с недавним заявлением, сделанным ему начальником отдела министерства Вилем, поощрять и расширять наши экономические отношения с Россией. Вопрос об этих контрактных поставках будет далее рассмотрен в другой инстанции.

В конце разговора я намекнул полпреду на то, что сообщения о русско-англо-французском военно-воздушном пакте и т.п. в настоящий момент явно не способствуют проявлению доброй воли с нашей стороны и созданию атмосферы для доставки военных материалов в Советскую Россию. Господин Мерекалов воспользовался этими словами для поднятия ряда политических вопросов. Он выспрашивал, какого мнения придерживаются здесь о настоящем положении дел в Центральной Европе. Когда я сказал ему, что, насколько мне известно, Германия является единственной страной, которая в настоящее время не бряцает оружием в Европе, он спросил меня о наших отношениях с Польшей и о якобы происходящих на германо-польской гра-

нице вооруженных столкновениях. После того, как я опроверг последнее утверждение и сделал некоторые сдержанные комментарии относительно германо-польских отношений, русский посол спросил меня, что я действительно думаю о германо-русских отношениях.

Я ответил господину Мерекалову, что мы, как все знают, всегда хотели иметь с Россией торговые отношения, удовлетворяющие взаимные интересы. Мне кажется, что в последнее время русская пресса не присоединяется к антигерманскому тону американских и некоторых британских газет. Что касается германской прессы, то господин Мерекалов смог выработать свою собственную точку зрения, поскольку он, конечно же, следит за ней очень внимательно.

Посол в этой связи заявил примерно следующее:

Политика России всегда прямолинейна. Идеологические расхождения вряд ли влияли на русско-итальянские отношения, и они также не должны стать камнем преткновения в отношении Германии. Советская Россия не использовала против нас существующих между Германией и западными державами трений и не намерена их использовать. С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше.

Этим замечанием, к которому Мерекалов подвел разговор, он и закончил встречу»¹⁰.

Спустя полтора месяца вопрос о состоянии и перспективах российско-германских отношений стал предметом определенных разногласий в Министерстве иностранных дел Германии, о чем свидетельствует письмо германского посла в СССР Вернера фон дер Шуленбурга статс-секретарю Министерства иностранных дел от 5 июня 1939 года. В документе говорилось:

«Дорогой господин фон Вейцзекер!

... Ясно, что Япония не хотела бы видеть и малейшего согласия между нами и Советским Союзом. Чем меньше становится наше давление на западные границы России, тем увереннее будет чувствовать себя Советский Союз в Восточной Азии. Итальянцы, действительно, должны приветствовать германо-русское соглашение, они сами всегда избегали столкновений с Москвой; и германское государство может занять более твердую позицию по отношению к Франции, если Советский Союз будет держать на прицеле Польшу, уменьшая давление на нашу восточную границу. Если итальянцы, тем не менее, “очаровательно сдержанны”, причина, возможно, лежит в том, что в рамках Оси они недовольны усилением влияния Германии за счет улучшения германо-советских отношений, результатом чего является автоматическое укрепление нашей власти.

Мне показалось, что в Берлине создано впечатление, что господин Молотов в беседе со мною отклонил германо-советское урегулирование. Я еще раз перечитал все свои телеграммы и сравнил их со своим письмом к Вам и с моим меморандумом. Я не могу понять, что привело Берлин к подобному выводу. На самом деле фактом является то, что господин Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических

переговоров не удовлетворило его. Конечно, была и есть опасность того, что советское правительство использует германские предложения для давления на англичан и французов. Господин Молотов как-то в своей речи тактически использовал наше предложение начать экономические переговоры. Поэтому осторожность с нашей стороны была и остается необходимой, но мне кажется очевидным, что дверь не захлопнута и что путь для дальнейших переговоров открыт.

... Трений и спорных вопросов между Германией и Советским Союзом нет. Мы не должны решать вопросы о пограничных столкновениях или спорах. Мы ничего не просим у Советского Союза, а Советский Союз — у нас...

Мне бы хотелось обратить внимание на тот факт, что господин Молотов упомянул в своей речи три условия, которые должны быть реализованы для создания англо-французско-советского блока. Ни в одном из этих трех пунктов не указано, что требования Советского Союза относятся только к Европе. Дальний Восток не назван, но, будьте уверены, он также и не исключен. Насколько мне известно, однако, Великобритания хочет принять на себя новые обязательства только в Европе. Если будут даны гарантии прибалтийским государствам, это может привести к новым противоречиям. Советы нам не доверяют, но они также не слишком доверяют демократическим державам. Недоверие возникает здесь очень легко, и после того, как оно возникло, преодолеть его можно только с очень большим трудом».

Наконец, менее чем за месяц до визита фон Риббентропа в СССР Министерство иностранных дел Германии представило 27 июля 1939 г. руководству страны секретный меморандум, посвященный советско-германским отношениям. В нем сообщалось, в частности, о содержании состоявшейся накануне беседы представителя германского внешнеполитического ведомства Карла Шнурре с временным поверенным в делах Советского Союза в Берлине Г.А. Астаховым и представителем советского торгпредства в Германии Е.И. Бабариным в берлинском ресторане «Эвест». Она продолжалась «до примерно половины первого ночи», и представители СССР «начали говорить об интересующих нас экономических и политических проблемах в очень живой и интересной форме», — говорилось в меморандуме. «Особо интересным в разговоре было нижеследующее:

1. На замечание Астахова о тесном сотрудничестве и общности интересов внешней политики, которые ранее существовали между Германией и Россией, я ответил, что возобновление подобного сотрудничества представляется мне сейчас вполне возможным, если советское правительство находит его желательным. Я мог бы мысленно представить себе три этапа:

Первый этап: Восстановление сотрудничества в экономической области с помощью кредитного и торгового договора, который будет заключен.

Второй этап: Нормализация и улучшение политических отношений. Это включает в себя, среди прочего, уважение интересов другой стороны в прессе и общественном мнении, уважение к научным и культурным мероприятиям другой стороны. Официальное участие

Астахова в германском Дне искусства в Мюнхене или приглашение германской делегации на Сельскохозяйственную выставку в Москве может, как это было предложено мне статс-секретарем, быть включено сюда же.

Третьим этапом будет восстановление хороших политических отношений: или возвращение к тому, что было раньше (Берлинский договор), или же новое соглашение, которое примет во внимание жизненные политические интересы обеих сторон. Этот третий этап, как мне кажется, вполне достижим, так как во всем районе от Балтийского моря до Чёрного моря и Дальнего Востока нет, по моему мнению, неразрешимых внешнеполитических проблем между нашими странами. В дополнение к этому, несмотря на все различия в мировоззрении, есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому нам кажется довольно противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий,

2. В полном согласии с Бабариным Астахов назвал путь сближения с Германией соответствующим интересам обеих стран. Однако он отметил, что вероятно, темп должен быть медленным и постепенным. Советский Союз усматривает серьезную для себя угрозу во внешней политике национал-социализма. Мы с полным основанием говорили о нашей нынешней политической ситуации как об окружении. Именно этим словом и характеризует Советский Союз свою политическую ситуацию после известных сентябрьских событий прошлого года. Астахов имел в виду Антикоминтерновский пакт, наши отношения с Японией, Мюнхен, свободу рук в Восточной Европе, которую мы там получили, и политические последствия всего этого для Советского Союза. Наша теория о том, что прибалтийские государства, Финляндия, а также Румыния входят в нашу сферу влияния, окончательно убедила советское правительство в том, что ему угрожают, Москва не совсем верит в изменение германской политики в отношении Советского Союза. Ждать можно лишь постепенного изменения.

3. В своем ответе я подчеркнул, что в настоящее время германская политика на Востоке берет абсолютно иной курс. С нашей стороны не может быть и речи об угрозе Советскому Союзу. Наша цель лежит в совершенно другом направлении. Молотов сам в своей последней речи назвал Антикоминтерновский пакт маскировкой союза, направленного против западных демократий. Он осведомлен о Данцигской проблеме и о связанном с нею польском вопросе. Я вижу в этом все что угодно, кроме столкновений интересов Германии и Советского Союза. Но, что мы намерены уважать целостность прибалтийских государств и Финляндии, стало совершенно ясно благодаря нашим пактам о ненападении и нашим неагрессивным предложениям. Наши отношения с Японией строятся на основе прочной дружбы, которая, однако, не нацелена против России. Германская политика направлена против Англии. Это решающий фактор. Как я уже заяв-

лял ранее, я вполне могу представить себе далеко идущее соглашение о соблюдении взаимных интересов вместе с рассмотрением проблем, являющихся жизненно важными для России. В данный момент, однако, этому препятствует Советский Союз, подписывающий с Англией договор, направленный против Германии. Советский Союз в этом случае сделает свой выбор и встанет, вместе с Англией, в оппозиционный Германии лагерь. Только по этой причине я возражаю против медленных поисков пути к достижению возможного взаимопонимания между Германией и Советским Союзом. Сейчас время еще дает нам возможность, которой не будет после заключения договора с Лондоном. Это должно быть принято в Москве во внимание. Что может Англия предложить России? Самое большее — участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва этого пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена, обе страны получают выгоду.

4. Во время последующей беседы Астахов снова вернулся к вопросу о прибалтийских государствах и спросил, есть ли у нас, кроме планов экономического проникновения, далеко идущие политические намерения. Он также очень серьезно отнесся к румынскому вопросу. Что касается Польши, то он заявил, что так или иначе Данциг будет возвращен Германскому государству и вопрос о Коридоре должен быть каким-либо образом разрешен в пользу Германского государства. Он спросил, не склоняется ли также на сторону Германии население территорий, когда-то принадлежавших Австрии, в частности Галиции и украинских территорий. Описав наши торговые отношения с прибалтийскими государствами я ограничил себя заявлением о том, что интересы Германии и России не придут в столкновение по этим вопросам. Более того, урегулирование украинского вопроса показало, что мы не ставим своей целью что-либо, что может быть опасно для советских интересов.

5. Довольно широкая дискуссия велась по вопросу о том, почему национал-социализм считает внешнюю политику Советского Союза враждебной. В Москве никогда не могли этого понять, хотя там всегда понимали противостояние национал-социализма коммунизму внутри. Я воспользовался этим удобным случаем для подробного изложения нашего мнения относительно изменений, происшедших в русском большевизме за последние годы. Антагонизм к национал-социализму явился естественным результатом его борьбы с коммунистической партией Германии, зависимой от Москвы и являвшейся лишь орудием Коминтерна. Борьба против германской коммунистической партии уже давно закончилась. Коммунизм в Германии искоренен. Коминтерн же уже заменен Политбюро, которое следует теперь совершенно другой политике, чем та, которая проводилась, когда доминировал Коминтерн. Слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (празднование годовщин Полтавской битвы, Петра

Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского) изменили интернациональный характер большевизма, как нам это видится, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию. При таком положении дел мы сегодня видим возможности, которых не видели ранее, так как удостоверились, что не делается попыток распространять в какой-либо форме коммунистическую пропаганду в Германии.

6. Под конец Астахов подчеркнул, что этот разговор был для него очень важен. Он сообщит о нем в Москву, и он надеется, что все это отразится заметным образом на ходе будущих событий. Вопрос о торговле и кредитном соглашении обсуждался в деталях.

7. После заявлений русских у меня создалось впечатление, что Москва еще не решила, что она хочет делать. Русские умолчали о состоянии переговоров о пакте с Великобританией и о шансах на его заключение. Учитывая все это, можно заключить, что в течение определенного времени Москва решила следовать как в отношении нас, так и в отношении англичан политике затягивания и отсрочек для того, чтобы отложить принятие решений, важность которых она ясно понимает. Отсюда гибкая позиция русских в ходе многочисленных бесед, такова, в частности, позиция Молотова; отсюда и затягивание экономических переговоров, на которых русские крайне сдержанны в темпе; отсюда, скорее всего, также и задержка в Москве посла Мерекалова. А в общем — большое недоверие не только к нам, но и к Англии. С нашей точки зрения можно рассматривать как заметный успех то, что Москва после месяцев переговоров с англичанами все еще не ясно представляет себе, что ей следует в конце концов делать».

В 22 час 53 мин. 14 августа 1939 г. фон Риббентроп направил фон дер Шуленбургу телеграмму с пометкой «очень срочно». Она была получена в германском посольстве в Москве в 4 час. 40 мин. утра 15 августа 1939 года. В документе говорилось:

«Я прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:

1. Идеологические расхождения между Национал-Социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обоим странам.

2. В действительности, интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Чёрным морями не существует воп-

росов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств. Среди этих вопросов есть и такие, которые связаны с Балтийским морем, Прибалтикой, Польшей, юго-восточным районом и т.д. В подобных вопросах политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат. То же самое относится к германской и советской экономике, сотрудничеству которых может расширяться в любом направлении.

3. Нет никакого сомнения, что сегодня германо-советские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые будут приняты в ближайшем будущем в Берлине и Москве по вопросу этих отношений, будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов. От этих решений будет зависеть, придется ли когда-нибудь двум народам снова, без возникновения каких-либо действительно непреодолимых обстоятельств, выступить друг против друга с оружием в руках, или же снова наступят дружеские отношения. Прежде, когда они были друзьями, это было выгодно обеим странам, и все стало плохо, когда они стали врагами.

4. Верно, что Германия и Советский Союз, в результате многолетней вражды их мировоззрений, сегодня относятся друг к другу с недоверием. Должно быть счищено много накопившегося мусора. Нужно сказать, однако, что даже в этот период естественные симпатии немцев и русских друг к другу никогда не исчезали. На этой базе заново может быть построена политика двух государств.

5. Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным Демократиям.

6. Кризис в германо-польских отношениях, спровоцированный политикой Англии, а также британская военная пропаганда и связанные с этим попытки создания блока делают желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае, независимо от действий Германии, дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Поэтому руководителям обоих государств следует не пускать события на самотек, а действовать в подходящее время. Будет губительно, если из-за отсутствия взаимопонимания по отношению к взглядам и намерениям друг друга наши народы окончательно разойдутся в разные стороны.

Насколько нам известно, советское правительство также желает внести ясность в германо-советские отношения. Поскольку, однако, судя по предшествующему опыту, такое выяснение отношений может протекать лишь постепенно и через обычные дипломатические каналы, Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп го-

тов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину. Только такое непосредственное обсуждение может, по мнению господина фон Риббентропа, привести к изменениям; и, таким образом, закладка фундамента для некоторого улучшения германо-русских отношений уже не будет казаться невозможной.

Приложение: Я прошу Вас не вручать этих инструкций господину Молотову в письменном виде, а зачитать их ему. Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени господина Молотова об аудиенции с господином Сталиным, чтобы Вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему. В дополнение к беседе с Молотовым условием моего визита являются широкие переговоры со Сталиным»¹¹.

Характерно, что газета «Правда», сообщая о подписании договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, поставила данное событие в контекст истории советско-германских отношений еще до прихода к власти нацистов (1933 г.). В номере от 24 августа 1939 г. подчеркивалось, что правительства СССР и Германии заключили нынешнее соглашение, «руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года». В передовой статье «Правды», в частности, говорилось: «Договор о ненападении, заключенный между Советским Союзом и Германией, текст которого мы публикуем сегодня, представляет собой документ важнейшего значения, отражающий последовательную мирную политику Советского Союза...

Содержание каждого отдельного пункта договора, как и всего договора в целом, проникнуто стремлением избежать конфликта, укрепить мирные и деловые отношения между обоими государствами. Нет никакого сомнения, что заключенный договор о ненападении ликвидирует напряженность, существовавшую в отношениях между СССР и Германией.

Однако значение заключенного договора выходит за рамки урегулирования отношений только между обеими договаривающимися странами. Он заключен в момент, когда международная обстановка достигла очень большой остроты и напряженности. Мирный акт, каковым является договор о ненападении между СССР и Германией, несомненно будет содействовать облегчению напряженности в международной обстановке, несомненно поможет разрядить эту напряженность.

Заключение договора между СССР и Германией является несомненно фактом крупнейшего международного значения, ибо договор представляет собой инструмент мира, призванный не только укрепить добрососедские и мирные отношения между СССР и Германией, но и служить делу всеобщего укрепления мира.

Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между

обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета»¹².

Пятое. Представляется оправданным применение при анализе предыстории второй мировой войны в контексте советско-германского пакта о ненападении принципов ситуационной логики, предполагающей, в частности, выявление «многопричинности внешнеполитических событий и процессов». В случае с советско-германским пактом можно было бы попытаться смоделировать возможное развитие событий в Европе и в мире в целом в случае отказа СССР от его подписания как при одновременном заключении военно-политических договоренностей Советского Союза с Великобританией и Францией, так и в случае их отсутствия.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РИ), ф. 069, оп. 23. П. 66, д. 4, л. 6—8.
2. Там же, л. 87—95.
3. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940 годов. Книга вторая: 1938—1940. М. 1998, с. 352.
4. ROBERTS G. Stalin's wars : from World War to Cold War, 1939—1953. New Haven. 2006.
5. Правда. 24.08.1939.
6. Nazi-Soviet Relations 1939—1941. Documents from the Archives of The German Foreign Office. Washington. 1948, p. 196—197.
7. МЕЛЬТЮХОВ М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М. 2000.
8. Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.). — Вопросы истории. 2018, № 6, с. 4—5.
9. Правда. 11.03.1939.
10. Nazi-Soviet Relations 1939—1941...
11. ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю., ДАШИЧЕВ В. Оглашению подлежит: СССР — Германия 1939—1941 (Документы и материалы). М. 1991.
12. Правда. 24.08.1939.

Борьба лесной охраны с хищениями леса в Поволжье в годы нэпа

Е.В. Воейков

Аннотация. В публикации рассматривается одна из наиболее трудноразрешимых проблем развития лесного хозяйства Поволжья в 1920-е гг. — незаконные порубки леса местным населением. Проанализированы причины, которые вызывали эти массовые хищения. Показано, что сложные условия труда и быта служащих лесничеств и проведенные массовые сокращения штатов не позволили провести эффективную борьбу с незаконными вырубками леса в 1920-е годы. Приведен малоизвестный фактический материал, показывающий, что работники лесной охраны были вынуждены защищать леса от незаконных вырубок зачастую с риском для жизни.

Ключевые слова: самовольные порубки, лесная стража, лесное хозяйство.

Abstract. The publication considers one of the most difficult problems of the development of forestry in the Volga region in the 1920s—illegal logging by the local population. Analyzed the reasons that caused these massive timber theft. For shown that difficult conditions of work and life of employees of forestry and carried out mass retrenchment is not allowed to conduct efficient fight against illegal deforestation in the 1920s, Given obscure factual material showing that the employees of the forest service had to protect the forest from illegal logging, often at risk to life.

Key words: unauthorized cuts, forest guards, forestry.

Россия на протяжении столетий искала свой путь ведения рационального лесного хозяйства. Наша страна в настоящее время располагает 23% мировой площади покрытых лесом земель и 22% мирового запаса древесины. Однако история отечественного лесного хозяйства продолжает оставаться недостаточно изученной темой.

С 1990-х гг. количество подобных исследований резко возросло¹. Подобное стремление восполнить сложившуюся лакуну в исследовании важной составляющей жизнедеятельности человеческого социума следует оценивать однозначно положительно. Но, несмотря на значительное количество научных работ и кажущуюся охваченность темы, следует констатировать недостаточную проработку проблемы

Воейков Евгений Владимирович — доктор исторических наук, доцент Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru.

Voeykov Yevgeny V. — doctor of historical sciences, associate professor at the Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru.

развития отечественного лесного хозяйства, особенно для периодов гражданской войны, нэпа, довоенных пятилеток. В большинстве исследований, написанных на общероссийском или региональном материале, рассматриваются только самые общие тенденции развития лесной промышленности и лесного хозяйства. Как правило, не приводятся статистические данные по различным аспектам функционирования лесного хозяйства и, следовательно, отсутствует анализ динамики развития основных его параметров. Кроме того, общее беглое описание состояния лесного дела в 1920-е — 1930-е гг. в этих научных работах совершенно исключает из исторического процесса конкретных живых людей. Приводятся только общие биографические данные руководителей, уровня наркоматов и управлений в центре. Упускается из виду, что именно благодаря тяжелейшему и плохо оплачиваемому труду работников лесничеств на местах, граничившему, как показано в работе, зачастую с опасностью для жизни и здоровья, в ситуации катастрофического недофинансирования отрасли леса России постепенно восстанавливались после страшных хаотичных вырубок и крупномасштабных пожаров периода гражданской войны.

История лесного хозяйства Поволжья в XX в. и, особенно в годы нэпа, на сегодняшний день является слабо изученной темой. В частности, в монографии В.С. Тонких дан краткий очерк основных этапов политики эксплуатации и охраны лесов Мордовской АССР². Отдельные аспекты состояния лесного фонда этой республики в 1920-е гг. рассмотрены в диссертации Е.И. Денискина³. Отсутствуют монографические и обобщающие работы по развитию лесного хозяйства в XX в. на территории современных Пензенской, Самарской и Саратовской областей. История лесов этих мест исследована фрагментарно и только на уровне отдельных статей, в частности, по истории экологии⁴.

В данной работе рассмотрен почти совершенно неизученный в отечественной историографии один из аспектов развития лесного хозяйства в годы нэпа: борьба лесной стражи за сохранение лесов России на примере Среднего и Нижнего Поволжья. Территориальные рамки исследования охватывают Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую (с 1924 г. — Ульяновскую) губернии и Татарскую АССР в границах середины 1920-х годов. Астраханская и Сталинградская губернии были оставлены за рамками исследования в силу отсутствия на их территории относительно крупных лесных массивов. Хронологическими рамками нэпа взяты 1921/1922—1927/1928 годы⁵.

При анализе истории лесного хозяйства в Поволжье в годы нэпа следует принять во внимание, что в период гражданской войны состояние лесов Поволжья значительно ухудшилось. Топливный кризис вынудил пожертвовать соблюдением правил ведения лесного хозяйства. Основными факторами, способствовавшими ухудшению состояния лесов региона, стали превышение объемов заготовок над годичным приростом, самовольные рубки деревьев местным населением и крупномасштабные лесные пожары 1920—1921 годов.

В 1920-е гг. государство взяло курс на ведение лесного хозяйства на научной основе с соблюдением необходимых правил и нормативов. Годовую лесосеку старались планировать в соответствии с годо-

вым приростом лесов; в Поволжье на протяжении ряда лет объемы заготовок были меньше запланированных показателей. Увеличение финансирования позволило в середине 1920-х гг. возобновить посе- вы и посадки леса.

Серьезной проблемой в 1920-е гг. в Поволжье стали массовые хищения леса местными жителями. Журнал «Лесное хозяйство, лесо- промышленность и топливо» опубликовал в 1925 г. подборку матери- алов из местных газет разных районов страны по проблемам состоя- ния лесов. Лидировала среди сообщений информация о самовольных порубках; сообщения о неблагоприятной ситуации с пожарами, зах- ламлении лесов порубочными остатками при заготовках встречалась гораздо реже. В частности, сведения о незаконных лесных вырубках местным населением в первой половине 1925 г. фиксировались в Астраханской, Вятской, Костромской, Ленинградской, Енисейской, Орловской, Пензенской, Подольской, Псковской, Самарской, Са- ратовской, Таврической, Тамбовской, Челябинской, Читинской гу- берниях ⁶. Как видно из приведенного перечня, массовые хищения леса в годы нэпа были типичным явлением, получившим повсемес- тное распространение.

Основной причиной массовых самовольных вырубок в 1920-е гг. обычно называют недостаток лесоматериалов в крестьянских хозяй- ствах ⁷. В обзоре работы Ульяновского губкома РКП (б) за октябрь- декабрь 1924 г. в числе причин недовольства крестьян назывались «отсутствие леса и его дороговизна»; в другой части документа отме- чалось, что «мало дают леса на топливо и на постройку» ⁸. Если по- добные проблемы существовали у сельского населения относительно богатой лесом, по меркам Среднего Поволжья, Ульяновской губер- нии, то ситуация в малолесных районах Самарской и Саратовской губерний была намного хуже. Аналогичные сведения о недостаточ- ных объемах отпуска леса местному населению отмечались по Пен- женской и Самарской губерниям ⁹.

Личные впечатления работников госаппарата и лесничеств в 1920-х гг. подтверждались данными экономической статистики. Известный в 1920-е гг. специалист по вопросам развития лесной промышленности Б.И. Селибер проанализировал в своей моно- графии расчеты соотношения отпуска леса и реальной потребнос- ти населения в древесине. По Средне-Волжскому району степень удовлетворения потребности населения лесными материалами в 1926/1927 г. составила 51,9%, по Нижне-Волжскому — 43,7%. В среднем по стране, по данным Селибера, «неудовлетворенная по- требность» населения достигала 45% ¹⁰.

Еще одной причиной самовольных порубок было желание зара- ботать на продаже незаконно добытых лесоматериалов. Используя документацию Саввинского лесничества Московской губернии, уда- лось подсчитать, что в 1923/1924 г. середняками было вырублено 94%, кулаками — 4%, бедняками — 2% от общего количества незаконно заготовленного леса. Лесничий Московской губернии высказал сле- дующее соображение: «... в порубках занято, главным образом, серед- няцкое население. Да и понятно, ибо эта операция требует хорошей лошади и крепкой снасти, которых бедняк не имеет» ¹¹. Тенденция преобладания среди лиц, незаконно вырубавших лес в 1920-е гг., пре-

имущественно зажиточного и среднего крестьянства отчетливо проявилась в Поволжье. Саратовский специалист по лесному хозяйству Н. Н. Кураев писал в статье: «... безжалостно уничтожают лес главным образом не лица, нуждающиеся в топливе, а те сравнительно немногие, которые создали себе из этого доходный промысел. Достаточно побывать несколько раз на дровяных базарах, чтобы убедиться в этом»¹². В объяснительной записке к годовому отчету Самарского губернского лесного отдела (ГЛО) за 1925/1926 г. приводился анализ социального состава нарушителей лесного законодательства: «Порубки преобладают в лесных массивах, отстоящих от городов и базарных сел на расстоянии не далее 20—30 верст. Рубят в целях наживы, продавая лес на базарах. Нужда здесь не играет роли, так как преобладают порубщики зажиточные, имеющие 1—3 лошади. В отдаленных от базаров лесных массивах порубки реже... Здесь — преобладание порубщиков из середняцкого и бедняцкого элемента, побуждаемые к самовольным порубкам отсутствием денег, трудностью получения леса законным путем вследствие слабо развитой сети отпускных пунктов, отдаленностью канцелярии лесничества»¹³.

Малочисленность лесной стражи также способствовала росту нарушений лесного законодательства. На 1 октября 1923 г. количество персонала лесничеств России по сравнению с 1 октября 1922 г. сократилось: специалистов — на 12%, служащих — на 31%, лесной стражи — на 20%¹⁴. В 1923/1924 г. произошло новое сокращение: в 34 губерниях и автономных областях было уволено: лесников — 6,7 тыс. (27,3% их количества), объездчиков — 1,7 тыс. (31,3%)¹⁵.

Кадровые чистки и сокращения лесной стражи проводились в русле кампаний борьбы за экономию государственных средств и удаление из рядов служащих «чуждых элементов». В обзоре работы Ульяновского губкома за октябрь-декабрь 1924 г. указывалось: «За отчетный период произведена чистка лесной стражи. Из всего количества объездчиков и лесников в 1411 чел. уволено 416 чел. (62 объездчика и 354 лесника)»¹⁶. В результате, численность работников лесного хозяйства только за несколько месяцев уменьшилась на 29,5%. В Саратовской губернии в 1919 г. насчитывалось 2500 служащих лесничеств, к 1924 г. их осталось 1319; только за 1925/1926 г. количество объездчиков сократилось с 251 до 209 и лесников — с 900 до 800 человек¹⁷.

Уменьшение кадров лесной охраны вызывало протест специалистов. В резолюциях IX губернского съезда профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих Пензенской губернии (10—15 марта 1927 г.) уже вторым пунктом было записано: «Установленный УЛом (управление лесами. — *Е.В.*) на 1926/1927 г. штат по лесному хозяйству в губернии, особенно лесной стражи и канцелярских сотрудников, считать крайне недостаточным, угрожающим ведению правильного лесного хозяйства и тормозящим дальнейшее его развитие»¹⁸. Результаты плохо продуманной кампании сокращений не замедлили дать отрицательный результат. Дефицит кадров лесной стражи для охраны вверенной ей площади лесов отмечался лесными инспекторами в актах обследований ряда лесничеств Самарской губернии за 1926/1927 год¹⁹. В объяснительной записке лесничего Бузулукского лесничества Самарской губернии на высказанное в ходе ревизии (акт от 29 марта 1927 г.) замечание о росте самовольных порубок приводилось следующее объяс-

нение: «На более опасные места вызывались лесники с других спокойных обходов, проводились ночные и дневные дежурства на больших проезжих дорогах и около города. Несколько раз осматривали базары в городе. Все же лесная стража приостановить порубки ввиду своей малочисленности не могла и большего физически сделать не в состоянии»²⁰. В годовом отчете Саратовского ГЛО за 1925/1926 г. подчеркивалось, что на рост порубок повлияло проведение массовой «чистки» стражи в 1923 году²¹.

Отсутствие достаточного количества жилья для работников лесничеств также негативно отражалось на охране лесов. Дома лесной стражи еще в дореволюционный период отличались многочисленными недостатками. В годы гражданской войны средства на ремонт и строительство новых домов для работников лесного ведомства не выделялись; в 1920-е гг. финансирование осуществлялось в недостаточных размерах. На первом съезде лесников Пензенской губернии в мае 1923 г. указывалось, что «все казенные постройки со времени революции пришли в значительную ветхость и требуют... капитального ремонта»²². В отчете ГЛО Саратовской губернии за 1923/1924 г. говорилось, что обеспеченность квартирами работников лесничеств выражается в 55% необходимого; при этом «из числа 650 наличных казенных построек около 75% негодны и требуют основательного ремонта»²³.

В статье о самовольных порубках в лесах Саратовской губернии была наиболее четко сформулирована взаимосвязь расположения жилища работника лесной стражи и его отношения к охране леса: «Лесник, живущий в лесу в казенном кордоне, и лесник, живущий вне леса, в деревне, часто в своем доме, весьма различны как профессионалы. Первый с утра до глубокой ночи дни, месяцы и годы всегда находится в лесу. Лес своей жизнью действует на его психику, привлекает к себе, изощряет его слух и зрение и роднит себя с ним так, что он считает себя как бы неотъемлемой частью леса. Другое дело, лесник, живущий в обстановке деревни. Он — гость в лесу, вернувшись домой в деревню, он находится под другими впечатлениями и влияниями. Первый с уходом со службы переходит за порог кордона и теряет все, а второй остается в своем доме и продолжает крестьянствовать»²⁴. Казанский районный лесничий на съезде инспекторов леса Татарской АССР в марте 1923 г. отмечал: «Охрана ухудшается проживанием стражи не на кордонах, за отсутствием их, а в селениях... Находясь в зависимости от населения, стража опасается усердно преследовать порубщиков, говоря, что тогда житья не будет»²⁵.

В Татарской АССР в 1924/1925 г. из 960 чел. лесной стражи в пределах лесничеств проживали только 427 чел. или 44,5%; в Самарской губернии в середине 1920-х гг. данный показатель равнялся 50%. На VII съезде профсоюза работников земли и леса Пензенской губернии приводились следующие данные: на 1 октября 1924 г. лесная стража была обеспечена помещениями на 55%. В годовом отчете Саратовского ГЛО за 1926/1927 г. указывалось: в казенных квартирах размещались 49% лесничих и их помощников, 35% канцелярских служащих, 61% объездчиков и 57% лесников²⁶. Всего по РСФСР в тот момент обеспечены жильем в лесу были только 32,1%. По отдельным регионам страны ситуация была значительно хуже, чем в Поволжье.

Так, в Карельской АССР обеспеченность квартирами составляла 23,3%, в Белорусской ССР — 14,5%²⁷. К концу 1920-х гг. вопрос проживания лесной стражи в пределах лесных участков так и не был полностью решен.

Сложные условия труда и быта в лесничествах в 1920-е гг. вызвали уход со службы значительного количества работников лесного хозяйства. Лесничий Бузулукского лесничества писал в объяснительной записке по материалам ревизии: «Ввиду тяжелой и перегруженной охраны лесная стража не стала дорожить службой, честные и исполнительные лесники уходят со службы сами»²⁸.

Массовые «чистки» и увольнения по собственному желанию в значительной степени ухудшили качественный состав работников лесничеств. Именно в 1920-е гг. специалисты лесной охраны, ставшие профессионалами своего дела и имевшие многолетний стаж работы в лесничествах, стали составлять в Поволжье незначительную долю в общей массе новичков, занявшихся незнакомым для них делом. По данным Самарского губернского лесного отдела, в октябре 1926 г. сотрудников лесной стражи со стажем работы до одного года насчитывалось 253 чел., или 29% общего количества; от 1 до 3 лет — 317 чел. (37%); от 3 до 5 лет — 75 чел. (9%); от 5 до 10 лет — 124 чел. (14%); свыше 10 лет — 99 человек (11%)²⁹. Таким образом, служащие самарских лесничеств, чей стаж работы не превышал трех лет, составляли 66% всех работников. Близкие к приведенным показатели были зафиксированы и по Саратовской губернии, где в 1926/1927 г. стаж работы от года до пяти лет имели 53% объездчиков и 48% лесников; до одного года — 14% объездчиков и 27% лесников³⁰.

Важной причиной роста числа нарушений лесного законодательства в 1920-е гг. стала безнаказанность лиц, занимающихся самовольными вырубками. По подсчетам Самарского лесного отдела, в 1924/1925 г. в нарсуды и волисполкомы было направлено 15 447 дел о самовольных порубках, из которых было рассмотрено только 1470; в 1925/1926 г. из 20 062 дел решения вынесли по 7152. В докладной записке Самарского губземотдела в Самарский губисполком от 3 августа 1925 г. приводились следующие факты: в Майнском лесничестве Мелекесского уезда из 222 протоколов о нарушениях в лесном хозяйстве в суд было направлено только 9 протоколов, остальные 213 дел передали волостным исполкомам местных советов, которые наложили штрафов на мизерную, по сравнению с количеством дел, сумму 20 руб. 50 копеек³¹. В 1925/1926 г. в Татарской АССР направили в нарсуды 16 тыс. протоколов о нарушениях, из них разобрано было только 3619 дел или 22,6 %³².

Местные жители, чувствуя свою безнаказанность, продолжали заниматься хищениями леса. В докладной записке Самарского губернского финансового отдела от 12 апреля 1926 г., направленной в губисполком, отмечался рост самовольных порубок в Бугурусланском уезде: «Население настолько распущено, что открыто заявляет о бесполезности составления протоколов: “Все равно будем рубить...”»³³ Низкая эффективность штрафных санкций за самовольные рубки была характерна в 1920-е гг. и для других регионов страны. На Пятом всесоюзном съезде Всеработземлеса (январь-февраль 1926 г.) представитель от Тульской губернии привел в своем выступлении следу-

ющий случай: «Мне пришлось быть свидетелем в народном суде. При-суждают одного порубщика к штрафу в 15 рублей, а он говорит в присутствии народного судьи и всей публики, нисколько не стесняясь: “Может быть, еще 15 возьмете, все равно завтра придется воровать”»³⁴.

«Что же у нас делается? — с болью и горечью писал автор статьи в журнале «Лесовод». — Составляются протоколы десятками тысяч. Месяцами тянутся дела порубщиков, а затем они массами амнистируются. Государство терпит только убытки, а лесные работники нажимают себе злейших врагов»³⁵.

В результате рассмотренных причин количество самовольных порубок в период нэпа резко выросло. Поэтому леса Поволжья в 1920-е гг. испытали серьезную нагрузку, отрицательно повлиявшую на их экологическое состояние, поскольку порубщики заготавливали лес, игнорируя все нормативы и правила. В отдельных случаях объем незаконно добытой древесины достигал значительных размеров, при этом в середине и во второй половине 1920-х гг. наблюдалась тенденция к увеличению количества данного вида правонарушений. В Ульяновской губернии в 1923/1924 г. было зафиксировано 10,5 тыс. случаев самовольных порубок с массой древесины 99,2 тыс. кубометров; в 1925/1926 г. — уже 13,2 тыс. случаев и 109,4 тыс. кубометров³⁶. В Пензенской губернии за 1925/1926 г. был зарегистрирован 16 201 случай самовольных порубок с объемом древесины 119,8 тыс. кубометров. В следующем, 1926/1927 г., их количество возросло, но объем вырубленной древесины существенно уменьшился — до 85 тыс. кубометров³⁷. В Саратовской губернии в 1925 г. этот показатель составил 60,2 тыс. кубометров, в 1926 г. — 62,3 тыс., в 1927 г. — 42 тыс. кубометров³⁸.

По подсчетам Самарского губернского лесного отдела при губземуправлении, в период 1909—1913 гг. ежегодное число дел о самовольных порубках в среднем составляло 2876. В 1923/1924 г. оно достигло 12 101, в 1924/1925 — 17 467, а в 1925/1926 г. — 22 104. Объемы самовольно срубленного или похищенного леса увеличились с 69,1 тыс. кубометров в 1923/1924 г. до 110,8 тыс. кубометров в 1925/1926 году³⁹. Если учесть, что лесозаготовки одного из крупнейших производителей работ губернии — гублесзага (лесозаготовительного подотдела лесного отдела) в 1923/1924 г. достигали размеров 126 тыс. кубометров, в 1924/1925 г. — 166 тыс. кубометров, то размер ежегодных самовольных порубок, превысивший в середине 1920-х гг. величину 100 тыс. кубометров, следует признать для малолесной Самарской губернии чрезвычайно значительным и не соответствующим возможностям местного лесного хозяйства. Необходимо принять во внимание, что приведенные цифры касались только лесов госфонда и не учитывали размер хищений леса в новой категории лесов местного значения, охрана которых, по мнению лесного отдела, стояла на более низком уровне, чем в остальных лесах.

В целом по стране ситуация в отношении незаконных вырубок леса по ряду регионов была еще более напряженной, чем в Поволжье. Так, например, за 1923/1924 г. на Средне-Волжский район пришлось 6% общего количества срубленного леса, в то время как на Западный район — 19%, Центрально-Черноземный — 13%, Сибирь — 11%,

Центральный — 7%; лучше показатели были у Северного (5%), Северо-Западного (4%) и Уральского (4%) районов ⁴⁰.

Серьезной проблемой работников лесничеств 1920-х гг. стало отсутствие служебного оружия. В инструкции для лесной стражи 1923 г. предписывалось: «Лесник обязан при самовольных порубках леса и всякого рода лесонарушениях задерживать лесонарушителей. Если самовольный порубщик успел вывезти срубленный лес, то проследить за ним до селения и там, при установлении наличия похищенного леса, отобрать этот лес и сдать на хранение местной власти под расписку» ⁴¹. Но выполнить эти нормативные положения и остановить вооруженных топорами и оставшимися от боевых действий гражданской войны винтовками крестьян, незаконно вырубавших лес, часто являлось для безоружных лесников и объездчиков невыполнимой задачей. В журнальной заметке 1924 г. приводился пример по соседнему с Поволжьем региону: «Лесная стража до сих пор не вооружена, и в некоторых случаях, как, например, в той же Нижегородской губернии, дело доходит до того, что для борьбы с порубками она вооружается... песком, наполняя им карманы на случай нападения порубщика, вооруженного по крайней мере топором. Песок служит для бросания в глаза порубщику» ⁴².

Согласно принятому в 1923 г. Лесному кодексу, лесничим, их помощникам и лесной страже снова разрешалось ношение огнестрельного оружия (ст. 72) ⁴³. Лесному ведомству в 1923 г. выделили 30 тыс. винтовок «неосновного образца» и один миллион патронов к ним. Также 23 декабря 1924 г. СНК разрешил Наркомвоенмору отпустить для Наркомата земледелия (НКЗ) 600 револьверов «неосновного образца» ⁴⁴.

По данным Управления лесами НКЗ, на 1 октября 1924 г. было вооружено около 50% всей лесной стражи РСФСР ⁴⁵. В Татарской АССР удалось обеспечить лесную стражу винтовками в 1924/1925 г., а снабжение руководителей лесничеств револьверами было закончено только в 1926/1927 году ⁴⁶. В годовом отчете Ульяновского ГЛО за 1923/1924 г. указывалось: «Наличное число лесной стражи, состоящее из 209 объездчиков и 1000 лесников, пока вооружены винтовками разных систем в количестве годных к употреблению 448 шт., но в самом непродолжительном времени всей лесной страже будут выданы новые винтовки с патронами к ним...» ⁴⁷ Окончательно работников лесничеств в данной губернии снабдили оружием к концу 1925 года ⁴⁸. В отчете Пензенского ГЛО за 1925/1926 г. отмечалось, что было отправлено в лесничества 220 винтовок системы «Витерли», а для лесничих и их помощников — 60 револьверов системы «Смит и Вессон» ⁴⁹.

Однако служебное оружие не могло гарантировать личную безопасность лесной стражи. В 1920-е гг. увеличилось число случаев убийств и избиений работников лесничеств. Сохранившиеся в отчетах и материалах периодической печати 1920-х гг. сведения рисуют картину развернувшейся в годы нэпа настоящей войны за сохранение лесов России. Лесная стража, лесники и объездчики, выполняя свои должностные обязанности, в 1920-е гг. рисковали ничуть не меньше, чем, например, работники милиции при борьбе с бандитизмом. За 1923/1924 г. в целом по стране было убито четверо лесничих, трое помощ-

ников лесничих, 38 объездчиков, 77 лесников; всего 122 человека. Кроме того, было ранено 43 чел., зарегистрировано 23 случая ограбления и поджогов⁵⁰. В отчете Саратовского ГЛО за 1923/1924 г. указывалось, что за год произошло: «случаев убийств 7, ранений 4, избиений 15, неудавшихся покушений 11, поджогов 20»⁵¹. В том же году в Симбирской губернии погибло трое лесников; в 1925/26 г. убитых насчитывалось четверо и раненых — трое⁵².

Газета «Красная Татария» в 1926 г. сообщала, что за последние два года в этой автономной республике было 15 случаев убийств лесной стражи и 20 случаев избиения лесников. В 1925/1926 г. порубщики убили четырех лесников и ранили троих⁵³. В 1926/1927 г. в Татарской АССР был убит лесник Буинского лесничества, кроме того имел место поджог дома объездчика в Державинском лесничестве, «у которого в огне погибло два сына и все имущество»⁵⁴. В 1926 г. лесник Пензенского лесничества С. Теплов пытался задержать порубщиков в лесу, но не сумел этого сделать, поскольку их было четверо. «Вернувшись в деревню, лесник пошел в сельсовет доложить о случившемся. По дороге все четверо порубщиков забили лесника насмерть»⁵⁵.

Таким образом, незаконные вырубки леса местным населением в годы нэпа получили значительное распространение в Поволжье. Сокращения лесной охраны, недостаток внимания государства к условиям труда и быта работников лесничеств, слабость уголовных и административных наказаний нарушителей лесного законодательства не позволили решить проблему незаконных вырубок лесных массивов.

Современное состояние лесов в России продолжает оставаться неблагоприятным. Специалисты лесного хозяйства обращают внимание на необходимость смены приоритетов в проводимой экономической политике применительно к лесному хозяйству: «Дальнейшая судьба лесов России зависит от того, сумеет ли Правительство включить новую систему ценностей в отношении лесов в национальную систему экономических расчетов и учитывать их при принятии решений по экономическому развитию без ущерба для лесных экосистем. Нужна долгосрочная политика по сохранению лесов на основе сотрудничества административных органов государства с частным сектором, неправительственными организациями, учеными и, в конечном итоге, с народом России»⁵⁶.

Примечания

1. См., например: ГУСЕВ Н.Н. История лесоустройства Российского. М. 1998; Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798—1998. Т. 2 (1898—1998). М. 1998; КОЛДАНОВ В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М. 1992; ПИ-САРЕНКО А.И., СТРАХОВ В.В. Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. М. 2004; РЕДЬКО Г.И., РЕДЬКО Н.Г. История лесного хозяйства России. М. 2002; ТИХОНОВ П.Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары. 2001; ЮРИЧЕВ Е.Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда. 2009.
2. ТОНКИХ В.С. Леса Мордовии. Саранск. 1976, с. 66—73.
3. ДЕНИСКИН Е.И. Лесное хозяйство Мордовии в 1920—1950-е гг. XX в. Дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2007.

4. См., например: МАКЕЕВА Е.Д. Исторические истоки современных экологических проблем Среднего Поволжья. — Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016, т. 18, № 6, с. 94.
5. Отчетность в народном хозяйстве страны давалась за хозяйственный или «операционный» год, который продолжался с октября одного года по сентябрь следующего.
6. Лесной мартиролог (по письмам селькоров в 1925 г.). — Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1926, № 5—6, с. 10—15.
7. ДРОЗДОВСКИЙ Е. Лесные хищения и борьба с ними. — Там же. 1924, № 1, с. 46; НОСОВ М. Еще о мерах борьбы с лесными хищениями. — Там же. 1924, № 2—3, с. 92.
8. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 1, оп. 1, д. 728, л. 4, 132об.
9. Государственный архив Пензенской области (ГА ПО), ф. Р-288, оп. 1, д. 207, л. 96об.; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. Р-81, оп. 1, д. 736, л. 252об.; ф. Р-3547, оп. 1, д. 41, л. 312об.; X губернский съезд работников земли и леса. — Пролетарский путь. Ульяновск. 1925, 13 ноября.
10. СЕЛИБЕР Б.И. Леса и лесная промышленность СССР. Т. 1. Леса СССР и их эксплуатация. Л. 1930, с. 157.
11. МОРОЗОВ П. Что делать? — Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1925, № 9—10, с. 7.
12. КУРАЕВ Н.Н. Лес гибнет. — Известия. Саратов. 1922, 14 января.
13. ЦГА СО, ф. Р-644, оп. 1, д. 2709, л. 38.
14. МАЛЬКОВ В. Технический персонал в лесном хозяйстве РСФСР. — Лесовод. 1924, № 1, с. 22.
15. ШУЛЬЦ А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923—1924 год. — Лесовод. 1925, № 1, с. 7.
16. ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 728, л. 153об.
17. Государственный архив Саратовской области (ГА СО), ф. Р-313, оп. 1, д. 4043, л. 10об.; Работа Саратовского губплана. — Нижнее Поволжье. 1924, № 2, с. 85.
18. ГА ПО, ф. Р-288, оп. 1, д. 107, л. 85.
19. ЦГА СО, ф. Р-3550, оп. 1, д. 18, л. 178об., 282.
20. Там же, л. 16об., 18.
21. ГА СО, ф. Р-313, оп. 1, д. 4043, л. 50об.
22. ГА ПО, ф. Р-288, оп. 1, д. 117, л. 28.
23. ГА СО, ф. Р-313, оп. 1, д. 3017, л. 6об.—7.
24. ТЕНЕТА И. Опыт статистического обследования порубок в Саратовской губернии. — Нижнее Поволжье. 1924, № 7, с. 77.
25. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. Р-1255, оп. 1, д. 32, л. 16.
26. ГА ПО, ф. Р-288, оп. 1, д. 207, л. 95об.; ГА СО, ф. Р-313, оп. 1, д. 4568, л. 7—7об.; ЦГА СО, ф. Р-3547, оп. 1, д. 41, л. 311об.
27. КЕДЕР А. К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса. — Лесовод. 1925, № 10, с. 23, 24.
28. ЦГА СО, ф. Р-3550, оп. 1, д. 18, л. 18.
29. Там же, ф. Р-3547, оп. 1, д. 41, л. 312.
30. ГА СО, ф. Р-313, оп. 1, д. 4568, л. 6об.
31. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 1, д. 736, л. 252об.; ф. Р-3547, оп. 1, д. 41, л. 311.
32. Отчет ЦИК и СНК VI созыва Татарской социалистической советской республики. Казань. 1927, ч. 2, с. 17.
33. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 1, д. 736, л. 247—247об.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 85, д. 90, л. 160.
35. АНЦЕЛОВИЧ Н. Работники леса и союз. — Лесовод. 1924, № 1, с. 5.
36. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. Р-337, оп. 1, д. 98, л. 203об.; д. 186, л. 68об.
37. ГА ПО, ф. Р-288, оп. 1, д. 300, л. 257; ф. Р-309, оп. 1, д. 3558, л. 48.
38. ГА СО, ф. Р-313, оп. 1, д. 4568, л. 25об.
39. ЦГА СО, ф. Р-644, оп. 1, д. 4694, л. 50.
40. В Наркомземе. Самовольные порубки. — Лесовод. 1925, № 6, с. 52—53.

41. Действующие распоряжения по лесному управлению (по 24 октября 1923 г.) с приложением Лесного кодекса. Пг. 1924, с. 100.
42. ДРОЗДОВСКИЙ Е. Лесные хищения и борьба с ними. — Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1924, № 1, с. 47.
43. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1923, № 58, ст. 564.
44. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А-259, оп. 8Б, д. 233, л. 1, 2, 13.
45. ШУЛЬЦ А. Ук. соч., с. 7.
46. НА РТ, ф. Р-1255, оп. 1, д. 211, л. 44; КЕДЕР А. Ук. соч. — Лесовод. 1925, № 11, с. 8.
47. ГА УО, ф. Р-337, оп. 1, д. 98, л. 201об., 203об.
48. Там же, д. 186, л. 32об.
49. ГА ПО, ф. Р-309, оп. 1, д. 3200, л. 92об.
50. ШУЛЬЦ А. Ук. соч., с. 7.
51. ГА СО, ф. Р-313, оп. 1, д. 3017, л. 6об.
52. ГА УО, ф. Р-337, оп. 1, д. 98, л. 203об.; д. 186, л. 32.
53. ПОВОЛЖАНИН. Отхожий промысел. — Красная Татария. 1926, 10 октября; Отчет ЦИК и СНК VI созыва Татарской социалистической советской республики, ч. 2, с. 17.
54. НА РТ, ф. Р-1255, оп. 1, д. 211, л. 43об.
55. Суд. Убийство лесника. — Трудовая правда. Пенза. 1926, 14 апреля.
56. ПИСАРЕНКО А.И., СТРАХОВ В.В. Ук. соч., с. 533.

Принятие революции: как российские либералы стали ее сторонниками

С.А. Репинецкий

Аннотация. Публикация посвящена эволюции российской либеральной общности в сторону радикализации в эпоху Великих реформ середины XIX века. Невозможность воплотить идеалы «гласности» и меритократии, составлявшие зерно либеральной программы, вызвала разочарование в реформаторском потенциале самодержавия. В исследовании прослеживается, как эти факторы привели либералов сначала к отказу в кредите доверия существовавшему политическому режиму, а затем — к политической поддержке террористов и радикалов как единственных активных борцов с властью.

Ключевые слова: идеология, Великие реформы, либерализм, Российская империя, радикализм, революция.

Abstract. This publication focuses on the development of Russian liberalism as an ideology in 1855—1881. This study is a vigorous, focused attempt to examine the initial phase of radicalization of the liberal intelligentsia during the Great Reforms Era, as well as its perception of itself as a distinct social group. The liberal worldview, based on universalism, anti-militarism, and seeking meritocracy. This outlook ultimately prevented liberals from supporting the autocracy and led many of them to include the justification of some revolutionary ideas in their discourse. Subsequently, they created a climate supportive of Russia's early revolutionary movement.

Key words: ideology, Great Reforms, liberalism, the Russian Empire, radicalism, revolution.

Российский либерализм эпохи Великих реформ изучается историографией уже в течение полутора веков. Дореволюционные, советские и российские исследования А. Корнилова, М. Нечкиной, В. Китаева, В. Приленского и С. Секиринского, а также антропологический подход американских историков Д. Оффорда, Г. Гамбурга и А. Федяшина привели к выводу, что российские либералы середины и второй половины XIX в. находились между двух огней — самодержавием и радикализмом — и были вынуждены стремиться направлять власти

Репинецкий Станислав Александрович — кандидат исторических наук, докторант университета Бар-Илан. Рамат-Ган. Израиль. E-mail: stasre@gmail.com.

Repinetskiy Stanislav A. — PhD, graduate student at the Bar-Ilan University. Ramat Gan. Israel. E-mail: stasre@gmail.com.

на путь реформ и одновременно сдерживать революционный напор радикалов ¹.

Совсем иная картина сложилась в начале XX столетия. В исследованиях К.Ф. Шацилло раскрывается, как в 1905 и 1917 гг. российские либералы поддержали революцию в качестве основного метода политической борьбы и приняли в ней самое активное участие ². Как показано, например, в работах А. Гейфман, они даже поддерживали террористическую деятельность революционеров — материально и политически ³. Однако в период своего зарождения — вторая четверть и середина XIX в. — российский либерализм противопоставлял себя так называемой «революционной партии», категорически отвергая ее методы. Но в течение полувека либералы изменили свою стратегию и превратились в сторонников революции.

Анализ либерального дискурса эпохи Великих реформ середины XIX в. (частной переписки и публицистики) показывает, что основным пунктом его программы был переход от милитаристской аристократии и плутократии — как оценивался существовавший в России политический строй — к своеобразной меритократии, то есть «власти достойных», к которым представители либеральной интеллигенции относили себя и своих учеников, объединяемых в довольно аморфную категорию «мыслящих людей» и «просвещенного общества», сочетавших необходимое образование с нравственным стержнем, что делало их способными к эффективному и бескорыстному управлению страной, в отличие от других социальных групп. Триумф «просвещенной бюрократии», то есть учеников либеральных интеллектуалов, в 1850-х гг. вселил надежды на реализацию этой программы самим самодержавным правительством, которое либералы активно поддержали, дистанцировавшись от революционных идей.

Для объяснения причин разочарования либералов в реформаторском потенциале самодержавия и перехода к частичной поддержке радикальных методов политической борьбы необходимо проанализировать основные положения политической программы российского либерализма середины XIX века. Утрата веры в правительство была в сущности осознанием либералами невозможности достичь своих основных целей в рамках существовавшего политического режима.

В первую очередь, как было многократно повторено в историографии, либералы требовали «гласности», считая именно ее краеугольным камнем дальнейшего развития страны. Под этим термином понималась неограниченная возможность устного и письменного выражения и распространения своих идей при условии учета властями общественного мнения при принятии судебных, административных и политических решений ⁴.

На первый взгляд, развитие «гласности» стало первым существенным нововведением эпохи Великих реформ — именно так это традиционно оценивалось и обществом ⁵, и историографией. Однако с отменой крепостного права «гласность» не только не расширялась, но наоборот: либералы все сильнее ощущали давление цензуры ⁶. Впервые, это выразилось в том, что в 1860—1870 гг. они вновь, как и до конца 1850-х гг., были вынуждены публиковать свои политические сочинения анонимно и за границей ⁷.

Во-вторых, как убедительно доказано в исследовании Н.Г. Патрушевой, после либеральной цензурной реформы 1865 г. в течение следующих двух десятилетий правительство последовательно сокращало права и свободы печати⁸. Согласно статистике цензурных постановлений, количество санкций против органов печати к концу 1870-х гг. нарастало, кроме того, правительство фактически отказалось от открытого диалога с обществом: практика публикации мотивировок цензурных постановлений, например в «Правительственном вестнике» сошла на нет, и публика уже не знала, за что наказывается тот или иной печатный орган⁹.

Последнее обстоятельство болезненно переживалось обществом наравне с другими фактами, например, выведением из сферы публичного обсуждения судебных процессов и следствия по политическим делам¹⁰. Таким образом, в течение десятилетия после основных реформ — с середины 1860-х до середины 1870-х гг. — успехи свободы слова ощущались либералами все меньше и определенных оснований рассчитывать на перемены к лучшему тоже не наблюдалось — это и породило пессимистический тон оценок сложившейся ситуации в трудах либералов конца 1870-х годов¹¹.

Еще одним основным пунктом либеральной программы, о котором гораздо реже упоминается в исследованиях, был переход к меритократии, то есть «власти достойных», а именно наиболее образованных и нравственно воспитанных личностей, прежде всего из рядов интеллигенции и ее учеников первого порядка (например, так называемой «просвещенной бюрократии») ¹². Так, либеральный журналист Н.А. Мельгунов требовал в 1856 г. «образовать для службы государству новое поколение,... свободное от закоснелых понятий» ¹³. Оно должно было сменить существовавшую и ненавистную либералам милитаристскую консервативную политическую элиту, состоявшую из лиц, обладавших преимущественно военным образованием и сделавших военную карьеру, которая сформировала у них в целом консервативное мировоззрение ¹⁴.

Господство представителей этого типа среди сановников высшего ранга неизменно становилось объектом критики и насмешек со стороны либералов. Осознание принципа «правят не бумаги, а люди» привело их к разочарованию в возможности реализации основных принципов либерализма в России без перехода к меритократии ¹⁵. Таким образом, без меритократии и «гласности» не могло быть либерализма, а их развитие в условиях самодержавия оказалось фактически заблокировано. Для достижения своих целей и борьбы с самодержавием либералы могли сделать не так много, причем — как и прежде, во времена Николая I, — почти исключительно вербальными методами.

Так, статьи А.Н. Пыпина о развитии общественного движения ¹⁶ и А.А. Головачёва о результатах реформ ¹⁷ обозначили разочарование в реформаторском потенциале власти, а также, в некоторой степени, поворот «Вестника Европы» к конвергенции с отдельными элементами идеологии левых, социалистических учений. Отдельные мыслители (например, К. Арсеньев, Е. Утин, В. Спасович ¹⁸, К.Д. Кавелин ¹⁹ и А. Кони ²⁰) и органы печати (такие, как газеты «Биржевые ведомости» ²¹ и «Голос» ²²) начали частично оправдывать социалистические

увлечения и террористические действия молодежи. Возврат к нелегальным зарубежным изданиям (Кавелин, М. Позен, А. Кошелев, Д. Хрущёв, С. Муромцев, М. Стасюлевич)²³ сигнализировал об ощущении либералами острой нехватки самого важного — свободы слова. В 1878 г. в Киеве и в 1879 г. в Москве состоялись нелегальные съезды деятелей земств с целью реализовать не принимаемый властями проект всероссийской выборной организации, предпарламентской структуры.

Дилемма «либо либерализм, либо самодержавие» была сформулирована П.В. Долгоруковым²⁴, а позже фактически повторена (на материале существенной несовместимости и конфликта системы земств с самодержавным политическим строем) И. Белоконским²⁵ и С. Витте²⁶.

Невозможность сосуществования современных либеральных институтов с самодержавной системой была проиллюстрирована газетой «Москвич» на примере столкновения «гласного суда» и «полицейского произвола» (за эту статью газета была закрыта): «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива... решаемся сослаться на эту правду в разъяснении тех недоразумений, которые постоянно возникают между полицией или администрацией и нашим новым судом... не он виноват, что устав 20 ноября дает защитника подсудимым, даже крестьянам, даже такого звания, которым по административным преданиям не дозволяется, обыкновенно, молвить слово в свою защиту, а приказывается, ради достоинства и обаяния власти, толь “молчать” и “молчать”. Наконец, нельзя же винить суд и в том, что даже самого ничтожного наказания не может он, по закону, наложить без достаточных юридических данных, даже таким людям, которых напротив администрация позволяет себе сечь без суда, без исследования, без допроса... В самом деле, крестьян предают суду как за бунт... Но может ли суд не взять во внимание, что тут не было никакого восстания... пока не прекратится эта бесцеремонность обращения с человеческой личностью, которая дает безнаказанную возможность администрации... Пока не совершится этих желаемых перемен, до тех пор всякое столкновение с современным гласным судом будет не к “авантажу” полицейских и административных властей...»²⁷

Десятилетием позже те же соображения были повторены Б.Н. Чичериным: «Самодержавное правительство не могло отдать действия своего представителя на суд присяжных... Настоящий процесс (по делу В. Засулич, 1878 г. — *С.Р.*) раскрыл более существенное зло, заключающееся в нашем общественном строе, именно, то коренное, несовместимое противоречие, которое лежит между преобразованиями нынешнего царствования и системой произвола, внесенного в полицейскую деятельность»²⁸.

Таким образом, без перехода к меритократии в условиях максимально возможной «гласности» все «либеральные» и «прогрессивные» реформы представлялись либералам лишь неудовлетворительными и необеспеченными полумерами. Постоянные и непредсказуемые колебания курса властей и зависимость от отдельных руководящих личностей возрождали у интеллигенции комплексы «лишних людей» (то есть ощущение неспособности реализовать свое стремление принести пользу государству и обществу) и «потерянного тридцатилетия» (времени без прогресса и самореализации личности, каковым представлялись эпохи Николая I и Александра III).

Общие выводы о сложившейся ситуации сформулировал в 1878 г. Чичерин: «Общество настолько уважает правительство, насколько оно может уважать те лица, которые являются его органами. Если же оно в законодателе видит не мыслящего человека, а чистого формалиста, в администраторе тупого чиновника или лихоимца, в представителе суда не защитника, а притеснителя, в людях, которым вверено руководство народного образования, не просвещенных деятелей, а покровителей всякой пошлости и всякой грязи, то какое может оно иметь доверие к власти и какое может оказать ей содействие?»²⁹

Уклонение правительства в этатизм — падение «просвещенной бюрократии» и поворот к консерватизму — похоронили последние надежды. Без перехода к меритократии все «либеральные» реформы представлялись либералам лишь неудовлетворительными полумерами. В ситуации растущего разочарования и политической дезориентации либералов в 1870-х гг. единственными людьми, самоотверженно действовавшими в этом направлении, стали представители революционной молодежи. Молодые террористы и пропагандисты представляли перед либеральной публикой в ореоле мучеников за идеи, очень близкие тем, о которых сами либералы осмеливались лишь мечтать.

Исследование либеральной публицистики и эго-документов (мемуаров, дневников и частной переписки) общественных деятелей показывает постепенный перелом в отношении к террористам: в 1850-е гг. они представлялись либералам горсткой сумасшедших без значительного числа последователей и какого бы то ни было политического будущего³⁰; позже они оценивались как «заблуждающиеся молодые люди», которых следует образумить; постепенно они превратились в мучеников на страницах сочинений либералов; наконец радикалы и террористы предстали в амплу борцов, которым не остается другого средства, кроме террора, в справедливой схватке с главным злом и общим врагом — самодержавием.

В 1856 г. историки Чичерин и Кавелин написали о радикальных идеях: «Едва ли найдется у нас один истинно образованный человек, который бы поддался на ваши теории, который бы не пожалел о том, что деятельность, имеющая в виду пользу отечества, бьет совершенно мимо цели и теряется в бесплодной социальной пропаганде... России до социальной демократии нет дела; у нее другие интересы»³¹.

В 1862 г. цензор А.Н. Никитенко писал в связи с арестом Н.Г. Чернышевского: «Жаль! Потому что люди, даже вовсе не сочувствующие Чернышевскому, невольно склоняются к мысли, что с ним поступлено слишком строго; чтобы не сказать — жестоко»³².

В 1878 г. газета «Биржевые ведомости» в заметке по поводу убийства генерала Мезенцева уже ставила террористов на одну планку с правительством, рассматривая обе стороны как два равноправных течения: «Одно из этих течений называется консервативным, а другое прогрессивным или либеральным... и которая из борющихся партий запятнала себя большим числом преступлений — это определить довольно трудно»³³.

В 1878 г. юрист Кони заметил в письме к Победоносцеву в связи с судом над Верой Засулич по поводу одного из последних политических процессов: «... этот процесс... оставил общество в прежнем недоумении и отсутствии ясного понимания сущности и целей борьбы,

ведомой правительством... Кто эти люди в столь значительном количестве привлекаемые к дознаниям? — По большей части юноши, едва вышедшие из отрочества, — учащиеся, которых еще трудно признать за граждан, ясно сознающих свои обязанности и отношение к обществу и государству. Что же они сделали? — ничего — или почти ничего преступного, потому что несмотря на тяжкие обвинения против них возведенные, не признаны подлежащими наказанию и освобождены... Что сделано с ними? — ... на них навсегда наброшена тень подозрения, на заре своей жизни многие из них поражены ударами тяжкими и для взрослых... Какой результат всего этого? — разбитая жизнь одних, искусственно вызванное ожесточение других, получивших право драпироваться в заманчивую мантию несправедливо перенесенных гонений, недоконченное или надолго прерванное образование третьих, потеря занятий и нищета четвертых — святые слезы матерей — готовый материал для недобросовестных и бездушных агитаторов... И вот, в ежедневной обыденной жизни — общество не торопится идти на помощь правительству, — истинно благомыслящие люди со скорбью видят, как растет между тем и другим отсутствием доверия»³⁴.

В 1881 г. газета «Голос» получила предупреждение цензуры за статью, содержащую следующее замечание, возлагавшее на правительство ответственность за всплески террора и радикализма: «Надо смотреть на дело прямо: успех дела, задуманного Императором Александром II, зависел не от совершенств канцелярского производства, а от перевоспитания общества, т.е. процесса медленного и трудного всегда и везде... Мы шли путем реакции и нажили себе крамолу»³⁵.

Психологический климат вокруг идеологических споров 1860—1870-х гг. также способствовал разочарованию либералов в перспективности верности чисто либеральным формам политической активности и подталкивал к оправданию некоторых радикальных идей и методов. Например, с начала 1860-х гг. либерализм постепенно отступал по всей Европе, и на этом фоне либералы, традиционно позиционировавшие себя сторонниками наиболее прогрессивного и влиятельного учения самых развитых стран мира, потеряли возможность использовать этот аргумент и получать дивиденды от российского западничества и европейской политической моды.

Например, в годовом отчете цензурного ведомства в 1862 г. отмечалось: «В наше время западные движения являются нам во совершенно ином свете. Ныне самые революции совершаются как бы по видам и планам самих правительств. Борьба партий имеет более местный интерес и далеко уже не увлекает так русского читателя»³⁶. В следующем году цензоры торжествовали еще больше: «... когда потом Французское общество успокоилось при правлении Императора Наполеона III, а в Германии то время миновало, где идеи Гейне, Фохта, Бюхнера и тому подобных писателей читались и поглощались с жадностью, считая их непогрешимыми, то литература этих народов стала надежнее и полезнее для России, нежели она была прежде»³⁷.

Сами либералы тоже реагировали на перемены в международной ситуации уже в 1862 году³⁸. Например, в одном из запрещенных цензурой аллегорических рассказов приводился диалог либерального племянника с его пожилым консервативным дядей, бывшим генера-

лом (традиционный для либералов выпад против милитаристской сути консервативных кругов). В начале рассказа дядя боялся читать газеты из-за либерального духа публикаций и новостей из России и Европы, но некоторое время спустя роли поменялись — теперь уже племяннику стало противно читать новости, а генерала они воодушевляли ³⁹.

Пессимизм либералов был обусловлен следующими событиями, характеризовавшими общее ослабление либеральных тенденций в политике ведущих государств мира (хотя, конечно, можно найти и обратные тенденции — например, в Мексике 1867—1910 гг. были периодом торжества либерализма; однако здесь речь идет о господствующей тенденции): в 1861 г. было создано Итальянское королевство, во главе с консервативным правительством К. Кавура; консерваторы господствовали в Италии в 1862—1876 гг.; в 1862 г. консерватор О. фон Бисмарк стал министром-президентом Пруссии и в 1871 г. создал на ее базе Германскую империю; в 1863 г. польское восстание вызвало антироссийскую истерию в британской и особенно французской прессе, на которую русская пресса ответила симметрично, что сделало ссылки на англо-французские образцы и примеры менее популярными в общественном мнении; в 1865 г. в США был убит президент-освободитель А. Линкольн; в 1871 г. консерватор Л.-А. Тьер стал президентом Третьей республики во Франции; в 1874—1880 гг. в Великобритании у власти находилось второе консервативное правительство Б. Дизраэли; в 1878 г. Османская империя отменила ранее принятую конституцию и повернула к реакционной политике; в 1879 г. Британия оказала давление на российское правительство, что фактически свело к нулю завоевания, добытые кровью русских солдат в ходе Русско-турецкой войны 1878—1879 годов ⁴⁰.

Традиционно принято относить контакты русских с европейцами, в частности, заграничный поход русской армии в 1813—1815 гг., к одной из причин появления и распространения западнических идей в русском обществе. Однако, как убедительно показано в исследовании А. Мартина, для подавляющего большинства русских эти контакты в основном носили характер конфронтации, точнее — отражения экспансии с запада, поэтому Наполеоновские войны и тому подобные события были скорее прививкой от западничества и либерализма ⁴¹.

Подчеркнуто антироссийская (подчас совершенно неоправданная, по крайней мере, с точки зрения большинства россиян) позиция французов во время польского восстания 1863 г. и англичан во время Русско-турецкой войны 1878—1879 гг. привели к распространению антизападных (антизападнических) и антилиберальных настроений уже не только среди масс населения, но и в обществе. Эти тенденции отразились в целой плеяде национал-патриотической периодики и были теоретически осмыслены в труде Н.Я. Данилевского ⁴².

Можно проследить и определенные психологические феномены, которые подталкивали либералов к оправданию и политической поддержке радикалов. Во-первых, это политический саспенс (это понятие давно и широко известно в психологии, а в культурологии разработано в исследовании Е. Сошкина ⁴³), то есть ощущения нетерпеливого ожидания завершения атаки или реализации угрозы, которое испытывает зритель в наиболее напряженные моменты представления. Особый интерес вызывает свойство саспенса, заставляю-

щее зрителя бессознательно стремиться к развязке в пользу активного (нападающего) персонажа, даже, если этот персонаж антипатичен зрителю, а его жертва — наоборот — симпатична. Так и либералы ощущали себя зрителями разворачивающейся борьбы радикалов против правительства и подсознательно испытывали влечение к скорейшему успешному завершению радикального натиска, даже и не симпатизируя радикалам⁴⁴. В начале XX в. «устремленность к революции» стала уже осознанным желанием значительной части интеллигенции.

Вторым феноменом стал, по определению М. Финке, «моральный мазохизм» российской интеллигенции в отношении радикалов. Традиционно этот феномен трактуется как склонность к пассивности и страданию перед любым насилием, прежде всего, со стороны власти, что делает любое сопротивление «насилию сверху» психологически дискомфортным⁴⁵. С другой стороны, русская интеллигенция, в том числе и либеральная, всегда испытывала потребность в подвижничестве во имя процветания отечества, что рассматривалось как основное назначение человека⁴⁶.

Придя к выводу, что путь к процветанию России лежит через устранение самодержавного строя, либералы вынужденно увидели моральное превосходства в деятельности молодых революционеров, которые, шли на самопожертвование ради того, о чем либералы только мечтали и иногда осмеливались говорить, а еще реже — писать. Все эти факторы привели либеральную общественность к прямому и гласному оправданию террористической активности революционной молодежи в конце 1870-х гг., что ярче всего проявилось в случае с вынесением присяжными оправдательного приговора В. Засулич в 1878 году.

Таким образом, либеральная интеллигенция — сознательно или нет — поддерживала радикалов и противостояла самодержавию к концу эпохи Великих реформ в значительно большей степени, чем это делалось в начале этого периода. Как показал в своем исследовании революционных процессов в Западной Европе XIX в. Я. Тальмон, рост протестных настроений в среде интеллектуалов имел непосредственное влияние на распространение оппозиционности общества в целом, которое в следующем поколении транслировало эти настроения всем слоям населения⁴⁷. Механизмы передачи импульсов оппозиционности от интеллектуалов в общественную среду, выделенные на западноевропейском материале, вполне прослеживаются и в российских источниках. Так например, преподавательская деятельность использовалась в качестве средства распространения оппозиционных взглядов, по существу — политической пропаганды. Сведения о такой деятельности содержат отчеты правоохранительных органов и эгодокументы, например, воспоминания М. Антоновича о Т.Н. Грановском⁴⁸ и дневник А.В. Багданович о М.М. Ковалевском⁴⁹. Другие наиболее известные случаи политической активности преподавателей, в том числе и в аудиториях, связаны с именами А. Градовского⁵⁰, А. Щапова и Н. Костомарова⁵¹. Средством политической пропаганды историки рассматривают публицистику и литературу⁵². Салоны и кружки тоже стали средством обмена и распространения своих политических взглядов для «людей сороковых годов» (то есть либеральной ин-

теллигенции — термин из одноименного романа А.Ф. Писемского) и «новых людей» (радикальной интеллигенции — термин из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?») ⁵³

Как справедливо замечает профессор А. Гейфман, к началу XX в. среди уголовных элементов стало модным прикрывать свои деяния якобы революционными целями, что давало им моральное самооправдание, а также поддержку общественного мнения и разветвленной сети антиправительственных организаций и сочувствующих их деятельности. Таким образом, ограбление стало называться «экспроприация», убийцы сделали «террористами», а уголовники — «революционерами» ⁵⁴.

К этому необходимо добавить, что героизация революционеров и террористов в общественном мнении привела к тому, что не только уголовники, но и буквально все слои общества оказались охвачены «модой» на революционную деятельность: поэты писали революционные стихи, ученые и преподаватели общественных дисциплин вносили революционные идеи в свои лекции и публикации, студенты и журналисты выступали в поддержку борцов с режимом, девушки писали им прочувственные письма, даже представители имущих классов — капиталисты и титулованные дворяне, что уже совсем не логично, — жертвовали и завещали свои капиталы на дело революции. Результатом стало полное падение традиционных ценностей и смешение этических понятий в умах целого поколения: ни вера, ни царизм, ни отечество, ни даже семья — ничто больше не воспринималось как ценность. К началу XX в. можно было констатировать фактическую победу нигилизма — учения ниспровергателей истин и авторитетов, зародившегося в среде левой столичной журналистики в 1860-е гг. — в борьбе за умы и сердца нового поколения.

Примечания

1. КОРНИЛОВ А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб. 1905; ЕГО ЖЕ. Общественное движение при Александре II. М. 1909; НЕЧКИНА М.В. «Голоса из России» — памятник общественного движения середины XIX в. В кн.: Голоса из России. Репринтное издание. Т. 4. М. 1975, с. 5—24; КИТАЕВ В.А. Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов. 2004; ПРИЛЕНСКИЙ В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М. 1995; ПУСТАРНАКОВ В.Ф. Либерализм в России. Казань. 2002; СЕКИРИНСКИЙ С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 1999; OFFORD D. Nineteenth-Centure Russia. Opposition to Autocracy. L.-N.Y. 1999; WALICKI A. The Slavophile Controversy. History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Centure Russian Thought. Indiana. 1989; HAMBURG G.M. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. Stanford. 1992; FEDYASHIN A.A. Liberals under Autocracy. Modernization and Civil Society in Russia, 1866—1904. Madison. 2012.
2. ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика. М. 1985.
3. GEIFMAN A. Death Orders: The Vanguard of Modern Terrorism in Revolutionary Russia. Santa-Barbara. 2010; EADEM. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. New Jersey. 1993.
4. КАВЕЛИН К.Д., ЧИЧЕРИН Б.Н. Письмо к издателю. В кн.: Голоса из России, т. 1, с. 15; Русский вестник. 1857, т. 12, с. 213, 217; 1858, т. 14, с. 3; МЕЛЬГУНОВ Н.А.

- Россия в войне и мире. В кн.: Голоса из России, т. 4, с. 150, 153; ЮРЬИН М.Н. Об экономических отрицаниях общинного землевладения. — Отечественные записки. 1859, № 5, с. 154; Записка о письменной литературе. В кн.: Голоса из России, т. 1, с. 60; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 109, оп. 3, д. 1962, л. 2.
5. КАВЕЛИН К.Д., ЧИЧЕРИН Б.Н. Ук. соч., с. 9; ГА РФ, ф. 109, оп. 3, д. 2026, л. 14; МЕЛЬГУНОВ Н.А. Мысли вслух об истекшем тридцатилетии в России. В кн.: Голоса из России, т. 1, с. 69; Современная хроника России. — Отечественные записки. 1857, № 12, т. 115, с. 2—15, 48—49.
 6. Жалобы на это либеральных интеллигентов см. в частных письмах общественных деятелей: ГА РФ, ф. 109, оп. 3, д. 1939, л. 1, 3; д. 1959, л. 41, 48, 50; Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), ф. 7, д. 57, л. 35.
 7. См., напр.: СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ Н.А. Проект действительного освобождения крестьян. В кн.: Голоса из России, т. 8, с. 132—134; ХРУЩЁВ Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Berlin. 1861; ПОЗЕН М.П. Бумаги по крестьянскому делу. В кн.: Mémoires relatifs à la abolition du servage en Russie. Dresden. 1864; КОШЕЛЕВ А.И. Конституция, самодержавие и земская дума. Leipzig. 1862; ЕГО ЖЕ. Об общинном землевладении в России. Berlin. 1875; МУРОМЦЕВ С.А. В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова: Записка о полит. состоянии России весной 1880 г. Berlin. 1881; КАВЕЛИН К.Д. Политические призраки: Верховная власть и адм. произвол: один из соврем. рус. вопросов. Berlin. 1878; САМАРИН Ю.Ф. и ДМИТРИЕВ Ф.М. Революционный консерватизм. Berlin. 1875; БОКОВА В.М., КОРШ В.Ф. Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. М. 2010, с. 478.
 8. ПАТРУШЕВА Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. Дисс. докт. ист. наук. СПб. 2015.
 9. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865—1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. СПб. 2011.
 10. ЧИЧЕРИН Б.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 523, д. 1042; КОНИ А.Ф. Письмо К.П. Победоносцеву. Там же, ф. 587, д. 16.
 11. ГОЛОВАЧЁВ А.А. Десять лет реформ. — Вестник Европы. 02.1871—05.1872.
 12. БУНГЕ Н. По вопросу об улучшении быта помещичьих крестьян. Об изменении юридических отношений в России вследствие предстоящего преобразования крепостного права. — Отечественные записки. 1858, № 8, т. 119, с. 55.
 13. МЕЛЬГУНОВ Н.А. Россия в войне и мире, с. 151.
 14. О дисциплине и свободе. Сб. статей, недозволенных цензурой в 1862 году. Т. 2. СПб. 1862, с. 442—448; Отчет цензуры о закрытии газеты «День» в 1862 г. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 772, оп. 1, д. 5932; Письма К.Д. Кавелина к Т.Н. Грановскому. В кн.: КОЧУКОВА О.В. Из истории либеральной мысли в России (общественно-политические взгляды К.Д. Кавелина). Саратов. 2005, с. 10; ДОЛГОРУКОВ П.В. Петербургские очерки. М. 1992, с. 191; ШИЛОВСКИЙ М.В. Судьбы, связанные с Сибирью. Биографические очерки. Новосибирск. 2007; LOJEK J. Opinia publiczna a geneza Powstania Listopadowego. Warszawa. 1981; KLINGE M. European University: The University of Helsinki 1640—2010. Keuruu. 2010, p. 433.
 15. ГРАДОВСКИЙ А.Д. Вступительная лекция по государственному праву (1873). В кн.: ГРАДОВСКИЙ А.Д. Собр. соч. СПб. 1899, с. 30—31.
 16. ПЫПИН А.Н. Общественное движение при Александре I: исторические очерки. СПб. 1871.
 17. ГОЛОВАЧЁВ А.А. Ук. соч.
 18. КИТАЕВ В.А. Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов. 2004, с. 305—308.
 19. Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. Женева. 1892, с. 82.
 20. КОНИ А.Ф. Письмо К.П. Победоносцеву.
 21. Биржевые ведомости. № 219, 10.8.1878, с. 1.
 22. Голос. 29.03.1881, с. 1.
 23. ХРУЩЁВ Д.П. Ук. соч.; ПОЗЕН М.П. Ук. соч.; МУРОМЦЕВ С.А. Ук. соч.; КАВЕЛИН К.Д. Ук. соч.

24. Будущность. 1860, № 1.
25. БЕЛОКОНСКИЙ И.П. Земство и конституция. М. 1910; ЕГО ЖЕ. Земское движение. М. 1914.
26. ВИТТЕ С.Ю. Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте (1899 г.). В кн.: ВИТТЕ С.Ю. Сочинения. Stuttgart. 1901.
27. Москвич. № 35, 08.02.1868.
28. ЧИЧЕРИН Б.Н. Письмо К.П. Победоносцеву, с. 2.
29. ЧИЧЕРИН Б.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. ОР РНБ, ф. 587, д. 27, с. 9.
30. КАВЕЛИН К.Д., ЧИЧЕРИН Б.Н. Ук. соч., с. 20, 35.
31. Там же.
32. НИКИТЕНКО А.В. Записки и дневник. М. 2005. Записи за 22.09.1862 и 21.05.1864.
33. Биржевые ведомости. № 219, 10.8.1878, с. 1.
34. КОНИ А.Ф. Письмо К.П. Победоносцеву. ОР РНБ, ф. 587, д. 16, с. 22—23.
35. Голос. 29.03.1881, с. 1.
36. РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 5939, л. 22.
37. Там же, ф. 775, оп. 1, д. 1, л. 19.
38. Русские ведомости. 1863—1913. Сб. статей. М. 1913, с. 68.
39. Два вечера на даче. Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 году. Т. 2. СПб. 1862, с. 77—87.
40. См., например: Новое время. 1878, № 1021, с. 1.
41. MARTIN A. Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762—1855. Oxford. 2013.
42. ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. СПб. [1869], гл. 4.
43. SOSHKIN Y. Lecture in Hebrew University in Jerusalem, April 28, 2014.
44. Примеры такого отношения см.: ЧИЧЕРИН Б.Н. Письмо К.П. Победоносцеву. ОР РНБ, ф. 587, д. 27, с. 3; КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 22—23; Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева. 1892, с. 82; БОГДАНОВИЧ А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. М. 2008, с. 30—31.
45. MICHAEL C. Finke, Introduction and “Sacher-Masoch, Turgenev, and Other Russians,” and Daniel Rancour-Laferriere, “Lev Tolstoy’s Moral Masochism in the Late 1880s,” One Hundred Years of Masochism: Literary Texts, Social and Cultural Contexts, edited by Michael Finke and Carl Niekerk. Amsterdam. 2000, p. 1—14, 119—170.
46. Подробнее об идеалах дворянства и интеллигенции см.: ОЛЕЙНИКОВ Д.И. Классическое российское западничество. М. 1996; МУРАВЬЁВА О.С. Как воспитывали русского дворянина. М. 2014; ЛОТМАН Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб. 1994.
47. JACOB L. Talmon, Romanticism and revolt: Europe 1815—1848. London. 1967.
48. АНТОНОВИЧ М.А. Воспоминания. В кн.: Шестидесятые годы. М.-Л. 1933, с. 55—57.
49. БОГДАНОВИЧ А.В. Ук. соч., с. 55.
50. ГРАДОВСКИЙ А.Д. Ук. соч., с. 30—31.
51. ШАПИРО А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М. 1993.
52. BERLIN I. Introduction to Russian Intellectual History: An Anthology. New York. 1966.
53. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н.Г. Что делать? М. 1967, с. 25; ПИСЕМСКИЙ А.Ф. Люди сороковых годов. В кн.: ПИСЕМСКИЙ А.Ф. Собр. соч. в 9 томах. Т. 4—5. М. 1959.
54. GEIFMAN A. Death Orders...; EADEM. Thou Shalt Kill ...

Некоторые аспекты трансформации этнической религии осетин во второй половине XIX — начале XX в.

С.Г. Кцоева

Аннотация. Этническая религия осетин — интересный феномен, насчитывающий не одно тысячелетие. В ней обнаруживаются черты доисторических верований, религий древних цивилизаций, а также прослеживаются параллели с различными монотеистическими религиями, прежде всего, православным христианством, реже — исламом и даже иудаизмом. В работе анализируется трансформация мифологического мировоззрения осетин в религиозное, отчетливо проявившаяся под влиянием процессов модернизации осетинского общества во второй половине XIX — начале XX в., которая, в свою очередь, была обусловлена активным вовлечением Осетии в пространство российской политической, религиозной и культурной идентичности.

Ключевые слова: этническая религия осетин, мифологическое мировоззрение, религиозное мировоззрение, трансформация, модернизация.

Abstract. Ethnic religion of Ossetians interesting phenomenon dating back not one millennium. There one can trace the properties of prehistoric beliefs, religions of ancient civilizations and also parallels with various monotheist religions, first of all, orthodox Christianity, rarer — Islam and even Judaism. In the work is analyzed the transformation of mythological outlook of Ossetians into religious which was distinctly shown under the influence of processes of modernization of the Ossetian society in the second half XIX beginning XX century which, in its turn, has been caused by active involvement of Ossetia in space of the Russian political, religious and cultural identity.

Key words: ethnic religion of Ossetians, mythological outlook, religious outlook, transformation, modernization.

Истории не известен ни один исконно безрелигиозный этнос, что было основательно подтверждено трудами крупнейшего исследователя древних культур Эдуарда Тейлора еще в середине XIX века. У каждого народа возникла и сформировалась отличная от других мировоззренческая система, основанная на вере в сверхъестественное, с сопутствующей ей культовой практикой. Но, несмотря на очевидное

Кцоева Султана Гильмидиновна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН. E-mail: sultana_t@mail.ru.

Ktsoeva Sultana G. — doctor of historical sciences, senior researcher at the North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies named after V.I. Abaev. Vladikavkaz Scientific Center of RAS. E-mail: sultana_t@mail.ru.

многообразие форм и смысловых особенностей этих систем, их развитие подчинено определенным единым закономерностям. Речь идет, прежде всего, об этапах и критериях конституирования формы общественного сознания, именуемой «религиозной», являющейся, согласно определению ряда социально-гуманитарных наук, второй ступенью развития мировоззрения древнего человека после мифологического.

Отправным пунктом анализа обозначенной проблемы является необходимость разграничения этих двух принципиально разных типов мировоззрения в сознании осетин. Важно, по убеждению Поля Рикёра, не только постижение керигмы (так французский философ-структуралист обозначил рациональную часть религии, «чистый логос», свободный от мифологических наслоений), но и выделение мифологического в религиозном, поскольку миф, по большей части сохранился именно в сфере религиозного сознания.

В строгом смысле слова именование в религиоведении первобытных религий «религиями» весьма условно по двум причинам: 1) они являются воплощением не религиозного, а мифологического типа мировоззрения; 2) религиями они называются как дань традиции, отсылающей нас к тем этапам развития науки, когда ученые еще не различали стадий исторической эволюции человеческого сознания, вследствие чего специальный термин для феномена «доосевых» религий так и не возник, что по сей день создает для религиоведов немалые трудности.

Период второй половины XIX — начала XX в. выбран неслучайно. Исследователь религиозных представлений более ранних этапов жизни этноса располагает в основном противоречивыми данными «внешних наблюдателей», описывавших обычаи и нравы народа всегда с позиции представителей иной мировоззренческой системы координат, в силу чего они, как правило, носили резко критический, субъективный характер. В обозначенном промежутке ситуация существенно изменилась во многом благодаря российским православным миссиям, в частности, Обществу восстановления православного христианства на Кавказе, учрежденного в 1860 г., задавшему мощный импульс просветительской деятельности в среде осетинского населения, масштабы и значение которой анализируются в статье З.В. Кануковой: «Важным направлением культурно-просветительской деятельности был перевод церковной литературы на осетинский язык... Православие стояло у истоков осетинской литературы... результатом деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе стало появление в осетинских селах новых церковно-приходских школ... Не следует недооценивать и такой феномен осетинской культуры, как раннее появление женского образования, начало которому было положено православным духовенством. История женского образования начинается с середины XIX в., когда А. Колиев открыл первую школу для девочек»¹. С распространением просвещения в Осетии стал формироваться слой образованной осетинской интеллигенции (Колиев, Х. Цомаев, А. Гатуев, А. Цаликов, И. Кануков, братья Дж. и Г. Шанаевы, С. Кокиев, Б. Гатиев, Н. Берзенов и многие другие), проявлявшей интерес к прошлому и настоящему собственного народа. Исследователь истории осетинской интеллигенции эпохи пореформенной модернизации Э.Ш. Гутиева пишет: «Обще-

ственная динамика пореформенной России предопределила необходимость приспособления к ней северокавказских обществ, каждое из которых выработало свои адаптационные механизмы. Периоды общественных модернизаций и сопровождавшие их перемены в культуре социума актуализируют роль интеллигенции как социокультурной общности, представители которой своей профессиональной, интеллектуальной деятельностью генерируют, воспроизводят и развивают культурные ценности, способствуя просвещению и прогрессу общества. Степень усвоения социальных и культурных инноваций во многом определялась образовательным уровнем общества и наличием интеллигенции»².

Вклад ее лучших представителей, «изнутри» (что существенно) отразивших реалии жизни народа на стадии важнейшего исторического перехода, составляет ценный комплекс источников. Тем не менее, ограниченность этих источников «позволила, — по выражению В. Уарзиати, — больше говорить о структурообразующих явлениях и элементах, чем о последовательности событий»³.

Таким образом данный период является одним из наиболее активных по части социальной динамики: «Проведение буржуазных реформ, освобождение зависимых сословий, вовлечение Осетии в систему всероссийского рынка, урбанизационные процессы, повышение социальной мобильности осетин предопределили их интеграцию в российское социально-культурное пространство»⁴. Расслоение осетинского общества, ставшее результатом проникновения капиталистических отношений в этот период, не дает возможности судить о религиозном мировоззрении всего этноса в целом, часть которого принимала православие или ислам, или вовсе скептически относилась к религиозным вопросам, что вполне естественно для сложно стратифицированного буржуазного социума.

В своей книге исследователь осетинского традиционного этноса А.Х. Хадикова отмечает: «Предпринятый нами целенаправленный анализ позволяет утверждать, что сколько-нибудь решающие, т.е. классифицирующие, поучельные различия в поведенческой культуре осетин отсутствуют. Варьирует не сама коммуникативная культура, а лишь отдельные локальные особенности, нюансы, никоим образом не нарушающие ее единой структуры. Эти особенности будут отмечаться при необходимости, делать же их предметом специального рассмотрения не представилось перспективным»⁵. По аналогии с коммуникативными практиками можно оценить и поучельную специфику этнорелигиозных различий: имея место, они не вступают в принципиальное противоречие со сложившейся универсальной (общесетинской) моделью.

Человек как вид насчитывает более миллиона лет и, вне всякого сомнения, уже на стадии своего «немого» (бесписьменного) доисторического существования совершил первую попытку ответа на основополагающие вопросы бытия: что есть мир и как он возник? Кто есть он сам и откуда? Зачем он есть? В качестве ответа на эти и другие подобные вопросы стало формироваться мифологическое сознание первобытного человека.

Нет необходимости перечислять все характеристики мифологического сознания: они давно известны. Отмечу лишь, что важной в

контексте данного исследования является его антиисторичность: здесь время не понимается как процесс поступательного развития. В крайнем случае, оно допускается как обращенное вспять, поскольку движется от золотого века к серебряному и медному, в чем, в свою очередь, проявляется стремление видеть мир статичным, постоянно воспроизводящим, но не меняющим формы социальной жизни. События, о которых идет повествование в мифе, произошли в далеком прошлом и отделены от настоящего большим временным интервалом, что, в свою очередь, позволяет воспринимать их как вполне реальные, как некую первооснову, из которой берут свое начало все последующие события. Миф изначально существует в собственном особенном времени. Всегда присутствует идея «первоначала», «первотворения». Причем «по мере того, как возрастала независимость людей от природных явлений, культурные герои становились демиургами, то есть творцами, которые часто представлялись в виде близнецов — двух братьев»⁶: «... родоначальником нартов был Уархаг. У него было два сына-близнеца Ахсар и Ахсартаг»⁷. К мифологическим сюжетам неприменимы линейные представления о движении времени, что отчетливо прослеживается в нартовском эпосе: «В те давние времена, когда нарты были в полной славе, когда море было им по щиколотку и широко была открыта им дорога на небо...»⁸ или в иных (не эпических) формах устного народного творчества: «Однажды Бог и черт поссорились насчет того, кто будет жить на небе, кто на земле...»⁹

Если природа мифа неисторична, то религия является результатом исторического развития. В сравнении с мифологической она предстает более зрелой формой мировоззрения и возникает тогда, когда миф уже не в состоянии дать ответ на вопросы, поставленные самим ходом истории. Необходимость в религии, а не в мифе, возникла не вдруг, а вследствие длительного процесса совершенствования человеческого разума и развития абстрактного мышления, усложнения социальной жизни, связанного с развитием государства и углублением социального неравенства.

От мифологии религия отличается средствами постижения бытия. В религиозном сознании субъект и объект уже четко разграничиваются и, как следствие, преодолевается характерная для мифа неразделимость человека и природы. Миф раздваивает мир на духовный и телесный, земной и небесный, естественный и сверхъестественный, и, в конце концов, земной мир начинает рассматриваться как следствие мира сверхъестественного. В религии же сакральный мир непостижим посредством органов чувств, поэтому необходима вера в него и его объекты. Вера выступает главным средством постижения действительности.

Если суть мифа заключена в обосновании связи индивида с родом, то религия стремится к достижению единения человека с Богом как с воплощением абсолюта. Кроме того, религиозное мировоззрение обладает рядом специфических характеристик. В отличие от мифа, религия строго разделяет мир на профанный и сакральный, не смешивая их, различает естественное и сверхъестественное и, что не менее важно, она неотделима от веры в божественную сверхсилу, способную гармонизировать любой хаос и манипулировать как природой, так и судьбами людей.

По мнению Б.А. Калоева, «... христианство, сосуществовавшее некоторое время с древними верованиями, в послемонгольский период прекратило свое существование. Восстановленное вновь в XVIII в. царским правительством, оно не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на религиозное мировоззрение осетин»¹⁰. Безусловно, убеждение ученого имеет под собой некоторые основания. Было бы странно утверждать, что укоренение христианства в сознании и повседневности осетин той эпохи являлось столь же очевидным, как это имело место, например, у русских. Однако последний вывод Калоева представляется весьма спорным при ближайшем знакомстве с легендами, зафиксированными рядом этнографов во второй половине XIX — начале XX века. Анализ их содержания не оставляет сомнения в том, что к тому периоду в мировоззрении осетин возрастало преобладание черт, типичных для сознания не столько мифологического, сколько религиозного. При этом основой этой трансформации служили религиозные системы доктринальных религий — христианства и, в меньшей степени, ислама. Дело не только в появлении новых мифологических сюжетов, в фабулу которых «вплетались» нетипичные для осетинского эпоса персонажи (эманации Христа, библейских, коранических пророков и т.д.). Одного включения их имен в народный фольклор и совокупность верований было бы недостаточно для того, чтобы констатировать упомянутую трансформацию. Важно подчеркнуть, что в рассматриваемый период архаическое сознание древнего народа неуклонно преобразовывалось в более абстрактное — религиозное.

Мифологичность — отправной пункт анализа, и в осетинских этнорелигиозных представлениях она обнаруживается легче всего. Характерная нерасчлененность восприятия профанного и сакрального миров порождает убежденность в том, что сакральные объекты и субъекты, с которыми человек вступает в контакт, непременно взаимодействуют с ним, и свойство этого взаимодействия зависит, как правило, от намерений и действий человека. Важно, что реакция сакрального мира следует незамедлительно либо в форме наказания за нарушение табу, либо в форме поощрения за социально одобряемое поведение.

Схожесть основных черт осетинской мифологии с классической заключалась в том, что в качестве сакральных субъектов выступали не только духи и святые покровители, но и святилища, и даже природные объекты (дерево, камень и т.п.), то есть предметы неодушевленные. Большое количество легенд, народных поверий содержат указания на эту особенность. Например, трудно определить: святилище Реком — это сакральный объект или же субъект: «Вся роща... принадлежит безраздельно Рекому, охраняющему ее очень ревниво. Реком не любит, чтобы рощею ехали верхом», или: «Реком не терпит ни свиней, ни людей, пользующихся ими для своих нужд», «Реком рассердился» и т.п. Тут святилище определенно выступает в качестве субъекта. И далее: «...и поэтому никто из местных жителей не рискнет... (нарушить табу. — С.К.), опасаясь жестокого гнева святого», или: «охотнику, который поступит наперекор ему (Рекому. — С.К.), грозит участь одного грузинского семейства». Дальше легенда повествует о семье, пришедшей из Грузии, чтобы помолиться Рекому и

принести ему в жертву барана. Но, очевидно, по незнанию, в состав веревки, за которую тянули животное, входила свиная щетина. В качестве наказания за нарушение табу Реком «обратил их в камни» ¹¹, что является следствием непосредственного взаимодействия сакрального и профанного, типичного именно для мифологического сознания.

Существует научная точка зрения, согласно которой Реком — это православный храм, посвященный Святой Троице ¹². Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что в означенный период осетинами (еще или уже) Реком воспринимался совершенно иначе. Для них христианская принадлежность храма имела в тот период второстепенное значение (они путались даже в соотнесении его с каким-либо конкретным святым).

Мифологическая персонификация неодушевленных объектов в осетинской этнической религии находит свое подтверждение в описании еще одного обряда, входящего в комплекс свадебных. Суть его подробно изложена в работе Б. Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин» и, без сомнения, является замечательной иллюстрацией мифолого-религиозной синкретичности: «Окончив молитву, шафер в сопровождении мальчиков и девочек ведет молодую к Мады-Майрам (так называется священный камень, ассоциирующийся здесь с Девой Марией. — С.К.), который находится повыше аула. Приближаясь к нему, мальчики бросают в него камнями и пулями (с религиозной точки зрения это могло быть воспринято как святотатство. — С.К.), восклицая при этом: “Сколько (по числу бросаемых камней и пуль) мальчиков и одну синеглазую девочку — подай, Майрам, нашей доброй невестке...” Прибегают же осетины к этому священному камню, потому что в нем живет благодатная Мария, Матерь Господа Иисуса Христа, и они думают, что если поручить молодую ее покровительству, как имеющей власть над чревами женщин, то непременно она будет творить во чреве ее одних только мальчиков, равно и соблюдать ее от всякой посторонней, тайной силы и рожденных от нее делать долголетними» ¹³.

Здесь причудливо сочетаются элементы мифологического и уже религиозного сознания. С одной стороны, в свадебную обрядность включена необходимость молитвенного обращения к христианскому персонажу — Богоматери. С другой — сама форма данного обращения основана на мифологической убежденности в том, что Она обитает в конкретном природном объекте — в камне, и что до Нее можно «достучаться», бросаясь «камнями и пулями». Подобная практика отсылает нас к одной из древнейших форм первобытной религии — к фетишизму как практике придания окружающим материальным объектам сверхъестественных свойств. Фетишем, как правило, мог стать абсолютно любой предмет, при этом к прямому обожествлению это обычно не приводило. С фетишем часто обращались весьма бесцеремонно (били, забивали в него гвозди и т.п.) с целью «пробудить» его, привлечь его внимание. Поэтому-то мальчишки и кидали в Мады-Майрам камешки, пули и т.д., что указывает на то, что в период, описываемый Гатиевым, в этнорелигиозном сознании осетин Мады-Майрам уже/еще не занимала того места, которое ей отведено в доктринальных вероучениях основных христианских конфессий. Произошла типичная для переходного сознания вульгаризация абстракт-

ного образа Богородицы. Кроме того, на мифологичность ее восприятия здесь указывает чисто утилитарный характер обращения к ней, что, в свою очередь, является более типичным для политеистических религий древности. Так, античные греки или римляне зывали к тому или иному богу лишь в случае возникшей необходимости. И поскольку каждый бог отвечал за конкретную сферу жизни, соответственно, и обращение к богам носило сугубо адресный характер. В остальное же время богов было не принято беспокоить. Исключение составляли лишь праздники в честь того или другого бога в пантеоне.

Тем не менее, камень Мады-Майрам ассоциируется именно с религиозным, а не мифологическим субъектом, и учитывая органичное вплетение этого персонажа в систему верований, формальным оно вряд ли является.

Религиозное сознание отмечено, кроме прочего, стремлением к сохранению «чистоты» веры и враждебным отношением к новаторству. В сравнении с ним, сознание мифологическое в гораздо меньшей степени опасается внешних влияний. Даже наоборот: его развитие отличает большая свобода заимствований при неизменной, однако, их адаптации. Присутствие многочисленных следов различных религий в этнорелигиозной системе осетин этим и объясняется. Мировоззренческая и культовая адаптация заимствований при характерной для мифологического сознания нечувствительности к логическим противоречиям, в свою очередь, обеспечила сохранение этнорелигиозной специфики осетин. Показательным в этом отношении является отрывок статьи, опубликованной в «Терских ведомостях» в 1912 г., содержащий диалог между русским путешественником, описывающим осетинский быт и нравы, и местным жителем, который сообщает следующее: «... у нас уже обычай такой, что новорожденному человеку дают два имени — одно при рождении — магометанское или языческое, а другое — при крещении — христианское... Я, например, зовусь Инарком, но у меня есть и церковное имя — Афанасий. Ахмет окрещен был Степаном, Каспол — Петром, Бибо — Игнатом. Но так как родителям нашим более нравились имена, данные при рождении, то нас так и стали звать, а затем это вошло в привычку»¹⁴.

Уже собственно религиозные черты, проявленные именно на мировоззренческом уровне, содержатся в следующем отрывке из той же работы Гатиева: «Собравшись зимою под вечер в чью-либо кунацкую для препровождения времени и потолковать о том и о сем... осетины иногда пускаются в суждения и о Страшном суде, и о явлениях, которые будут сопровождать кияматы-бон («киямат» — День стояния; в исламской эсхатологии — день Страшного суда). “Живем, ... живем, а что будет с нами на Страшном суде ведает только один Бог: когда подумаешь о нем, так по коже мороз дерет и замирает сердце... Говорят, что грешники первые будут осуждены в всеподающий день — и им поделом! Но что будет с нами, бедными стариками, беременными женщинами и грудными детьми?” — “Бог знает: у него есть средство”, — решает другой старик... “Желательно было бы знать, — вмешивается шутник, — будет ли осужден в день Страшного суда ишак?” — “Без сомнения, — отвечают ему, — не только ишак, но даже мухи, мурашки и прочие твари будут осуждены... кому что написано еще в утробе матери, то и будет с ним, если предопреде-

лено.” — “Пусть будет так... но скажите мне, избавится ли ото рта Ахары-дура (здесь буквально — «камень Ахары», который уничтожит всех грешников в день Светопрествления; в исламской эсхатологии — потусторонний мир) бык, на рогах которого держится земля? (в исламской классической картине мира земля покоится либо на плечах ангела, либо на рогах быка. — С.К.)” — “Ведает это один только Бог, — отвечает тот же старик, — отцы наши об этом умолчали... Кто его знает?... Но мне любопытно знать, на чем держится сам бык? Верно, он имеет крылья, которыми постоянно машет, в противном случае как мог бы он держаться и держать на своих рогах землю.” — “Чем же питается тот бык? — докучает тот же любопытный, — ведь под землю есть только воздух, разве им питается? Держа же на рогах землю, он не может щипать траву, ибо если подымет морду к земле, то в то же время подымает и землю, а потому нет ему возможности щипать траву”. — “Да разве у Бога мало средств на то, чтобы бык всегда был сыт? — возражает старик, — наконец, около него, наверное, есть водопад, из которого он может пить, не подымая головы, и стог сена, накошенный и сложенный подземными людьми”. — “Божье удивлень! Неужели на исподней части земли живут люди и животные? Как же они держатся? Ведь у них головы обращены книзу — тартару...” — “Неужели зындон находится под землю? В таком случае как же в Бахфалдисане (надгробной речи) говорится, что умершие сначала должны подыматься вверх, побывать у наследника луны — Хамед хана и сына солнца Магомета”, — возражает другой джигит”. — “Да разве, — возражает в свою очередь старик, — не видишь, что солнце и луна ходят вокруг земли: с востока подымаются и на западе заходят. Разумеется, на исподней части земли есть люди, и у них дома. Едят же они небесные кушанья, непохожие на наши. У них есть страшные враги, которые по временам нападают на них и едят их, оставляя каждый раз только частицы, которые вырастают и принимают прежний вид”»¹⁵.

Приведенный фрагмент повествования, вне всякого сомнения, демонстрирующий мировоззренческий конфликт (а именно конфликт неизменно является главным признаком любого развития) с высокой степенью наглядности показывает результаты исследуемого процесса:

1. Здесь уже совершенно очевидно преодолевается прежняя, большей частью формально-декларативная проявленность доктринальных религий (в данном случае — ислама) в этнической. Отрывок указывает на состояние мировоззренческого перехода от «мифа к логосу». Миф знает ответ на все вопросы, здесь же бросается в глаза гораздо большее, в сравнении с мифом, незнание, характерное для сознания религиозного — «ведает это один только Бог».

2. Контекст беседы также недвусмыслен: речь о Страшном суде, на котором каждый и получит по заслугам (мифологическое воздаяние, в отличие от религиозного, как правило, следует немедленно).

3. То, что выискиваются «шутники», не боящиеся шутить на подобные темы, также признак трансформации сознания: суеверный страх как характеристика мифологического мировоззрения уже не имеет той всепоглощающей власти над ним: на смену архаическому табу приходит понятие греха, за который наказание может и

не наступить, если Богу будет угодно по каким-то причинам простить грешника.

4. Свойственный мифу аналогизм тут уже явно преодолевается. Взамен прежней «нечувствительности» к логическим несоответствиям приходит привычка задавать скептически-рациональные вопросы.

5. Подтверждается одна из характеристик религиозного сознания: вера в божественную сверхсилу, способную гармонизировать любой хаос и манипулировать как природой, так и судьбами людей. То, что недоступно человеческому пониманию, доступно Божественному разуму: «Бог знает: у него есть средство».

6. Идея абсолютного предопределения, являющаяся одним из шести столпов веры (имана) в исламской догматике также проявляется здесь уже на мировоззренческом уровне: «кому что написано еще в утробе матери, то и будет с ним».

Что касается трех последних предложений отрывка, то в них, безусловно, еще очень отчетливо проявляются мифологические черты: с целью победить в споре собеседника, рассказчик, очевидно, самостоятельно додумывает недостающие эсхатологические элементы, доселе никем не фиксировавшиеся, в результате чего мы опять имеем дело со свойственным мифу аналогизмом и социально-антропоморфным представлением о загробной жизни.

Подводя итоги, следует отметить, что в развитии этнической религии осетин были выделены три структурных этапа: бытование собственно мифологического сознания; преобладание мифологического сознания с элементами «внешнего» религиозного присутствия; преобладание религиозного сознания при сохранении элементов мифологического.

Конечно, трудно с полной уверенностью идентифицировать, когда именно исследуемая трансформация начала свой хронологический отсчет. Тем не менее, есть основания полагать, что процесс этот активизируется именно со второй половины XIX века.

В пользу данного предположения говорят множественные модернизационные процессы, обусловленные интеграцией Осетии в орбиту российской государственности: «Эпоха второй половины XIX — начала XX веков, ознаменовавшаяся сложными модернизационными процессами, стала для России своеобразным прогрессивным импульсом в развитии социально-экономической системы, изменения в которой привели к трансформации целого ряда ценностных установок и образа жизни населяющих ее народов, формированию нового культурного пространства, выходу общественных отношений на более высокий уровень»¹⁶.

Несмотря на действие общих законов общественных трансформаций смена духовно-мировоззренческих моделей у осетинского этноса, без сомнения, носила сугубо специфические черты. Факт перехода — явление всеобщее, а потому закономерное. Под «всеобщим» понимается форма, а под «индивидуальным» — содержание (например, нартский эпос и осетинский устный фольклор), в котором и выражается упомянутая уникальность. Поэтому от «собственно исторического», то есть от того, в чем проявляется сугубо осетинская специфика анализировавшихся процессов, от глубины их современного восприятия зависит качество не только исторической па-

мьяти народа, но и сохранение его ментальной идентичности. В этом поиске индивидуального во всеобщем состоит смысл его культурного самоопределения.

Примечания

1. КАНУКОВА З.В. Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII—начало XX в.). — Известия СОИГСИ. 2016, № 20, с. 40—50.
2. ГУТИЕВА Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации: вторая половина XIX — начало XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Владикавказ. 2013. URL: <http://www.dissercat.com/content/osetinskaya-intelligentsiya-v-epokhu-poreformennoi-modernizatsii-vtoraya-pol-xix-nachalo-xx-#ixzz588spKWSv>.
3. УАРЗИАТИ В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ. 1995, с. 229.
4. ГУТИЕВА Э.Ш. Ук. соч.
5. ХАДИКОВА А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ. 2015, с. 62.
6. СЕРГЕЙЧИК Е.М. Религия в архаическом обществе. СПб. 2003, с. 146.
7. АБАЕВ В.И. Нартовский эпос осетин. В кн.: Сказания о нартах. Владикавказ. 2000, с. 5.
8. Нарт Дзылы и его сын. Там же, с. 510.
9. ПФАФ В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии. В кн.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ. 2004, вып. 7, с. 38.
10. КАЛОЕВ Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М. 2015, с. 345.
11. В Осетии. Цейское ущелье. — Терские ведомости. 1892, № 100. В кн.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали. 1987, вып. 3, с. 75—76.
12. КУЗНЕЦОВ В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ. 1990; УАРЗИАТИ В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ. 1995; ДАРЧИЕВ А.В. О некоторых реликвиях из святилища Реком. Владикавказ. 2011; МАМИЕВ М.Э. Аланское православие: история и традиция. М. 2014.
13. ГАТИЕВ Б. Суеверия и предрассудки у осетин. Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис. 1876, отд. 111. В кн.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах, вып. 3, с. 166.
14. Жертвоприношение домовому. Там же, с. 100—101.
15. ГАТИЕВ Б. Ук. соч., с. 206—207.
16. ДЗАЛАЕВА К.Р. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX—начало XX века). Владикавказ. 2012, с. 5.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ДЖ.П. ГАСАНЛЫ. *Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939—1945)*. М. Политическая энциклопедия. 2017. 447 с.

В рецензируемой монографии, написанной на основе многочисленных архивных документов, рассматривается дипломатическая борьба СССР, Великобритании, Франции, США и Турции в Иране в годы второй мировой войны.

«Иранский вопрос» — один из самых интересных и малоизученных кризисов в истории международных отношений 1940-х годов. Внимание отечественных и зарубежных ученых привлекают, прежде всего, бурные события второй половины 1945 — первой половины 1946 г., когда противостояние бывших партнеров по антигитлеровской коалиции вокруг Ирана достигло критической точки. Однако эти события стали лишь кульминацией напряженности, нараставшей в самом Иране и на его границах на протяжении всех военных лет.

Дж. Гасанлы представил масштабное комплексное исследование, основанное на широком круге документов из архивов России, Азербайджана, Грузии, Турции, США, Франции и Великобритании, часть которых впервые вводится в научный оборот. Автор рассматривает несколько сюжетов — дипломатическую борьбу в 1939—1940 гг.

вокруг бакинской нефти; культурную и политическую экспансию СССР в Иранском Азербайджане; становление Наркомата иностранных дел Азербайджанской ССР; события в Иране и Турции 1941—1945 гг. и борьбу союзников за политическое влияние в регионе и за доступ к иранской нефти.

Автор детально анализирует французские и британские планы бомбардировок советских нефтепромыслов в Баку 1939—1940 гг., для разработки которых активно привлекались азербайджанские эмигранты, проживавшие во Франции. Бомбардировки должны были не только разрушить советские нефтепромыслы в Азербайджане, но и закрыть СССР и Германии путь к нефтяным районам Ближнего Востока (с. 15). Гасанлы устанавливает прямую связь между привлечением эмигрантов к разработке планов бомбардировок Баку и активизацией эмигрантского движения за создание независимой от СССР Кавказской конфедерации, подразумевавшей политическую и экономическую интеграцию территории Грузии, Азербайджана, Армении и Северного Кавказа (с. 22).

Вопрос о роли Турции и Ирана в борьбе западных держав за нефть, по

мнению автора, впервые приобрел значение также в связи с планами бомбардировок Баку, поскольку даже при условии использования ими военных аэродромов в Сирии и Ираке, их самолеты не могли миновать воздушное пространство Турции и Ирана. Автор указывает, что главным препятствием для осуществления бомбардировок стала нерешительность Турции, поскольку именно из-за ее колебаний начало операции постоянно откладывалось (с. 29). Важно отметить, что Гасанлы приводит документальные свидетельства зарождения этих планов в британских и французских правительственных кругах в сентябре 1939 г., то есть за два месяца до нападения СССР на Финляндию (с. 15). Советско-финская война лишь активизировала их разработку.

Рассматривая иранский и азербайджанский вопрос на начало второй мировой войны, автор показывает особый интерес к Ирану всех сторон конфликта — советского руководства, западных держав и правительства Третьего рейха. В свою очередь Тегеран, утверждает Гасанлы, не скрывал своего особого интереса к территории Советского Азербайджана. Автор особо подчеркивает, что в иранских официальных документах рассматриваемого периода Азербайджанская ССР именуется Кавказским Азербайджаном, а его столица Баку носит старинное персидское название Бад-Кубе (с. 33).

Анализируя последствия советского и британского вторжения на территорию Ирана в конце августа 1941 г., историк указывает, что присутствие советских войск на территории Иранского Азербайджана практически сразу же привело к обострению в стране межнациональных конфликтов, поскольку часть некоренного населения незамедлительно выступила за установление советской власти (с. 42). По мнению автора, отречение от престо-

ла Резы-шаха Пехлеви в пользу более близкого европейским ценностям сына Мохаммеда было подготовлено и реализовано по инициативе Великобритании с целью повышения своего влияния в Иране (с. 49).

Советская политика в Южном Азербайджане, отмечает Гасанлы, изначально носила характер культурной и политической экспансии. Окончательно оформленную цель — создание национально-автономной Азербайджанской области с широкими правами, а также ее последующее присоединение к СССР — она приобрела лишь летом 1945 г. (с. 246). Силами специальной группы, сформированной из бакинских политработников, находившейся в Южном Азербайджане в 1941—1945 гг., был реализован комплекс мер, направленных одновременно на усиление сепаратистских настроений в регионе и рост симпатий к Советскому Союзу. Последовательная реализация этих мер, подчеркивает Гасанлы, опровергает точку зрения известного американского исследователя Брюса Кунхолма, полагающего, что «у Советского Союза в начале 1944 г. не было четкого плана действий для реализации своих целей» (с. 99).

Приводя в доказательство выдержки из различных документов, отложившихся в российских, азербайджанских, турецких и британских архивах, автор показывает, что к началу 1942 г. на территории Иранского Азербайджана столкнулись интересы игроков разного уровня. Во-первых, самого Ирана, Великобритании, Турции и Советского Союза; во-вторых, азербайджанского меньшинства, проживавшего на территории Ирана и добивавшегося большей независимости от Тегерана; в-третьих, различных советских структур, недостаточно хорошо скоординированных как между собой, так и с Москвой — советского посольства в Тегеране, группы бакинских политра-

ботников, спецслужб Советской Армении и Советского Азербайджана (с. 114—115). Все это вносило немалую лепту в возрастание напряженности в регионе.

В связи с деятельностью в Южном Азербайджане «бакинской группы» автор подробно рассказывает о становлении в 1944 г. Наркомата иностранных дел Азербайджанской ССР, призванного сыграть главенствующую роль в советизации Иранского Азербайджана. В августе-сентябре 1945 г. азербайджанский НКВД принял ряд представительных зарубежных делегаций (с. 314—315), а Баку превратился в важный геополитический центр, своеобразную «витрину» советских достижений, особенно ярко смотревшихся на фоне нищеты и неустроенности Иранского Азербайджана (с. 312).

Рассматривая «большую игру за нефть», начавшуюся в Иране с осени 1944 г., Гасанлы подробно исследует внутреннюю политику правительств шаха Мохаммеда Резы, в том числе те ее аспекты, которые способствовали росту сепаратистских настроений и недовольства в Южном Азербайджане. Автор также анализирует притязания СССР, США и Великобритании на иранскую нефть, их отношения друг с другом и с руководством Ирана. Отставку иранского премьер-министра М. Саеда, последовавшую 9 ноября 1944 г., Гасанлы напрямую связывает с его интригами против предоставления советскому правительству концессии на разработку североиранской нефти и инспирированным Москвой массовым возмущением этими действиями различных слоев иранского населения (с. 131). Автор неоднократно затрагивает вопрос о том, что было главным приоритетом советской политики в Иране — получение доступа к иранской нефти или обеспечение безопасности южных границ СССР путем создания в Иранском Азербай-

джане «буферной зоны». По его мнению: «Нефтяной вопрос превратился в главный фактор политики СССР в Южном Азербайджане и всей политики в целом в отношении Ирана. Борьба за нефть в Иране стала определяющей для СССР с июля 1945 г.» (с. 241). Этот вывод автора можно оспорить. Поведение советского руководства при решении других подобных кризисов — в частности, корейского, — доказывает, что приоритет Москва отдавала все же созданию вокруг своих границ «пояса безопасности» с просоветски настроенными правительствами. Что касается Иранского Азербайджана, то для финансирования там сепаратистского движения и обеспечения победы «нужных» кандидатур на выборах в иранский меджлис был выделен специальный фонд в размере 1 млн инвалютных рублей (с. 243). Для обеспечения деятельности бакинской группы на протяжении всех военных лет также выделялись значительные для того времени суммы.

Наряду с основными сюжетами монографии Гасанлы анализирует ряд менее значимых. Например, турецкую политику Советского Союза и попытку отторжения части территории Турции под предлогом репатриации туда армянских эмигрантов (с. 299—300). Автор выделяет широкий спектр мер, предпринятых советским руководством для прямого или опосредованного давления на Турцию с целью получения контроля над проливами и возвращения восточных вилайетов в состав Армении (с. 87—88). Этими вопросами чрезвычайно активно занимался азербайджанский НКВД.

В монографии затрагивается также деятельность азербайджанской эмиграции в Германии в годы второй мировой войны. Автор указывает на заметную роль азербайджанских эмигрантов в подготовке проекта по созданию Кавказского рейхскомиссариата с

управлением им местными чиновниками (с. 192), а также упоминает о формировании мусульманских легионов для борьбы с СССР на Кавказе (с. 195, 203) и создании в Берлине Азербайджанского меджлиса национального единства с филиалами в Париже и Варшаве (с. 210). В марте 1945 г., наряду с другими кавказскими национальными комитетами, он получил статус временного правительства будущей независимой республики (с. 218).

Раскрывая вопрос об отказе СССР вывести войска из Ирана в ранее согласованный с союзниками срок, автор уделяет основное внимание позиции советского руководства, практически не рассматривая в этом контексте США и Великобританию. Гасанлы пишет о неудачной попытке иранского правительства вынести вопрос о вмешательстве СССР в свои внутренние дела на обсуждение ООН во избежание «второго Мюнхена» (с. 283). Автор подчеркивает, что Великобритания и США побоялись апробировать эффективность только что созданной организации на примере решения настолько важной проблемы (с. 337).

Завершая рассмотрение ситуации в Южном Азербайджане, сложившейся к концу 1945 г., автор приходит к выводу о том, что обсуждение иранского вопроса на Московском заседании совета министров иностранных дел союзников в декабре 1945 г. не принесло никаких плодов и стало, по сути, дипломатическим проигрышем всех сторон конфликта, которые не смогли разрядить или хотя бы смяг-

чить возникшую напряженность. В связи с этим недостаточно обоснованным представляется решение автора завершить исследование именно Московской конференцией СМВД — по сути, самой критической точкой в иранском конфликте. Поскольку сам Гасанлы утверждает, что «после окончания войны в Европе азербайджанский кризис сразу же послужил одним из главных факторов начала “холодной войны”» (с. 255), логичнее было бы продолжить эту мысль и довести работу до ее логического конца — вывода советских войск из Ирана.

Следует отметить, что одним из достоинств книги является непредвзятость суждений автора. Приводя многочисленные документальные свидетельства, освещающие рассматриваемые события с разных сторон, подтверждая или опровергая мнение о них других исследователей, исправляя фактологические ошибки, допущенные другими авторами (с. 253), Гасанлы применяет взвешенный подход, стараясь строго придерживаться принципа научной объективности. Его исследование — яркая, подробная и интересная работа, которая будет востребована не только широким кругом специалистов, но и теми, кто интересуется историей второй мировой войны, «иранским» и «азербайджанским» вопросами, нефтяной политикой СССР и стран Запада, а также истоками «холодной войны».

К.В. МИНКОВА, С.Л. ТКАЧЕНКО

Возвращаясь к напечатанному

В сообщении И.А. Мальцева «Дело об “отсуждении из рабства” джунгара А. Алексеева», опубликованном в № 8 журнала «Вопросы истории» за 2017 г., при редактировании была допущена ошибка. Вместо указания в примечании № 27 (с. 94): «Там же, л. 6об.—7об.» следует читать: «РГИА, ф. 1405, оп. 16, д. 2908, л. 6об.—7об.».

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **A.L. Korzinin**. The Monarch Court during the Boyar rulling: the practical realisation of land policy 1530—1540-th years. Historical profiles: **N.A. Vlasov**. Alfred von Waldersee. Historical publicistic: **D.S. Dudarev**, **S.L. Dudarev**. Russian soldier in the Chechen captivity (40-ies. XIX c.). Contributions: **V.A. Ippolitov**, **A.A. Slezin**. Attitude to I.V. Stalin's Article "Dizzy with Success" in the Komsomol; **M.R. Gasanov**. The Caspian campaign of Peter I in 1722—1724 years — an important stage in the development of Russian-Dagestan relations; **E.M. Abbasov**. Unknown pages in the history of Baku State University; **Jo Junbae**. The reorganization of the Soviet trade unions in 1928—1931. Diplomacy in history: **I.S. Rybachenok**. Foreign tour of Professor F.F. Martens. For teacher of history: **P.A. Iskenderov**. Soviet-German Non-Aggression Pact of 1939: nodal points of discussion. People. Events. Facts: **Y.V. Voeykov**. Fighting forest guards with theft of forest in the Volga region during the NEP; **S.A. Repinetskiy**. Accepting revolution: how did russian liberals become its supporters. From history of religions: **S.G. Ktsoeva**. Some aspects of transformation of ethnic religion of Ossetians in the second half XIX — beginning XX century. Historiography. *Reviews on books*: **J.P. Hasanly**. Soviet policy on the expansion of southern borders: Stalin and the Azerbaijani map in the struggle for oil (1939—1945) (by K.V. Minkova, S.L. Tkachenko). Returning to the printed.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 8, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции. Компьютерное сопровождение: *С.А. Терентьев*

Подписано в печать 25.07.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 880. Заказ 2463-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**